

2024

Volume 18

No 3 (69)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

2024

Том 18

№ 3 (69)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Формат 240×170. Объем 180 с. Тираж 32 экз. Заказ № 24057. Дата выхода в свет 30.09.2024. Цена свободная. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

- Maksim V. Bavsun (St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia)
Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)
Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)
Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)
Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)
Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)
Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)
Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)
Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)
Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)
Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)
Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Anastasia A. Volchenkova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (СПбУ МВД РФ, Санкт-Петербург, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. А. Волченкова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Sidorova G. M.

Migration problems of the Benelux countries in the context of joint European policy.....356

Israilov A. K., Morgunova O. A.

Chechen Diaspora in the countries of the Middle East: on the issue of generational continuity and socio-political dynamics of communities.....366

Pavlov A. S.

Problems of preserving the position of the Russian language in Georgia within the context of current geopolitical situation378

Spiridonova E. V., Obnorskaia N. V.

A mouse in a box is like a warlord in a city (mice as characters of Russian folklore)388

Lupandin L. S.

Women's participation in Gnostic societies398

LAW

Lushnikov A. M., Karpov A. A., Smirnov D. A.

About "economic imperialism" and some of its manifestations in the humanities and in practice408

Barakhoeva A. R., Grechina L. A.

Instructions of the President of the Russian Federation as incentives for improving administrative legislation.....418

Tarusina N. N., Fedotov A. I.

Essays on the female and male mentality in Russian institutions of matrimony and parenthood (until the middle of the XIX century).....426

Solovyev O. G., Knyazkov A. A.

The current state of domestic legislation in the field of turnover of digital currencies and digital assets and law enforcement issues in the criminal sphere440

Oganesyan R. G.

Ostap Bender and the Criminal code of the RSFSR 1926. Part I448

Kharlamova N. A.

On the question concerning the concept of a special corpus delicti.....458

Ismailov R. M.

Peculiarities of interpretation in the Islamic legal family.....466

PSYCHOLOGY

Koneva E. V., Roschina G. O.

Foreign studies of simulation training in professional teacher education: literature review.....474

Chemakina A. V.

Features of the structural organization of emotional intelligence of men and women – managers of public catering enterprises with different levels of severity of mental burnout484

Trifonova S. A., Galmak M. V.

The conditionality of the sovereignty of the psychological space of the individual by coping strategies and mechanisms of psychological protection for people from single-parent and large families.....496

Vlasov N. A.

The concept of the psyche in Russian pre-revolutionary psychology506

Karpov A. V., Bashkin M. V.

Structural aspects of cognitive decline syndrome.....514

ИСТОРИЯ

Сидорова Г. М.

Миграционные проблемы стран Бенилюкса в контексте
общеευропейской политики.....356

Исраилов А. Х., Моргунова (Петрунько) О. А.

Чеченская диаспора в странах Ближнего Востока: к вопросу
о поколенческой преемственности и социополитической динамике
сообществ.....366

Павлов А. С.

Проблемы сохранения русского языка в Грузии в контексте
современной геополитической конъюнктуры.....378

Спридонова Е. В., Обнорская Н. В.

Мышь в коробе как воевода в городе (мыши как персонажи
русского фольклора).....388

Луландин Л. С.

Участие женщин в гностических обществах398

ПРАВО

Лушников А. М., Карпов А. А., Смирнов Д. А.

Об «экономическом империализме» и о некоторых его
проявлениях в гуманитарных науках и на практике408

Барахоева А. Р., Гречина Л. А.

Поручения Президента РФ как стимулы совершенствования
административного законодательства418

Тарусина Н. Н., Федотов А. И.

Очерки о женской и мужской ментальности в российских
институтах супружества и родительства (до середины XIX в.).....426

Соловьев О. Г., Князьков А. А.

Современное состояние отечественного законодательства
в сфере оборота цифровых валют и цифровых активов
и вопросы правоприменения в уголовно-правовой сфере440

Оганесян Р. Г.

Остап Бендер и Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Часть I448

Харламова Н. А.

К вопросу о понятии специального состава преступления.....458

Исмаилов Р. М.

Особенности толкования в исламской правовой семье466

ПСИХОЛОГИЯ

Конева Е. В., Рощина Г. О.

Личностные детерминанты предпочтения «опасных»
и «безопасных» видов профессиональной деятельности474

Чемякина А. В.

Особенности структурной организации эмоционального
интеллекта мужчин и женщин – сотрудников предприятий
общественного питания с разным уровнем выраженности
психического выгорания484

Трифонова С. А., Гальмак М. В.

Обусловленность суверенности психологического пространства
личности копинг-стратегиями и механизмами психологических
защит у выходцев из однодетных и многодетных семей.....496

Власов Н. А.

Понятие психики в отечественной дореволюционной психологии506

Карпов А. В., Башкин М. В.

Структурные аспекты синдрома снижения когнитивности514

Migration problems of the Benelux countries in the context of joint European policy

G. M. Sidorova¹

¹Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-356-365

Research article
Full text in Russian

The purpose of the article is to prove by specific examples the inability of the authorities of Belgium, the Netherlands and Luxembourg, united into the Benelux community, to regulate the flows of immigrants and refugees to their countries; to identify the consequences of a liberal policy towards foreigners, in particular, difficulties in integrating them into the European society. Along with this, the issues of the crime rate growth, the discontent of the local population with the destabilization of the situation and other topics are discussed. The author concludes that the Benelux countries, despite their efforts, are still unable to develop a unified balanced policy towards immigrants and refugees. This is due to great differences both in government circles and in the civil society of these countries.

Keywords: Benelux; Belgium; Netherlands; Luxembourg; immigrants; refugees

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sidorova, Galina M. | E-mail: gal_sid@mail.ru
D. Sc. (Politics), Professor

Funding: Russian Science Foundation (project 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>).

Миграционные проблемы стран Бенилюкса в контексте общеевропейской политики

Г. М. Сидорова¹

¹Институт Африки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-356-365
УДК 94(41/00)+325.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Цель статьи – доказать на конкретных примерах неспособность властей Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, объединенных в сообщество Бенилюкс, регулировать потоки иммигрантов и беженцев в их страны; выявить последствия либеральной политики в отношении иностранцев, в частности трудности с интеграцией их в европейский социум. Наряду с этим затрагиваются вопросы роста преступности, недовольство коренного населения де-стабилизацией обстановки и другие. Автор приходит к выводу, что страны Бенилюкса, несмотря на предпринимаемые усилия, пока не могут выработать единую сбалансированную политику в отношении иммигрантов и беженцев. Причиной тому – разногласия как в правительственных кругах, так и в гражданском обществе этих стран.

Ключевые слова: Бенилюкс; Бельгия; Нидерланды; Люксембург; иммигранты; беженцы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сидорова, Галина Михайловна | E-mail: gal_sid@mail.ru
Доктор политических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Финансирование: Российский научный фонд (грант № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>).

Общеевропейские тенденции

Миграционная политика стран Бенилюкса, с одной стороны, вписывается в контекст политики Евросоюза, с другой – строится в зависимости от истории и специфики нормативно-правовой базы каждой из этих стран. Проблема заключается в том, что, хотя Евросоюз и пытается найти общие подходы к регулированию миграционного кризиса, согласование решений между странами – членами ЕС затягивается и они не всегда достига-

ют консенсуса. К примеру, европейское Бюро по вопросам предоставления убежища выполняет лишь одну треть задач по высылке незаконных мигрантов, а пограничное европейское агентство не справляется с наплывом беженцев [1]. Часто поляризация общественного мнения сводится к упору на мобилизацию в поддержку или против миграции.

Наибольшую проблему представляют иммиграции стихийного характера, которые не поддаются регулированию. Они не подвластны законам, в каком бы то виде они ни появлялись – ограничений, запретов или других нововведений. В 2020 г. Евросоюз предпринял очередную попытку скорректировать свою миграционную политику. Наиболее убедительно она выражена в проекте документа «Европейский пакт о миграции и предоставлении убежища», одобренный в декабре 2023 г. [2] Этот текст, согласованный главами государств и правительств, выражает политическую приверженность линии Евросоюза и его государств-членов как по отношению к своим гражданам, так и по отношению к третьим государствам. В свете новых директив государства-члены должны бороться с нелегальной миграцией. Например, если условия в конфликтных странах становятся благоприятными, то необходимо обеспечить возвращение этого мигранта на родину. Ставится вопрос о повышении эффективности пограничного контроля и налаживании процесса интеграции [3].

При всей многоплановости документа он неравнозначно оценен европейскими экспертами. Одни считают меры Пакта недостаточно радикальными, другие выступают против принудительной высылки, третьи настаивают на стимуляции трудовой миграции. Например, лидер французского «Национального объединения» Марин Ле Пен неодобрительно отнеслась к документу, назвав его «самоубийством Европы», поскольку, по ее мнению, его принятие вызовет «ускорение развития исламизма и рост риска терроризма» в Европе [4].

Проблема эмиграции и беженства тесно связана с вопросами национальной безопасности. По мнению В. Ю. Зорина, «если эксперты воспринимают ее, прежде всего, в контексте рынка труда и демографии, то на уровне массового сознания акцент делается на вопросах безопасности» [5, с. 13]. Страны Бенилюкса пытаются комплексно подойти к решению ставших перед всей Европой проблем дестабилизации обстановки. Так, в конце 2023 г. полицейские власти Бельгии, Нидерландов и Люксембурга подписали соглашение о сотрудничестве [6]. В новом документе подчеркивается, что «речь идет о важном этапе укрепления безопасности граждан, о необходимости действовать быстро и эффективно на территориях других стран [Бенилюкса – Г. С.]» [6]. По словам Госсекретаря по убежищу и миграциям Бельгии Николь де Мур, «соглашение улучшит прозрачность перемещения иностранных граждан в Бенилюксе» [7]. Полицейские трех стран теперь могут, например, допрашивать свидетелей или жертв на соседних территориях, а также обмениваться базами данных

по иммигрантам и беженцам, совершать совместные патрульные рейды на границах.

Бельгия

Бельгия, как другие страны Бенилюкса, благополучная страна в центре Европы в плане проживания. Именно поэтому, начиная с колониального периода XIX века, туда стекались разные народы с разных континентов. Процесс перемещения иммигрантов усилился после 1960 г., когда большинство стран Азии и Африки освободились от колониальной зависимости. В последнее десятилетие XXI века этот процесс связан с многочисленными войнами и конфликтами, в частности на африканском континенте. Бельгию иногда называют искусственным изобретением европейских держав, которые создали ее как буферную зону между Францией и Германией, чтобы они прекратили распри. Как в историческом контексте, так и в современной власти страны не чинили каких-либо препятствий для иммигрантов. Скорее, наоборот, стремились создать им необходимые условия для адаптации. Идея была такова, что взаимопроникновение культур только обогащает людей и способствует их сплочению. Однако единства в подходах к иммигрантам в Бельгии нет. Отношение к ним во многом обусловлено собственно этническим составом страны. В основном это фламандцы, говорящие на фламандском языке (похожий и одновременно отличающийся от нидерландского), и валлоны – франкоговорящее население. Отсюда и разные подходы к иммигрантам и беженцам. Фламандцы поддерживают мультикультурализм, а валлоны – ассимиляцию.

Правительство «ищет компромисс между ассимиляцией и мультикультурализмом. Интеграция одновременно направлена на инкорпорацию мигрантов и на сплочение общества на принципах большого разнообразия» [8]. Как и прежде, интеграция мигрантов в европейский социум – важная составляющая миграционной политики страны. Власти стремятся к успешной адаптации мигрантов и их социализации. Одним из таких аспектов является языковая интеграция. Иммигранты должны выучить один из официальных языков Бельгии – французский, нидерландский или немецкий.

Из-за большого числа иммигрантов состав населения довольно пестрый. Там проживают переселенцы из Италии, Испании, Греции и Турции. Одни приехали туда в поисках работы, другие – лучших жизненных условий. В последнее время много иностранных граждан из стран Африки (в основном марокканцы), Ближнего Востока и Азии. В 2021 г. Бельгия приняла 112 тыс. новых долгосрочных или постоянных иммигрантов, что на 21 % больше, чем в 2020 г. В эту цифру входят 56,9 % иммигрантов, допущенных в рамках свободного передвижения, 4,7 % трудовых мигрантов, 29,3 % членов семьи (включая сопровождающую семью) и 9 % гуманитарных мигрантов. Наибольшее увеличение с 2021 г. наблюдается

за счет граждан Бурунди [9]. По сведениям экспертов, на 2022 г. доля марокканцев среди трудовых мигрантов – одна из самых крупных. По разным оценкам около 0,5 млн чел.

150 тыс. мигрантов из стран Северной Африки – нелегалы. За 2022 г. в страну прибыло 100 тыс. мигрантов, из которых большая часть осела в Брюсселе [10]. Мигранты нередко дестабилизируют обстановку, что приводит коренных жителей к панике и всеобщим протестам. Так, в конце 2022 г. в Брюсселе марокканские мигранты – футболисты отметили свою победу над сборной Бельгии битьем витрин магазинов и сжиганием покрышек [10].

Власти явно не справляются с наплывом беженцев. Бельгийское бюро по предоставлению убежища (Fedasil) констатирует о нехватке рабочих рук в специализированных центрах по приему беженцев. В октябре 2022 г. они были вынуждены пойти на временную меру – направить туда 150 сотрудников из других министерств [11]. Кроме того, для размещения беженцев в специальных центрах не хватает мест «и просители убежища ночуют на улицах Брюсселя» [11].

На фоне общеевропейских законов об иммиграции Бельгия имеет свое законодательство, предусматривающее въезд в страну иностранных граждан. При этом различаются такие категории, как мигранты, беженцы, экономические мигранты, семейные и другие. С увеличением числа мигрантов в последнее время возникают вопросы безопасности и усиления контроля границ с целью предупреждения преступности.

Разработкой, пересмотром и определением руководящих принципов, касающихся администрирования, продвижения, разработки и координации внешней политики Бельгии в области иммиграции, борьбы с торговлей людьми занимается Федеральная государственная служба (Service publique fédéral) Бельгии по иностранным делам. Для репатриации беженцев открыты 43 офиса, где эксперты проводят индивидуальные консультации, чтобы убедить людей вернуться в свои родные страны после стабилизации там ситуации. Однако проблема состоит в том, что иногда власти африканских стран не хотят возвращать своих граждан, особенно тех, у кого есть судимость.

В начале 2024 г. Бельгия, выступив в качестве председателя Бенилюкса, разработала план совместных действий трех стран, направленный на противодействие трансграничной преступности, а также улучшение ситуации с беженцами [12]. В пункте 1.3. «Убежища и миграция» сообщается, что страны Бенилюкса продолжают дискуссии на данную тему в рамках Евросоюза для выработки единой политики в отношении эмигрантов и беженцев. Подчеркивается важность продолжения практики заключения соглашений с третьими странами, включая визовые вопросы и реадмиссию.

Следует отметить некоторое ужесточение миграционной политики. Так, в 2022 г. 25 тыс. просителям убежища было отказано в ходатайстве

и предписано покинуть территорию. По замыслу авторов этот план «будет способствовать улучшению управления миграционными потоками и усилит борьбу с нелегальной миграцией» [12, p.13].

Похожие пожелания сотрудничества в рамках Бенилюкса были изложены годом раньше в ходе совещания стран по дальнейшей стратегии во время председательства Нидерландов. Приоритетами стали вопросы об оказании убежища и временного размещения беженцев с Украины. Высказывалось мнение о необходимости «укреплять синергию и конструктивное взаимодействие для более эффективного решения проблем, связанных с предоставлением убежища в странах Бенилюкса и Европейском Союзе» [13].

Несмотря на попытку властей упорядочить прием эмигрантов и беженцев, найти баланс между защитой прав мигрантов и обеспечением национальной безопасности властям Бельгии пока не удастся. Нет и единой согласованной политики в отношении беженцев и нелегальных мигрантов, в то время как наблюдаются тенденции к социальным напряжениям и конфликтам. Вполне можно согласиться с экспертами ежегодного доклада по Бельгии, которые утверждают, что «процессы, лежащие в основе этих перемещений населения, глубоки и мощны, и нет никаких оснований полагать, что они могут ослабнуть во все более напряженной международной обстановке» [14].

Таким образом, проблема мигрантов в целом и их социализация в бельгийское общество остается сложной задачей, которая потребует усилий как со стороны государства, так и со стороны самих мигрантов. Важно найти компромисс между интересами местных жителей и мигрантов.

Нидерланды

Миграционная политика Нидерландов всегда отличалась своим либеральным подходом к эмигрантам и беженцам. Государство поощряло самобытность их культур, создавало для этого необходимые условия с целью достижения равных прав мигрантов в социально-экономической сфере, включение их в политическую жизнь страны, а также признание их права на культурное и религиозное самовыражение. Стоит согласиться с мнением экспертов, которые считают, что ситуация с беженцами наиболее драматичная, «где война и гуманность переплетаются, вызывая живые дискуссии и противоречия» [15]. Сейчас в крупных городах Нидерландов проживает всего 46 % коренных жителей, которые вынуждены адаптироваться к культуре проживающих там иностранцев во избежание с ними осложнений. В результате они становятся чужими в собственной стране [16].

Длительное время вопросы миграции решались на основании неформальных соглашений между ведущими политическими партиями, однако в начале XXI в. эти вопросы превратились в ключевые политические про-

блемы страны, вызвавшие острые разногласия в обществе [17]. Нидерланды, как и многие другие страны Европы, стремятся сократить эмиграцию и беженство, однако этот вопрос вязнет в дискуссиях между политиками.

Ведущая партия Нидерландов – либеральная Народная партия за свободу и демократию (VVD), возглавляемая Марком Рютте, – намерена акцентировать усилия на сокращении числа эмигрантов, прибывающих в страну. Власти не в состоянии обеспечить необходимое жилье для прибывающих в страну беженцев. В результате – условия в центрах для беженцев стали крайне неудовлетворительными. Дело дошло до того, что одна гуманитарная организация, защищающая права беженцев, ранее подала в суд на голландское государство [18].

Кроме того, в Нидерландах не все муниципалитеты намерены принимать беженцев. Учитывая тот факт, что за последние 12 лет почти треть муниципалитетов Нидерландов не приняла ни одного беженца, в январе 2024 г. Сенат одобрил законопроект кабинета министров по равномерному распределению беженцев, хотя при обсуждении имелись большие межпартийные разногласия [18].

Ситуация в Нидерландах продолжает оставаться катастрофической. По предварительным подсчетам на 1 января 2024 г. стране требовалось около 4 тыс. мест для того, чтобы справиться с текущим притоком этой категории иностранцев. Госсекретарь по вопросам убежища Эрик ван дер Бург охарактеризовал ситуацию в центре приема и регистрации просителей убежища в Тер-Апеле как «небезопасной и неустойчивой» [19]. Чтобы скорректировать сложившееся положение, Центральное агентство по приему соискателей убежища Нидерландов объявило о планах потратить 750 млн евро на размещение беженцев на судах [20]. Эта временная мера, хотя и является дорогостоящей, считается единственным решением проблемы.

Люксембург

Великое герцогство Люксембург – одно из самых малых государств в мире. Число его постоянных жителей составляет 626 108 чел. (на 1 января 2024 г.) чел. Доля иммигрантов здесь достигает более 304 тыс. чел., или 47 % населения. Наиболее крупные общины иностранного происхождения – португальская (92 101 чел.), французская (49 104 чел.), итальянская (24 676 чел.), бельгийская (19 205 чел.) и немецкая (12 678 чел.). Китайцев насчитывается более 4 тыс. чел. [21]. В общей сложности в Люксембурге проживает 195 разных этносов. Основной мотивацией переселения сюда обеспеченных иностранных граждан является высокое качество жизни, живописные местные пейзажи и средневековые замки. Вынужденных переселенцев больше привлекает безопасность и работа.

Власти страны заинтересованы в притоке иностранной рабочей силы, поскольку ощущается острая нехватка рабочих рук, и не только в неква-

лифицированном труде. Особенно сильно страдает ИТ-сектор, здравоохранение, машиностроение и финансы, а также некоторые строительные отрасли. 1 сентября 2023 г. вступил в силу новый закон, направленный на решение проблемы нехватки квалифицированной рабочей силы.

Миграционные службы Люксембурга стремятся выполнять общеевропейские директивы относительно иммигрантов и беженцев, ищущих временного убежища. Привлекаются международные неправительственные правозащитные организации. Заявления беженцев тщательно анализируются Полицейским офисом по проблемам беженцев при министерстве юстиции. После сложного анкетирования просителю убежища задаются многочисленные вопросы для определения мотивации его запроса. Если миграционная полиция сочтет законными требования просителя и если они не противоречат Женевской конвенции о статусе беженцев, то происходит дальнейшая процедура их оформления. Запросившие убежище имеют право на бесплатную правовую помощь на таких же основаниях, как и местные подданные. В целом миграционная политика Люксембурга в отношении беженцев, особенно той категории лиц, которые пострадали от войн и насилия, более лояльная, чем в Бельгии и Нидерландах.

Выводы

Миграционная проблема в рамках Бенилюкса в целом трудноразрешима в силу многих факторов. Прием иностранцев влияет практически на все жизненные сферы – экономику, политику, культуру, этноконфессиональный аспект. Задача эффективного контроля за потоками мигрантов осложняется еще и тем, что в правительственных структурах, гражданском обществе, в отдельных политических партиях нет единого взгляда на проблему, отсутствует общая стратегия. Одни выступают за ужесточение миграционной политики, другие осуждают их за нарушение прав человека. Слишком либеральная политика наносит вред национальным интересам. Именно поэтому властные структуры вынуждены периодически адаптировать и модифицировать свой политический и дипломатический инструментарий, особенно в области контроля за незаконными мигрантами во избежание рисков возобновления конфликтов на этнической и религиозной почве. Хаотичная иммиграция не поддается контролю.

Таким образом, решение миграционного вопроса в странах Бенилюкса в ближайшей перспективе не просматривается, несмотря на попытки властей координировать усилия даже в рамках Евросоюза.

Ссылки

1. Bloj R., Buzmaniuk S. Comprendre le nouveau pacte sur la migration et l'asile. Questions d'Europe n°577. 16.11.2020. URL: <https://www.robert-schuman.eu/fr/questions-d-europe/0577-comprendre-le-nouveau-pacte-sur-la-migration-et-l-asile> (accessed: 03.01.2024).

2. Pacte Européen sur la migration et l'asile. 2020. URL: https://www.forumrefugies.org/images/s-informer/positions/europe/Note_de_plaidoyer_Pacte_UE.pdf (accessed: 05.01.2024)

3. Asile et migrations. Royaume de Belgique. Service public fédéral. Affaires étrangères, Commerce extérieur et Coopération au Développement. URL: <https://diplomatie.belgium.be/fr/politique/themes-politiques/vers-une-societe-mondiale-et-solidaire/migration> (accessed: 03.01.2024)

4. Глава ЕК указала на несостоятельность миграционных систем Евросоюза. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3119958.html> (дата обращения: 03.01.2024)

5. Зорин В. Ю. Формирование и институализация государственной миграционной политики в современный период // Управление миграцией и модели миграционной политики: возможности и риски: [сб. статей] / [отв. ред. Ал. А. Громыко]. М.: ИЕ РАН, 2020. С. 12-31.

6. Traité entre le Royaume de Belgique, le Grand-Duché de Luxembourg et le Royaume des Pays-Bas en matière de coopération policière. 28 septembre 2023. URL: https://www.benelux.int/files/3315/3606/8826/2018-07-23_Verdrag_Politie_NL-FR.pdf (accessed: 03.01.2024)

7. Les Directeurs généraux en matière d'asile et migration s'échangent sur les politiques d'asile et de migration au sein du Benelux. 19 Déc. 2023. URL: <https://www.benelux.int/fr/post/les-directeurs-generaux-en-matiere-dasile-et-migration-sechangent-sur-les-politiques-dasile-et-de-migration-au-sein-du-benelux-2/> (accessed: 03.01.2024)

8. Лайши Ю. Миграционная ситуация в Бельгии: актуальные вызовы и тенденции. 29.10.2023 URL: https://spravochnick.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/migracionnaya_situaciya_v_belgii_na_sovremennom_etape/?ysclid=lsk32k4kwz229339952#migracionnaya-situaciya-v-belgii-na-sovremennom-etape (дата обращения: 05.01.2024)

9. Belgique. Population née à l'étranger – 2022. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/073eb5eb-fr/index.html?itemId=/content/component/073eb5eb-fr#> (accessed: 03.01.2024)

10. Миграция. 2022. Полмиллиона трудовых мигрантов из Марокко при населении страны в 12 миллионов. URL: clck.ru/3B7XZp (дата обращения: 05.01.2024)

11. Нидерланды и Бельгия не справляются с потоком беженцев, власти растеряны. 7 ноября 2022. URL: clck.ru/3B7Xbq (дата обращения: 05.01.2024)

12. Touche festive lors de la présentation du plan annuel Benelux 2024. 24 Jan. 2024. P.13. URL: <https://www.benelux.int/fr/post/touche-festive-lors-de-la-presentations-du-plan-annuel-benelux-2024/> (accessed: 05.01.2024)

13. Asile et Migration, Sécurité. Les Directeurs généraux en matière d'asile et migration s'échangent sur les politiques d'asile et de migration au sein du Benelux 19 Déc. 2023. URL: <https://www.benelux.int/fr/post/les-directeurs-generaux-en-matiere-dasile-et-migration-sechangent-sur-les-politiques-dasile-et-de-migration-au-sein-du-benelux-2/> (accessed: 05.01.2024)

14. Rapport annuel sur la migration et l'asile en Belgique et dans l'UE 2022 (REM). 06 juin 2023. URL: <https://emnbelgium.be/fr/publication/rapport-annuel-sur-la-migration-et-lasile-en-belgique-et-dans-lue-2022-rem> (accessed: 05.01.2024).

15. Беженцы в центре спора: Нидерланды на перепутье миграционной политики. 30 января 2024. URL: <https://www.novostiniderlandov.com/bezhency-v-czentre-spora-niderlandy-na-perepute-migraczionnoj-politiki/> (дата обращения: 02.01.2024)

16. Muśl Polska: в крупнейших городах Нидерландов голландцев осталось менее 46 %. 28 января 2024. URL: <https://inosmi.ru/20240128/migranty-267573606.html> (дата обращения: 05.01.2024)

17. Васильева Т. А. Иммиграционное законодательство и миграционная политика Нидерландов // История государства и права. 2009. № 19. С. 30-33. EDN KYOPRT.

18. Новый этап миграционной политики: Нидерланды одобрили закон о распределении беженцев. 24 января 2024. URL: <https://www.novostiniderlandov.com/novuj-etap-migraczionnoj-politiki-niderlandy-odobrili-zakon-o-raspredelenii-bezhenczev/> (дата обращения: 05.01.2024)

19. Нидерланды сталкиваются с проблемой размещения беженцев на фоне увеличения числа иммигрантов. NOS.nl 9 декабря 2023. URL: <https://www.novostiniderlandov.com/niderlandy-stalkivayutsya-s-problemoj-razmeshheniya-bezhenczev-na-fone-velicheniya-chisla-immigrantov/> (дата обращения: 05.01.2024)

20. Нидерланды выделяют 750 млн евро на размещение беженцев на кораблях. NOS.nl 20 ноября. URL: <https://www.novostiniderlandov.com/niderlandy-vydelyayut-750-mln-evro-na-razmeshhenie-bezhenczev-na-korablyah/> (дата обращения: 05.01.2024)

21. Нидерланды на пути к ужесточению миграционной политики после формирования нового кабинета. 5 ноября 2023. URL: <https://www.novostiniderlandov.com/niderlandy-na-puti-k-uzhestocheniyu-migraczionnoj-politiki-posle-formirovaniya-novogo-kabineta/> (дата обращения: 05.01.2024)

Chechen Diaspora in the countries of the Middle East: on the issue of generational continuity and socio- political dynamics of communities

A. K. Israilov¹, O. A. Morgunova¹

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-366-377

Research article
Full text in Russian

The article is concerned with little-studied dynamics of the Chechen and, more broadly, North Caucasian Diaspora in Jordan, Syria and Turkey, starting with the emergence of these communities in the 19th century during the era of the Ottoman Empire. The article traces a slow change in the character of these diasporic communities from the “exodus” from the Russian Empire to the building up of international relations with the Chechen Republic in the 21st century on the basis of “cultural similarity” and the importance of the idea of an ideal ancestral home.

The article argues that the Diaspora changed its character from a refugee Diaspora to an imperial Diaspora during the Ottoman Empire, and then became a “cultural Diaspora” with predominant narratives of cultural and geographical proximity with the country of origin a century after the resettlement. The article also argues that cultural and geographical similarity leads to the importance of ethnopolitical factor in international relations and diasporic politics.

Keywords: Diaspora; Muhajirs; Chechnya; Caucasus; Turkey; USSR; Russia

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Israilov, Adam K. | E-mail: adam-kadet@mail.ru
Postgraduate

Morgunova, Oksana A. | E-mail: o_morgunova@hotmail.com
Associate Professor

Чеченская диаспора в странах Ближнего Востока: к вопросу о поколенческой преемственности и социополитической динамике сообществ

А. Х. Исраилов¹, О. А. Моргунова¹

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-366-377

Научная статья

УДК 94:325.254+6:327.58

Полный текст на русском языке

Статья посвящена малоизученным аспектам динамики чеченской (шире – северокавказской) диаспоры в Иордании, Сирии и Турции. В статье на историческом материале показаны изменения характера диаспорических этнических сообществ от «исхода» из Российской империи до построения новых международных связей с Чеченской Республикой в XXI веке на основе «культурной общности» и важности идеи об идеальной прародине. В работе показано, как диаспора меняла свой характер от диаспоры-беженцев к имперской диаспоре в период Османской империи и доминированию культурно-географической общности со страной исхода спустя век после переселения. В статье аргументируется, что культурно-географическая общность тесно связана с этнополитическим аспектом в международных отношениях.

Ключевые слова: диаспора; мухаджиры; Чечня; Кавказ; Турция; СССР; Россия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Исраилов, Адам Хамзатович	E-mail: adam-kadet@mail.ru Аспирант, кафедра теории и истории международных отношений

Моргунова, Оксана Алексеевна	E-mail: o_morgunova@hotmail.com Доцент, кафедра теории и истории международных отношений

Введение

За последнее десятилетие ученые и политики все больше осознают растущую роль диаспор в политической жизни отдельных стран и их влияние на международные отношения. Р. Кохейн, один из основоположников исследования диаспор в XX в., в книге «Введение в глобальную диаспору» отмечает, что исторически термин применялся исключительно по отноше-

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

нию к евреям. Понятие диаспора, восходящее к греческим переводам Библии, было семантически связано с изгнанием, травмой и дополнено мифом символического возвращения на историческую «землю предков». Лишь с 1960–1970 гг. понятие «диаспора» стали применять по отношению к живущим вне своей родной страны, но поддерживающим с ней связь: к африканцам, армянам, ирландцам, грекам. Позднее в список добавились другие этнические и национальные группы [1]. Существуют определения диаспор, подчеркивающие внутриобщинные связи, корни, транснациональные черты. Общим в них является сохранение признаков этнонациональной идентичности, даже если она существует лишь в форме «воспоминаний», а члены диаспоры никогда не бывали на исторической родине [2–3].

Позицию диаспоры можно описать во взаимосвязи с триадой: «родная страна, диаспоральная общность, принимающая страна». Однако многообразие связей велико, и многие авторы, пишущие о диаспорах, отмечают, что требуется не только более глубокий уровень теоретизации диаспорических отношений, но и страноведческий подход, глубокое и системное изучение самих диаспор, деятельности их организаций, форм эмоционального, финансового, политического взаимодействия внутри упомянутой триады. Несмотря на изучение диаспор, все еще слабо на конкретных страноведческих примерах изучен такой аспект их существования, как преемственность и построение связей вне диаспор, в том числе в контексте смены поколений [4].

В XXI веке диаспоры приобрели «голос» в политическом пространстве и создали новые вызовы, нарушив дихотомию социально-политической «принадлежности», действуя в границах одного государства или как «международные» [5]. А. Беттс и В. Джонс подчеркивают, что диаспоры подвержены воздействию извне, с третьих сторон [6]. На примере Зимбабве и Руанды прослеживается политическая активность диаспор и их связь с деятельностью внешних – недиаспоральных акторов, способных изменить политические настроения в диаспорах. Так, диаспоры образуют особый уровень политических взаимодействий между межгосударственной и внутренней политикой [6].

Диаспора как тип транснационального актора обретает важность в связи с глобализацией рынков, политики и культуры. Механизмы влияний и особенности деятельности диаспор как «транснациональных акторов» в настоящее время являются предметом академических исследований. Когда исследования переводятся в плоскость реальной политики, они подпитывают ряд сложных и противоречивых дискурсов, возникающих вокруг диаспор как многоплановых транснациональных этнополитических акторов. В данной парадигме выделяют несколько типов диаспорических общностей: диаспору-жертву (образуется в результате какой-то катастрофы – еврейская, армянская и др.), рабочие диаспоры (индийская диаспора активно расселяется в мире в поиске работы), имперскую диаспору (вы-

нужденное переселение колонизованных народов или переселение представителей метрополий для управления и охраны территорий), торговую (использующую возможности создания бизнесов в других странах: ливанская и китайская) или культурную (основанную на культурной общности или общности судьбы – ямайская).

Опыт чеченской и северокавказской диаспоры в странах Ближнего Востока показывает, как они могут меняться на протяжении поколений в зависимости от внутренней политики принимающих государств и под воздействием внешнеполитических факторов. В данной работе мы предпримем попытку исторического анализа взаимодействия северокавказской диаспоры со страной исхода (Российская империя, позднее – Советский Союз) и принимающими странами, границы и государственность которых также менялись в рассматриваемый период.

Постоянно растущая с конца XX – начала XXI в. «новая» северокавказская диаспора – явление, характерное для стран Европы. На исходе XX века значительное число жителей Чеченской Республики были вынуждены уехать из родных мест в связи с глубоким гуманитарным и политическим кризисом на родине. «Новая» чеченская диаспора формировалась по типу «изгнание» в направлении с Востока на Запад. Большая часть мигрантов эмигрировали как беженцы в соответствии с Конвенцией 1951 г. Пик эмиграции чеченцев пришелся на 2003 г., когда 30 тыс. чеченцев обратились в УВКБ ООН с просьбой предоставить им убежище в странах Европы, а в следующем году обратилось еще 27 тыс. [7]. По различным оценкам в странах Европейского союза сегодня проживает от 70 до 150 тыс. чеченцев и их потомков [7]. В последние годы северокавказские диаспоры в традиционных для беженцев направлениях росли незначительно, и диаспоры Иордании и Сирии не испытали значительного притока новых переселенцев, за исключением Турции.

Целью статьи является исследование формирования северокавказских диаспор и преемственности исторического опыта вне западного (европейского) контекста, а именно их формирование в Турции, Сирии, Иордании на протяжении жизни нескольких поколений.

Ранний этап формирования диаспоры: исход диаспоры-жертвы

Первый этап формирования северокавказской (в частности чеченской) диаспоры приходится на период Кавказских войн, которые вела Российская империя на территории Северного Кавказа. Так, за десятилетие с 1858 г. из Российской Империи выехало более полумиллиона жителей Северного Кавказа. Миграция была в значительной степени вынужденной: российские власти уплотняли население казаками, сокращая земельные наделы коренных народов, переселяли горцев в долины. Формально выезд с целью поселиться на новых землях Османской империи был добровольным; российские власти и турецкие эmissары активно мотивировали жителей гор

переезжать, распространяя агитационные слухи и информацию. И если для Российской империи важно было избавиться от воинственных горцев и освободить плодородные земли для казаков, то Османская империя планировала создать с помощью переселенцев буферную зону на своих окраинах для укрепления границ.

Переселенцев с Северного Кавказа часто называют мухаджирами. Поскольку формально переселение происходило добровольно, часть исследователей считает термин верным: в арабском языке мухаджиром именуют добровольного мигранта по религиозным мотивам. Правомерность использования термина оспаривает С.-Э. С. Бадаев, объясняя переселение чеченцев в Османскую империю влиянием царской администрации и турецких эмиссаров.

Переселенцы получали в Османской империи на территории современных Турции (в районе Диярбакыра), Сирии (район Рас-эль-Айн) и после 1901 г. в Иордании (в г. Зарка, который они основали, и селах Сувейлих, Сухна и Русейфа) [8] земельные наделы. Однако земля была «дикой», а климат и болезни – непривычными [9–10]. Попытку превратить переселенцев в крестьян нельзя считать удачной. В результате происходит обратная миграция в Российскую империю.

Формально путь обратно в Россию для мигрантов был закрыт. Так, в 1872 г. переселенцы-черкесы через посла Российской Империи в Стамбуле Н. П. Игнатьева направили Александру Второму письмо, в котором просили разрешения вернуться обратно. Царь наложил резолюцию: «...О возвращении и речи быть не может...» [11]. Известны случаи, когда чеченцы, которые пытались пройти через границу, чтобы вернуться, были рассеяны турецкими войсками; среди мухаджиров имелись убитые и раненые [12].

Эмиграция с Северного Кавказа в Османскую империю продолжалась. В конце XIX века царские власти стали препятствовать исходу северокавказцев, выпуская тех, кто представлялся политически неблагонадежным. По мнению С.-Э. С. Бадаева, причина кроется в необходимости сохранить земледельцев, привыкших работать на кавказской почве, а также в стремлении лишить Османскую империю возможности формировать кавказские военные подразделения [13]. Эмиграция продолжалась только под предлогом хаджа [12].

Альтернативным занятием для переселенцев стала военная служба, причем не только в составе регулярной армии. Активно горцы привлекались к парамилитарной службе на окраинах Османской империи, в частности для противостояния армянам, друзьям и бедуинам [14]. Готовность горцев к военным занятиям подтолкнула Порту использовать их в качестве инструмента для проведения своей кавказской политики, потенциально в качестве национальных военных формирований в сражениях с Российской империей.

На службе Османской империи: формирование этнополитической ниши диаспоры

Следующий этап формирования северокавказской диаспоры связан с актуализацией османской идентичности, осознанием себя «укорененными» на османской земле. Активное привлечение мухаджиров к добровольной военной службе, формирование военных подразделений привели к тому, что к началу Первой мировой войны северокавказцы стали неотъемлемой частью османской военной элиты. К примеру, Шевкет-паша – потомок чеченских эмигрантов – занимал в разные периоды посты военного министра, министра иностранных дел и великого визиря Османской империи [15]. Спустя несколько десятилетий представители северокавказской диаспоры начали играть значительную роль в дипломатии, в том числе в период формирования новых государственных образований на Кавказе после русских революций.

«Карьерный рост» мухаджиров привел к тому, что у диаспоры, помимо «мифа» об общей родине – Северном Кавказе (диаспорическое воображение видело его местом возвращения, мифологизировало образ страны исхода), появилась еще одна идентичность – османская. Ее «укоренению» способствовала учеба в османских учебных заведениях, в том числе и военных, а также представление об Османской империи во главе с султаном-халифом как об общем доме мусульман [16].

Новая идентичность строилась на представлениях об общей родине (*земля предков* в диаспорическом воображении), борьбе за ее независимость (совместная деятельность диаспоры), а также в представлении об Османской империи как о новом, пусть и временном, но все-таки доме, с которым чеченскую диаспору связывала общая судьба. Так, Эшраф Сенсер Кушчубаши, один из основателей османских спецслужб, сказал, что, будучи черкесом, он не может не мечтать о свободном Дагестане¹, но в первую очередь он мусульманин, подданный османского султана, который говорит на турецком языке [16].

После прихода к власти младотурок в 1908 г. началась «золотая эра» для северокавказской диаспоры в Османской империи. Меньшинство, уже занимавшее в политической элите определенное место, начало активно артикулировать на уровне общественного дискурса солидарности диаспоры и формировать «национальное будущее» [16], связанное с образом независимого Кавказа. Северокавказцы получили возможность создавать свои общественные организации и средства массовой информации. Первой стало Черкесское общество взаимопомощи, которое объединяло и «взяло под опеку» представителей северокавказских народов [14]. Организация ставила целью разностороннюю поддержку представителей Кавказа до появления

¹ Под Дагестаном часто подразумевали весь Северо-Восточный Кавказ; в свою очередь Эшраф Сенсер, будучи черкесского происхождения из племени убыхов, мог иметь в виду весь современный Северный Кавказ

у них возможности репатрироваться на родину, инициировала издание первой черкесской газеты «Çerkes Yardimla ma DerneZi» («Черкесская ассоциация помощи») на турецком языке [17]. В 1914 г. в Стамбуле была учреждена общественная организация, ставившая перед собой политические цели по освобождению Кавказа – Комитет народов Кавказа (КНК), объединивший представителей Северного Кавказа и Закавказья.

Этнополитическое мифотворчество и создание идеализированной «потерянной родины» в диаспорическом воображении проявилось и в следующий период – при формировании новых государственных образований на Кавказе после исчезновения как Османской, так и Российской империй.

Цель революций в России обозначила начало метаний сообществ в диаспоре между различными международными акторами: от попыток найти поддержку идеи независимого Кавказа у Германии, Австрии и Британии до поддержки большевиков. Как и большинство диаспор XX в., северокавказская диаспора в Османской империи не была единой политически. Г. В. Чочиев выражает мнение, что среди северокавказцев присутствовали представители феодальных кругов, сторонники власти султана, и те, кто поддерживал Кемаля Ататюрка и национальное движение, и сторонники демократических перемен по европейскому пути. Общество единения Кавказа, действовавшее преимущественно в Османской империи, 20 ноября 1917 г. направило обращение Стокгольмским и Бернским мирным конференциям с просьбой «...признать Кавказскую Конфедерацию (возникшую в тот момент на Северном Кавказе. – *Прим. авторов*) в составе Российской Союзной Республики...» [18]. Диаспора обеспечивала новые государственные образования на Кавказе дипломатическими связями, каналами СМИ, а также доступом к высшему руководству Османской империи и затем Турции.

По отношению к горцам Северного Кавказа мухаджире, занимающие дипломатические должности, выполняя свои функции, сохраняли двойную лояльность: исторической родине и Турции. Диаспора смогла организовать и приток добровольцев для защиты Горской республики, о чем свидетельствует деятельность Кавказской исламской армии и деятельность Султана Мурада, прибывшего на Кавказ из Иордании.

Политическая активность представителей северокавказской диаспоры по отношению к достижению независимости Кавказа встречала критику со стороны общественности. Так, в одной из турецких газет был опубликован комментарий, где отмечалось, что кавказцы, конечно, должны переживать и имеют право думать о проблемах своей родины, но не должны забывать про свой долг перед Турцией [16].

Значительную военную роль сыграла диаспора и во время войны за независимость Турции. Представители северокавказских народов сражались по обе стороны баррикад. Важную роль в объединении мухаджиров вокруг Ататюрка сыграл военно-морской министр, один из видных деятелей диас-

поры, черкес Хюссейн Рауф-бей [16]. В условиях ослабления турецкой регулярной армии, неспособной противостоять интервенции стран Антанты, ставка делалась на партизанские методы ведения войны и мухаджиров.

Не все северокавказцы поддержали объединение вокруг Мустафы Кемалю. В Северо-Западной Анатолии представитель черкесской знати Ахмед Анзавур [19] поднял восстание против кемалистов и поддержал интервенцию Антанты. Восстание первоначально проходило под лозунгами поддержки халифа и борьбы с «масонами» [20]. Для подавления восстания были направлены войска, состоящие преимущественно из северокавказцев, сначала во главе с Юсуфом Иззет-пашой. Он подвергся критике за нежелание вступать в бой с «земляками» и стремление разрешить ситуацию мирно. Ему на смену был направлен Этхем Черкес. Ему удалось подавить восстание, прибегнув к крайней жестокости, в том числе по отношению к черкесам.

Положение чеченцев и других северокавказских народов на территории Сирии, Иордании, Ливана, Ирака и Палестины резко изменилось, когда регион вошел в состав подмандатных территорий Франции и Великобритании. Сирия и Иордания были регионами становления арабской национальной борьбы. Северокавказцы оказались в положении национального меньшинства и одновременно представителями уходящей Османской империи, ее ставленниками. Положение чеченцев и черкесов характеризовалось негативным отношением к ним со стороны как европейских управленцев, так и местного населения. Они воспринимались представителями чуждой коренному большинству имперской власти [21]. Вплоть до провозглашения независимости Сирии в 1946 г. чеченцы и другие северокавказцы были окружены враждебностью друзей и бедуинов, с одной стороны, и французских властей – с другой. Диаспора мухаджиров сплотилась, о чем свидетельствует то, что все северокавказцы объединились вокруг Черкесского благотворительного общества, возникшего в Дамаске [21]. Чеченцы как национальное меньшинство в Турции были лишены возможности изучать родной язык в течение десятилетий (государство стремилось к стиранию этнических различий) [22], но представители диаспоры смогли его сохранить.

Построение отношений диаспоры с Чечней в XX и XXI вв. на основе культурно-географической близости

На протяжении второй половины XX в. представители северокавказской диаспоры сохраняли интерес к исторической родине и этнокультурные традиции. В Турции создавались различные организации, как просоветской ориентации, что выражало стремление потомков мухаджиров иметь возможность поддерживать контакты с родной землей, так и антисоветской направленности [22]. В Сирии многие северокавказцы активно вступали в левые и прогрессистские организации, в том числе ради воз-

возможности посетить Советский Союз [23]. При посещении Советского Союза по различным обстоятельствам представители северокавказской диаспоры из Сирии и Иордании пытались обязательно посетить Северный Кавказ, который продолжали видеть своей исторической родиной, лелея образ, существовавший в воображении. Так, иорданский бригадный генерал чеченского происхождения Абд аль-Латиф Сайед-Батал Бено, будучи военным атташе Иордании в СССР, просил маршала Н. В. Огаркова согласовать его поездку в ЧИАССР. Уговаривал он его следующими словами: «Самая красивая страна в мире – СССР. А в СССР самое красивое место – это Кавказ, а на Кавказе – Чечня, а в ней самым красивым местом считаю родину своих предков Беной. Как же я могу туда не поехать?» [24]. Имеются свидетельства об обращении северокавказцев в консульские учреждения Советского Союза с просьбами разрешить репатрироваться на родину и обучаться в СССР, чему советские власти придали большое значение и оказывали помощь диаспоре через Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами [25].

Начиная с 1990-х гг. растет внимание диаспоры к происходящему на Кавказе в связи с распадом Советского Союза. Сочувствие и стремление помочь исторической родине было усилено политическими и гуманитарными кризисами в регионе. Диаспорические сообщества формируют и активную политическую повестку по отношению к новым государственным образованиям на Кавказе.

В 1990-е годы диаспоры в Иордании и Сирии (в частности, лидер чеченской диаспоры А. Б. Джамо) [26] и Турции заняли прямо противоположные позиции. Диаспора в Турции всячески поддерживала так называемую Чеченскую Республику Ичкерия [27]. В обоих случаях наблюдалась некая «цепная реакция»: конфликт на Северном Кавказе способствовал росту этнической солидарности, а увеличение роли национальной идентичности способствовало поддержке тех или иных структур на Северном Кавказе. Если диаспора в Турции поддерживала националистические и сепаратистские структуры, то иорданская диаспора призывала к мирному и компромиссному решению чеченского конфликта, учитывающему как право чеченского народа на самоопределение, так и право территориальной целостности Российской Федерации [28].

Диаспора как политический актор проявила себя и в период сирийского кризиса, начавшегося в 2011 г. Четко обозначенная, но нейтральная позиция диаспоры, предпочитавшей не занимать сторон в данном конфликте, вызвала негативную реакцию со стороны властей Сирии и оппозиционных групп [29]. Тяжелые условия жизни и опасения за свою жизнь способствовали новому этапу миграции потомков северокавказцев. И если многие переселялись из Сирии к своим «родственникам» в Турцию и Иорданию, то значительная часть потомков мухаджиров приняла решение репатри-

ироваться в Россию, завершив тем самым миграционный путь, начатый в XIX веке.

Выводы

Горцы, выехавшие из Северного Кавказа в Османскую империю в конце XIX века, создали существовавшую более века диаспору. Их сообщества прошли несколько периодов – от колебаний в правильности решения и попыток вернуться до создания собственных СМИ и вхождения в элиту принявшего государства, формирования национального меньшинства, которое характеризовалось двойными солидарностями. На протяжении полутора веков диаспора продолжала активно участвовать в политической борьбе, формируя свою повестку в связи с судьбами как страны происхождения, так и их страны проживания.

Характер диаспоры значительно изменился на протяжении времени. Первоначально чеченская диаспора в Османской империи формировалась в результате кавказских войн (катастрофы), что характеризует ее как диаспору-жертву. Однако расселение чеченцев и северокавказцев на территории современной Турции, Сирии и Иордании османскими властями, формирование этнического присутствия в определенной (военной и дипломатической) сфере привели к тому, что диаспора приобрела характер имперской, чьи идентичности, занятия и расселение объяснялись задачами империи, на службе которой находились чеченцы. Позднее доминирующей в чеченской диаспоре стран Ближнего Востока стала культурно-географическая идентичность, в основе которой лежала та же идея «возвращения в покинутую родину, страну исхода». Несмотря на то что большинство этнических северокавказцев на Ближнем Востоке не имели личного опыта жизни на Кавказе, именно культурные и географические «ориентиры» диаспоры продиктовали ее политические шаги в условиях кризисов конца XX – начала XXI в.

Ссылки

1. Cohen R. *Global Diasporas: An introduction*. Abingdon: Routledge. Taylor & Franics Group, 2008. 238 p.
2. Lyons T. *Engaging Diasporas to Promote Conflict Resolution: Transforming Hawks into Doves*. Institute for Conflict Analysis and Resolution, George Mason University, 2004. URL: www.tamilnation.org/conflictresolution/lyons.htm
3. Mearsheimer J. J., Stephen M. W. *The Israel Lobby and US Foreign Policy*. Working Paper. № RWP06–011. Kennedy School of Government, Harvard University. 2006. 496 p.
4. Toivanen M., Baser B. *Diasporas' Multiple Roles in Peace and Conflict: A Review of Current Debates* // *Migration letters*. 2020. Vol. 17, No. 1.. P. 47–57.
5. Al-Ali N., Koser K. *New Approaches to Migration?: Transnational Communities and the Transformation of Home*. 1st ed. Routledge, 2002. 264 p.

6. Betts A., Jones W. The animators: how diasporas mobilise to contest authoritarian regime. The impact of diasporas. Oxford: Oxford Diasporas Programme, 2015. P. 36–38.

7. Чеченцы / Э. С. Абдулаева [и др.]; отв. ред.: Л. Т. Соловьева, В. А. Тишков, З. И. Хасбулатова; РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Комплексный науч.-исслед. ин-т им. Х. И. Ибрагимова. М.: Наука, 2012. 621 с.

8. Зеиб Башир Мухаммад Малямих Ан ат-тарих аш-шишан фи Аль-Урдун (Особенности истории чеченцев Иордании). Jordanian Chechen Site. 2021. URL: <https://clck.ru/38P7Df>

9. Asan H. Kırım-Kafkasya Muhacirlerinin Karşılaştığı Sorunlar: Diyarbakır ve Çevresi Örneği // İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi. 2021. Vol. 10, No. 2. P. 1941-1954.

10. Шавлаева Т. М. Хозяйственная деятельность чеченских мухаджиров в первые годы депортации // American Scientific Journal. 2019. No 28. С. 9–12.

11. Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX — первая половина XX века). М.: ИВ РАН, 2001. 118 с.

12. Исакиева З. С., Акаев Т. Р. О чеченской диаспоре за пределами России: Лучшая студенческая статья 2018: сборник статей XV Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 91–95.

13. Бадаев С.-Э. С. Некоторые особенности внутренней и внешней политики российского самодержавия после окончания Кавказской войны (на примере дагестанского мухаджирства) // Чечня на рубеже веков: состояние и перспективы: материалы научно-практической конференции (27 марта 2004 г.) / под ред. Б. А. Хазбулатова, Х.Б. Навразова, Р. А. Буралова, Т. И. Серганова. Грозный: РОО «ИЦ ЧР», 2004. Т. 2. С. 116–121.

14. Chochiev G. On the history of the North Caucasian diaspora in Turkey // Iran and the Caucasus. 2007. Vol. 11, No. 2. P. 213-226..

15. Военная элита Турции из потомков чеченских мухаджиров / Л. М. Гарсаев, Х. А. М. Гарасаев, Р. М. Магомедова, И. С. Гусейнова // Образование и право. 2020. № 8. С. 420-425. DOI 10.24411/2076-1503-2020-10879.

16. Gingeras R. The Sons of Two Fatherlands: Turkey and the North Caucasian Diaspora, 1914–1923 // European Journal of Turkish Studies Social Sciences on Contemporary Turkey Complete List. 2011. DOI 10.4000/ejts.4424.

17. Wessenlink E. The North Caucasian Diaspora In Turkey. 1996 URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6a6bc8.html>

18. Чочиев Г. В. Кавказоориентированная деятельность черкесской политической элиты в Турции в 1918–1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (42): в 2 ч. Ч. I. С. 205–208.

19. Чочиев, Г. В. Черкесы Северо-Западной Анатолии в период национально-освободительной борьбы в Турции (1919-1921 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-1. С. 189-192. EDN XXWDIP.

20. Gingeras R. Notorious subjects, invisible citizens: North Caucasian resistance to the Turkish national movement in northwestern Anatolia, 1919–23 // *International Journal of Middle East Studies*. 2008. Vol. 40, Issue 1. P. 89–108.

21. Бадаев С.-Э. С. Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке: история и современность: монография. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат имени Революции 1905 г., 2008. 315 с.

22. Цибенко В. В. Фактор нацстроительства в системе международных отношений на примере деятельности черкесских организаций в Турции: дис. ... д-ра ист. наук / научный консультант Т. В. Каширина; ДА МИД России. М., 2022, 565 с.

23. Алиев Б. Р. Северокавказская диаспора в странах Ближнего и Среднего Востока: история и современные процессы, вторая половина XIX–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2001. 264 с.

24. Гарсаев Л. М., Гарсаев Х.-А. М. Чеченские мухаджиры и их потомки в истории и культуре Иордании. Грозный: Грозненский рабочий, 2019. 415 с.

25. Эшба Э. Д. Черкесы в СССР и их связи с зарубежной диаспорой // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2015. № 1. С. 87-91. EDN VKQKHZ.

26. Haines J. R. The inseparable twins, Diaspora shishan and chechen wuwahhidun and jihadism in Al-sSham. *The Philadelphia papers*. №7. 2014. p. 40 URL: <https://www.fpri.org/article/2014/11/the-inseparable-twins-diaspora-shishan-and-chechen-muwa%E1%B8%A5%E1%B8%A5idun-jihadis-in-al-sham/>

27. Besleney Z. A. *The Circassian Diaspora in Turkey: political history*. New-York: Routledge, 2014. 204 p.

28. Умалатов У. Б. Чечня глазами чеченца. М.: Газета «Известия», 2001. 256 с. URL: <https://neb-chr.ru/reader/?check=160-69207a9a7970d359d731b978f86a77bd>

29. Рыжов И. В., Бородина М. Ю. Черкесская диаспора в ближневосточных государствах: история и современность // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 5. С. 423-436. EDN XSRLYD.

Problems of preserving the position of the Russian language in Georgia within the context of current geopolitical situation

A. S. Pavlov¹

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-378-387

Research article
Full text in Russian

The problem of studying the status of the Russian language in the countries of the post-Soviet space is particularly relevant within the framework of Russia's language policy aimed at popularizing the Russian language and culture abroad. The article analyzes the status and position of the Russian language in Georgia in the current geopolitical realities: it focuses on the trend of gradual decline in the level of Russian language proficiency among the residents of Georgia, and also considers the aspect of the status of the Russian-speaking Diaspora in the republic, its legal position and the possibility for Russian-speaking citizens of Georgia to receive education in Russian. In addition, the article provides statistical data showing the change in the Russian-speaking population of Georgia since the collapse of the USSR.

Keywords: Georgia; Russian language; language policy; Transcaucasia; Russian compatriots abroad; intercultural relations

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Pavlov, Andrey S. | E-mail: pavlov-as@rudn.ru
| Postgraduate

Проблемы сохранения русского языка в Грузии в контексте современной геополитической конъюнктуры

А. С. Павлов¹

¹Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-378-387
УДК 327 (930)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Проблема изучения статуса русского языка в странах постсоветского пространства является особенно актуальной в рамках реализации языковой политики, направленной на популяризацию русского языка и культуры за рубежом. В статье анализируется статус и положение русского языка в Грузии в современных геополитических реалиях: акцентируется внимание на тенденции постепенного снижения уровня владения русским языком, а также рассматривается аспект статуса русскоязычной диаспоры в Грузии и ее правовое положение наряду с возможностью получения гражданами республики образования на русском языке. Кроме того, приводятся статистические данные, отображающие изменение численности русскоязычного населения Грузии с момента распада СССР. Целью данной статьи является проведение всестороннего анализа современного положения русского языка в Грузии. Для достижения цели был поставлен ряд задач: выявление тенденций в сфере изменения статуса русского языка в Грузии за последние три десятилетия, анализ языковой ситуации в области образования страны, а также проведение исследования высказываний официальных представителей Грузии касательно развития русского языка в стране.

Ключевые слова: Грузия; русский язык; языковая политика; Закавказье; российские соотечественники за рубежом; межкультурные связи

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павлов, Андрей Сергеевич | E-mail: pavlov-as@rudn.ru
Аспирант кафедры ТИМО

Согласно Конституции Грузии, принятой решением парламента 24 августа 1995 г., государственным языком в стране является грузинский. Русский изначально получил неофициальный статус языка межнационального общения, а затем, в 2005 г., после ратификации грузинским парламентом «Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств»,

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

согласно которой сторона, подписавшая данную конвенцию, обязуется поощрять создание благоприятных условий для представителей национальных меньшинств с целью поддержания и развития ими своей культуры, языка и самобытности, обрел статус иностранного языка [1].

Для достижения цели исследования был использован смешанный подход, включающий в себя как качественный, так и количественный анализы. Качественный анализ подразумевает исследование ключевых документов, законодательных актов Грузии; количественный анализ включает в себя подбор статистических данных, демонстрирующих изменение языкового состава населения Грузии с момента обретения ею независимости до настоящего времени. Для наглядного представления результатов использовались графические методы, такие как диаграммы и таблицы.

Положение русского языка в сфере образования Грузии

Сразу после выхода Грузии из состава СССР отношения между Москвой и Тбилиси осложнились, что не могло не отразиться на положении русскоязычного населения страны. Сложившаяся напряженная ситуация и недоброжелательное отношение к России со стороны руководства Грузии, которое в рамках реализации своей политики видело необходимость борьбы с так называемым «советским имперским наследием», привело к ухудшению отношений с Россией, в том числе и в культурно-гуманитарной сфере. Стремление Тбилиси к альянсу с НАТО и ЕС лишь усугубило возможность эффективного межгосударственного сотрудничества по целому ряду направлений. Вооруженный конфликт между Грузией и Южной Осетией в 2008 г. привел к еще более резкому обострению двусторонних отношений Москвы и Тбилиси. Более того, в 2008 г. Грузия решила разорвать дипломатические отношения с Россией, что не могло не отразиться на сотрудничестве, в том числе в области сохранения русского языка и культуры [2].

Согласно проведенной в 2002 г. переписи, русскоязычное население составляло практически 2% от всего населения Грузии; русским языком (помимо родного) владело 33 % жителей страны. К 2014 г. процент русскоязычного населения сократился (не критично) и составил 1, 24 %. Русскоязычное население Грузии сохранило свое присутствие, несмотря на ухудшение дипломатических отношений между Москвой и Тбилиси, что не в последнюю очередь связано с тем, что за первое десятилетие XXI века стабилизировался миграционный поток (рис. 1) русскоязычного населения из Грузии обратно в Россию [3].

Рис. 1. Динамика численности прибывших из Грузии в Россию и из России в Грузию в период с 1993 г. по 2009 г., тыс. чел.¹

Весьма тревожная ситуация с русским языком с точки зрения его дальнейших перспектив складывается в образовательной сфере Грузии [3]. Еще в начале 1990-х гг. в стране насчитывалось 165 школ с русским языком обучения, в 2002 г. – 63, а по состоянию на 2021 г. таких образовательных учреждений осталось 11.

Таблица 1

Русскоязычные и смешанные школы в Грузии (данные 2021 г.)

Столица и регионы	Русскоязычные школы	Смешанные школы (с русскоязычным сектором)
Тбилиси	2	19
Квемо Картли	4	10
Аджария	-	8
Самце-Джавахети	4	4
Кахети	1	3
Самегрело-Земо Сванети	-	3
Имеретия	-	1

¹ Источник: [13].

Исходя из таблицы 1, можно сделать вывод, что в ряде регионов на сегодняшний день отсутствуют русскоязычные школы. Однако для детей сохраняется возможность получать среднее образование в тех школах, где на русском языке ведется большая часть дисциплин.

В 2006 г. в рамках Единого государственного экзамена Министерство просвещения и науки Грузии ввело экзамен по грузинскому языку для выпускников русскоязычных и смешанных школ, причем в том же объеме и по тем же критериям, что и для выпускников школ с грузинским языком обучения. Обязательным вплоть до 2021 г. являлся экзамен по логике, который сдается на государственном языке [4].

Ключевым препятствием в обучении русскому языку в грузинских школах является дефицит квалифицированных педагогических кадров и современных учебно-методических пособий.

В свою очередь, в вузах страны ситуация с изучением русского языка обстоит лучше, чем в местных школах. Студенты имеют возможность изучать русский язык, прежде всего на филологических факультетах, чьи учебные программы направлены на сохранение и развитие языкового многообразия Грузии. Выпускники являются высококвалифицированными специалистами как в области грузинской культуры, так и в сфере русского языка и литературы, в связи с чем не имеют проблем с дальнейшим трудоустройством.

Схожая ситуация наблюдается и в области медицинского образования. Будущие медработники получают необходимые профессиональные навыки и знания на русском языке ввиду того, что большинство учебных медицинских пособий в стране до сих пор не переведены на грузинский язык. При поступлении в докторантуру в ряде вузов Грузии абитуриент имеет возможность сдавать экзамен по русскому языку в качестве вступительного испытания [5].

Некоторые грузинские университеты предоставляют студентам право получать высшее образование на русском языке. Так, Грузинский технический университет предлагает целый ряд русскоязычных учебных программ: энергетику, телекоммуникации, горное и нефтегазовое дело, архитектуру, международные отношения, журналистику и др. В Тбилиском государственном учебном университете возможно обучаться на русском языке по направлению «организация и управление бизнесом» [6].

В последнее время наблюдается тенденция к постепенному увеличению русскоязычных школ и секторов обучения, растет спрос на получение образования на русском языке, что позволяет говорить о том, что русский язык сохраняет позиции в образовательном секторе Грузии даже в напряженный геополитический период.

Этапы функционирования русского языка в Грузии в постсоветский период

Русский язык по-прежнему остается основным языком общения для негрузинского населения страны. Однако за последние три десятилетия, прошедшие с момента прекращения существования СССР, наблюдались различные периоды, когда статус русского языка в Грузии менялся.

Период резкого спада использования русского языка в Грузии пришелся на 1990-е гг., что было связано со снижением уровня владения русским языком, сокращением количества академических часов, отводимых на его преподавание в школах и вузах страны, а также с миграционной убылью русскоязычного населения, которое стремилось вернуться обратно в Россию.

В начале XXI в. акцент на владении иностранным языком среди жителей Грузии сместился в сторону английского. Российско-грузинский вооруженный конфликт вокруг Южной Осетии нанес очередной удар по положению русского языка. По окончании пятидневной войны в 2008 г. в Грузии прекратилось вещание всех российских телеканалов, а в кинотеатрах был запрещен показ фильмов на русском языке.

Правительство неоднозначного политика М. Саакашвили стремилось к тому, чтобы английский язык стал для всей грузинской молодежи вторым родным языком [7]. Его изучение стимулировалось и в среде педагогов: учителя, прошедшие тестирование по английскому, могли рассчитывать на значительную прибавку к заработной плате.

Тем не менее в настоящее время в Грузии вновь начал расти интерес к изучению русского языка и культуры, в том числе и среди местной молодежи. Возрос спрос на русскоязычные языковые курсы и программы. Сегодня в Тбилиси можно встретить вывески на русском языке. Рост интереса к изучению русского языка связан с тем, что представители этнических меньшинств, проживающих на территории Грузии, продолжают общаться между собой преимущественно на русском языке, а также используют русскую речь в разговоре с грузинским населением. После начала специальной военной операции на Украине в стране случился всплеск миграционного притока россиян, которые привнесли с собой в Грузию русский язык, культуру и национальные традиции. Так, в 2022 г. в Грузию въехало более 62 тыс. граждан Российской Федерации, в то время как граждан Украины (занимающих второе место после россиян по количеству иммигрантов в Грузии за 2022 г.) – всего 20 тыс. [8].

До недавнего времени на грузинском телевидении можно было наблюдать трансляции таких российских телеканалов, как «Russia Today», «Россия 24» и RTD. Однако в феврале 2022 г. после обострения российско-украинского кризиса одна из крупнейших телекоммуникационных

компаний Грузии «Silknet» приостановила вещание российских информационных телеканалов, аргументировав свое решение «солидарностью с Украиной из-за военной операции России». В сетке вещания остались такие телеканалы, как «СТС», «ТНТ» и «Рен ТВ». Таким образом, многие грузинские граждане остались без возможности получить информацию на русском языке с помощью телевидения (рабочим языком грузинских телеканалов является исключительно грузинский).

Возрос интерес к изданию «Sputnik. Грузия»: новости на официальном сайте данного СМИ на русском и грузинском языках, а всесторонний и многовекторный анализ международной повестки в большинстве случаев позволяет получить объективную картину текущих событий в мире. Востребована и телеграмм-версия данного издания [9].

Государственная политика Российской Федерации по поддержке русского языка в Грузии

Несмотря на отсутствие дипломатических отношений и межгосударственных контактов, Москва стремится проводить политику, направленную на сохранение русского языка и культуры в Грузии. Так, в 2013 г. в Тбилиси был учрежден Грузино-Российский общественный центр имени Е. М. Примакова при активном содействии Фонда Горчакова и Института международных отношений [10]. Необходимость создания данной общественной организации возникла по причине кризиса по всем направлениям российско-грузинских отношений. В настоящее время общественный центр представляет собой рабочую площадку, дающую возможность бесплатно знакомиться с русским языком и литературой, принимать участие во встречах российских и грузинских общественных представителей, быть вовлеченным в обсуждение ключевых вопросов в рамках возможного развития отношений между Москвой и Тбилиси. Деятельность центра также направлена на сотрудничество с высшими учебными заведениями обеих стран.

Глава Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) Е. А. Примаков в своих заявлениях касательно проводимой агентством политики поддержания русского языка в Грузии неоднократно делал акцент на том, что деятельность Россотрудничества в стране строится на «нейтральной гуманитарной основе» и не должна восприниматься в качестве политической экспансии России [10]. Агентство в рамках своей деятельности в Грузии ориентируется в первую очередь на растущий интерес к изучению русского языка в стране.

Тем не менее деятельность российских институтов «мягкой силы» в Грузии осложняется тем, что между Москвой и Тбилиси практически отсутствуют контакты на межгосударственном уровне. «Непонятно, с кем вести переговоры», – отметил руководитель Россотрудничества Е. А. Примаков [9]. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на все усилия, предпринимаемые российской стороной по поддержке русского языка в Грузии, эффективное гуманитарное сотрудничество осложнено отсутствием дипломатических отношений между двумя странами.

Необходимо упомянуть и о деятельности центра «Азбука», которая направлена на популяризацию русского языка в Грузии. Данный центр, основанный в Москве в 2020 г., функционирует в Грузии [11]. Основной целью центра является сохранение и распространение русского языка, традиций и культуры за рубежом. Курсы русского языка, проводимые в стенах центра «Азбука», позволяют в короткие сроки овладеть базовыми языковыми знаниями, необходимыми для применения в ежедневном общении. Сотрудники центра стремятся сохранить культурные связи между Россией и Грузией, организуют выставки, посвященные Дням памяти великих русскоязычных поэтов, композиторов и писателей. Возможность использования социальных сетей способствует тому, что русским языком и культурой в Грузии активно интересуется и молодое население страны. В центре также находится библиотека, где хранятся книги классиков русской литературы [11].

Положение русского языка в Грузии усугубляет позиция властей, для которой характерна откровенно русофобская риторика. Экс-президент Грузии Г. Маргвелашвили признавал необходимость использования русского языка, так как он удобен для общения с жителями Южной Осетии и Абхазии. По мнению Г. Маргвелашвили, русский язык не должен быть забытым, его нужно использовать гораздо активнее [9].

Нынешний грузинский лидер, политик, проживший большую часть своей жизни за пределами Грузии, работавший на внешнеполитическое ведомство другого государства (в данном случае Франции), Саломе Зурабишвили регулярно негативно высказывается относительно необходимости не только поддержания русского языка в Грузии, но и даже его использования в повседневной жизни. С первых дней пребывания у власти в стране С. Зурабишвили демонстрирует свое отношение к русскому языку и русскоязычному населению. Так, весной 2019 г. президент отказалась говорить на русском языке с грузинскими гражданами из числа национальных меньшинств государства, аргументируя это тем, что русский язык «это не тот язык», который объединяет Грузию [12]. В 2023 г. грузинский лидер открыто заявила о том, что ее нервирует, когда в стране говорят на русском языке, «на языке врага» [9]. По словам президен-

та Грузии, если бы в ее руках была бы сосредоточена исполнительная власть, принадлежащая правительству, она бы запретила всем россиянам въезд в страну. Помимо этого, С. Зурабишвили подвергла резкой критике грузинского премьер-министра И. Гарибашвили за возобновление прямого авиасообщения между Москвой и Тбилиси весной 2023 г. Президент призвала правительство страны ввести дополнительные ограничения для пребывания российских граждан, особенно в сфере бизнеса, приобретения имущества, а также открытия русскоязычных школ и других образовательных учреждений [9]. Однако грузинский премьер-министр И. Гарибашвили в мае 2023 г. напомнил о том, что открытые границы с Россией важны для Грузии, в том числе и по экономическим соображениям [12]. Он приветствовал инициативу Президента Российской Федерации В.В. Путина о возобновлении прямого авиасообщения с Грузией, отметив, что подобное решение облегчает жизнь, передвижение и деловые контакты между гражданами обеих стран.

Выводы

Несмотря на все существующие препятствия, русский язык остается весьма востребованным среди населения Грузии (в том числе и в молодежной среде), а также по-прежнему сохраняет роль языка межнационального общения. Его использование в Грузии актуально и в текущих геополитических условиях. Отсутствие дипломатических отношений между Москвой и Тбилиси не позволяет в полной мере развивать культурно-гуманитарное сотрудничество между двумя странами, но общие духовные и культурные скрепы, существующие между народами обоих государств, являются весьма прочными и способствуют сохранению русскоязычного пространства в Грузии, несмотря на усилия со стороны коллективного Запада. Для поддержания статуса русского языка и культуры в Грузии необходимо развивать и поощрять деятельность таких институтов «мягкой силы» России, как Россотрудничество, Фонд «Русский мир» и др., в данном направлении.

Ссылки

1. Legislative herald of Georgia. URL: <https://matsne.gov.ge/en> (accessed: 11.01.2024).
2. Население Грузии (2023 г.). URL: <https://civil.ge/ru/archives/539302> (дата обращения: 11.01.2024).
3. National statistics of Georgia. URL: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/322/migration> (accessed: 01.12.2023).
4. Ministry of education and science of Georgia. URL: <https://www.mes.gov.ge/content.php?id=1130&lang=eng> (accessed: 01.12.2023).

5. Тишков В. А. Русский язык в странах СНГ и Балтии. М.: Наука, 2007. 567 с.
6. Georgian Technical University. Official web page. URL: <https://gtu.ge/GTU/About/programs/bachelor/law/ru.php> (accessed: 30.11.2023).
7. Есипова Н., Градиловский С. Русский язык на постсоветском пространстве. URL : https://www.ng.ru/scenario/2008-10-28/14_russlang.html (дата обращения: 30.11.2023).
8. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 11.01.2024).
9. Sputnik. Грузия. Official web page. URL: <https://sputnik-georgia.ru/> (дата обращения: 11.01.2024).
10. Грузино-Российский общественный центр имени Е. М. Примакова. URL: <https://gorchakovfund.com/centers/georgia/> (дата обращения: 11.01.2024).
11. Культурный и образовательный центр в Тбилиси «Азбука». URL: <https://azbuka.ge/> (дата обращения: 11.01.2024).
12. Аппарат государственного министра Грузии по вопросам примирения и гражданского равноправия. Программа «1+4». URL: <https://smr.gov.ge/> (дата обращения: 11.01.2024).
13. Положение русского языка как фактор социально-политического поведения российской диаспоры в странах СНГ / К. Ф. Затулин [и др.]. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2012. 236 с. <https://i-sng.ru/img/2020/10/b8715b81e87dc3f2996b59b5baf0627f-6.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).

A mouse in a box is like a warlord in a city (mice as characters of Russian folklore)

E. V. Spiridonova¹, N. V. Obnorskaia¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-388-397

Research article
Full text in Russian

Mice have accompanied a man throughout much of his history. With the advent of agriculture, mice are pests that must be exterminated by any means and rational means of extermination coexisted with magical ones. Unlike real life, in folklore and cult practice it is a complex and ambiguous character. Mice were used in divination, conspiracies and folk medicine, their image was often associated with death and evil spirits. At the same time, in fairy tales the mouse often acts as a helper, rather than a pest. All this proves the binary perception of mice which were close to the mythological world and its inhabitants and, accordingly, acted as bearers of both harm and good.

Keywords: mice; folklore; fortune telling; omens; rituals

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Spiridonova, Elena V. | E-mail: selenavlad@gmail.com
| Cand. Sc. (History), Associate Professor

Obnorskaia, Nina V. | E-mail: obnor1@mail.ru
| Cand. Sc. (History)

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018).

Мышь в коробе как воевода в городе (мышь как персонажи русского фольклора)

Е. В. Спиридонова¹, Н. В. Обнорская¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-388-397
УДК 94(47)+ 801.81

Научная статья
Полный текст на русском языке

Мыши сопровождают человека на протяжении значительной части его истории. С появлением земледелия они превращаются во вредителей, которых следует извести любым способом, причем рациональные средства истребления сосуществовали с магическими. В отличие от реальной жизни, в народном фольклоре и культовой практике это сложный и многозначный персонаж. Мыши использовались в гаданиях, заговорах и народной медицине, их образ часто был связан со смертью и нечистой силой. В сказках мышь чаще выступает в качестве помощника, а не вредителя. Все это свидетельствует о бинарном восприятии мышей, которые были близки к мифологическому пространству и его обитателям и, соответственно, выступали подателями как вреда, так и блага.

Ключевые слова: мыши; фольклор; гадания; приметы; обряды

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Спиридонова, Елена Владиславовна | E-mail: selenavlad@gmail.com
Кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры всеобщей истории

Обнорская, Нина Владимировна | E-mail: obnor1@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
отечественной средневековой и новой истории

Финансирование: ЯрГУ (проект № VIP-018).

Мыши – давние спутники человека. С появлением земледелия они стали одними из главных врагов запасов зерновых, без которых человек уже не мог существовать. Считается, что кошка была одомашнена именно для борьбы с мышами.

¹ В основу статьи лег доклад на VII всероссийском научном семинаре «Фольклор как отражение повседневного» (Оренбург, 29.03.23)

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В народном фольклоре «мыши» – обобщенное бытовое название разных видов мелких грызунов. Кто-то из них предпочитает селиться в домах человека, кто-то живет рядом, наведываясь в амбары и на скотные дворы, где можно поживиться за счет запасов, предназначенных для людей и домашних животных. Например, в не самой плодородной Вологодской губернии в конце XIX в. домохозяева теряли от мышей в среднем по два пуда зерна в год [1, с. 549].

Кроме непосредственно продуктов питания и их запасов, посевного материала и корма скоту, мыши могли портить мебель, книги, свечи, одежду: грызли и пачкали. Траченную мышами солому из-за запаха не хотела есть скотина [2, с. 299], лошади могли случайно съесть устроенные в сене мышьиные гнезда и заболеть [3, с. 21]. Разоряли мыши и соломенные крыши, портили кожи, овчины.

Нашествия мышей, вызывавшие голод и падеж скота, зафиксированы в летописях. Так, например, в Никоновской летописи под 1309 г. читаем: «Того же лѣта мышъ поѣла рожъ, пшеницу, овесъ, ячмень и всяко жито; и того ради бысть дорого въвелѣа, и меженина зла, и гладъ крѣпокъ по всей Русской землѣ, и кони и всякъ скотъ помре» [4, с. 177]. В одном из сборников XVII в. с выписками из летописей о временах Ивана Грозного о 1560-х гг. имеется следующая запись: «Того жъ лѣта прииде на Казанскіе, да на Свіяжскіе, да на Чебаксарскіе мѣста мышъ малая съ лѣсовъ, что тучами великими, и поядош на полѣ хлѣбъ всякой и не оставиша ни единого колоса; да и нетокмо по полемъ, и въ закромахъ хлѣбъ поядоша» [5, стлб. 285] и т. д.

Весь наносимый мышами вред не способствовал лояльному отношению к ним людей, а их упоминание, как считали, могло накликать напасть.

Русское слово «мышь» восходит к единому индоевропейскому корню со значением «серый» и является одним из древнейших табуистических названий животных. Примечательно, что даже в XIX в. в Олонецкой губернии был зафиксирован обычай не говорить за столом о мышах, если же разговор о них заходил, то их названия заменяли местоимениями «она», «ее» [6, с. 154]. В повседневной жизни в русской деревне мышей чаще называли «гнусом», «гадом» или «плюгавкой», что отражало негативное отношение к животным, которых считали погаными [7, с. 374]. Если мышь падала в молоко или масло, то продукт выливали, а брать воду из колодца, в который упала мышь, осмеливались только после освящения [1, с. 175–176].

Негативной была роль мыши в народно-христианской мифологии. Бытовала легенда, что во время всемирного потопа дьявол «вошел» в собаку, которая вычихнула мышь, и последняя стала грызть дно Ноева ковче-

га. Это увидел лев, который вычихнул кошку, съевшую мышь и спасшую всех обитателей ковчега [8, с. 114]. По другой версии, сам дьявол превратился в мышь и прогрыз в ковчеге дыру. Увидевший это ангел обернулся ужом, подполз к дыре и заткнул ее хвостом [9, с. 458].

По мнению вологодских жителей, летучие мыши – обычные мыши, наевшиеся просфор и наказанные богом, давшим им «дьявольскую обрзину» [10, с. 339].

Длительное соседство и ощутимый вред, причиняемый грызунами человеку, не мог не вписать мышей в фольклор и повседневные практики крестьян. При всем вреде, наносимом грызунами, использовалось не так уж много способов борьбы с ними. Самым действенным было заведение кошек, а также разнообразные мышеловки. Еще в расходной книге Патриаршего Дворцового приказа начала 1640-х гг. указывалась плата торговому человеку лапотного ряда за «колоды, чем ловят мышей» [11, с. 67]. Еще одним способом затруднить мышам доступ к зерну было строительство амбаров «на столбах» [8, с. 471]. Мышей, как и крыс, травили. В Тверской губернии, например, брали 3 золотника мышьяка (около 13 граммов) и бросали его на раскаленные угли в печь. На три дня уходили из дому, а по возвращении все отмывали от «следов мышьяка» и выкидывали мертвых грызунов [2, с. 90].

Помимо рациональных средств, активно использовались магические способы защиты от грызунов. Так, в Череповецком уезде Новгородской губернии, чтобы мыши не ели хлеб в амбаре, на дно закровов клали щепочку и плоский камешек и повторяли три раза фразу: «Вот вам, мыши, щепочка да щерочка, грызите их, а моего хлеба не троньте» [12, с. 175–176]. Чтобы мыши не «точили» хлеб в скирдах, под них клали венки, которые девушки плели на Троицу [6, с. 40]. Столь же действенными считались и полевые цветы, которые на Троицу носили в церковь и сохраняли потом до осени, чтобы положить под закладываемый на хранение хлеб [13, с. 429]. На Коляду ставили по углам избы необмолоченные снопы, а на стол клали чересло плуга, для того чтобы мыши и кроты не портили нив [9, с. 335]. Заклиная мышей, знахарь брал пучок колосьев, клал его в печь и зажигал раскаленной кочергой, полученная зола высыпалась потом в скирды и стога [9, с. 487].

Считалось, что мышей можно отвадить от своего хозяйства, «передав» их кому-нибудь другому. Для этого надо было отрезать кусок хлеба от ковриги, попорченной мышами, и есть этот кусок, идя от своего двора к тому дому, куда предполагалось «переселить» мышей [13, с. 198].

У крестьян Калужской губернии был зафиксирован такой способ выяснить, попортят мыши запасы хлеба зимой или нет: при закладке

зерна на хранение надо было кого-нибудь внезапно спросить, в какой день было Рождество или Благовещение. Если спрашиваемый не помнит, то мыши не тронут хлеб, а если ответит – «источат весь» [13, с. 263].

Помимо запрета на упоминание мышей за столом, имелись и другие табуированные действия, направленные на защиту от мышей. Например, в амбаре не ели хлеб, а при засыпке зерна в закрома нельзя было держать край мешка зубами [12, с. 175–176]. Нельзя было сжигать поломанные ложки и мутовки для мешания сметаны, в противном случае в кринку с молоком могла попасть мышь [2, с. 89]. Чтобы мыши не грызли пряжу, женщины не пряли на Масляной неделе [9, с. 147].

В разных местностях России было зафиксировано значительное количество примет, связанных с мышами, большинство из которых имели негативный оттенок. Очень широко бытовало поверье, что, если мышь погрызет чью-то одежду, это сулит ее владельцу несчастья и даже смерть [14, с. 250, 381; 15, с. 496; 3, с. 267]. Также смерть сулила и пробежавшая по человеку мышь [8, с. 477]. Услышать, как мыши что-то грызут, – к несчастью [2, с. 281, 320; 13, с. 261]. Плохой приметой было увидеть мышь, отправляясь в дорогу [1, с. 486]. Мышиный писк предвещал несчастья, вплоть до смерти кого-нибудь из домочадцев, хотя в других местах мог рассматриваться как предвестник новостей [6, с. 285; 21, с. 497]. Появление большого количества мышей предвещало неурожайный год [6, с. 169; 21, с. 259]. Считалось, что перед пожаром мыши уходят из дома [12, с. 172].

Однако не все приметы были негативными. По действиям мышей гадали о предстоящих ценах на хлеб или отдельные его сорта: какой хлеб мыши больше грызут, тот будет дороже [6, с. 285]. По тому, какую часть испеченного караваля погрызет мышь, определяли будущий урожай: погрызет сверху – к неурожаю и дороговизне, снизу – к обилию хлеба и дешевой цене [16, с. 195]. Если полевая мышь сохнет на ниве гнездо высоко – к неурожаю, свитое низко гнездо обещало хороший урожай [7, с. 374].

Гадали по мышам и о погоде: если мыши во льне гнездо сохнут, в зиму больше снега будет [7, с. 374]. Тихо сидящие в норках мыши предвещали ненастье, а пищущие и бегающие ночью – солнечный денек [14, с. 310].

Торговые крестьяне и даже некоторые купцы верили, что если какой-то купленный товар будет попорчен мышами, то его вскорости и с прибылью можно будет продать [17, с. 146].

В лечебной магии мышей как грызунов связывали в первую очередь с состоянием зубов. Зубы могли заболеть, если мышь ночью поест небранные остатки ужина, однако, если съесть что-то, погрызенное мышью, зубы окрепнут [16, с. 195]. Когда у ребенка начинали меняться зубы, вы-

павший молочный зуб надо было кинуть за печь с приговоркой: «Мышка, мышка! На тебе зуб репяной, а ты дай мне костяной». Считалось, что от этого зубы растут быстрее и не болят [17, с. 103].

Знахарские способы использования мышей не ограничивались зубами и были порой весьма жестокими. Действенным средством от болезни в Череповецком уезде Новгородской губернии была подвешенная на нитку на шее больного мышь, которой живой проделали эту нитку «из глаза в глаз» [12, с. 192]. В Псковской губернии при пупочной грыже у ребенка ему на живот сажали мышь [6, с. 251]. В Рязанской губернии больного чешоткой натирали пеплом от сожженной головы мыши [18, с. 415]. В Ярославской губернии с помощью мышей лечили от пьянства: бутылку водки надо было настоять на новорожденных мышатах и давать пьянице эту водку по рюмке в день. Как закончится водка, пропадет и пагубное пристрастие [19, с. 208].

Фигурировали мыши и в заговорах от детской бессонницы. Например, в Карелии было записано несколько вариантов, в том числе такой: «Мышка-игрушка, ты пошутила над рабом Божьим младенцем (имя). Я, раба Божья (имя), отщучу над тобой. На-ко топорок, да ножичек, да палочку, и работай во всю ночь. Не спи и дай рабу Божьему младенцу (имя) спать, не просыпаться и в ночное время не потягаться. И будьте, мои слова, крепки и емки. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь» [20, с. 57].

Поскольку мыши ассоциировались с ворами, крадущими хлеб, их нередко использовали в магических ритуалах, способствующих выявлению и наказанию воров. Например, для обнаружения вора в Ярославской губернии брали новый только что купленный горшок и сажали в него мышь. Первый пришедший после этого в дом посторонний и считался подозреваемым в краже [19, с. 398]. Для наказания воров в разных губерниях существовал похожий обычай, который, хоть и считался богохульным, но действенным. Пойманную мышь либо в запечатанной бутылке, либо просто вмазывают в чело печи (стенка над устьем печи). Считалось, что «как мышь от жару будет карать, так и вора будет карать». Или верили, что по мере того, как будет сохнуть мышь, будет сохнуть и вор [19, с. 416; 22, с.410].

Таким образом, с одной стороны, с мышами особо не церемонились, уничтожая и выживая из дома и двора разными способами. Однако здесь могла таиться и опасность. Домовой, в которого верили многие крестьяне, мог оборачиваться разными животными, в том числе и мышью. В таком случае его убийство в виде грызуна сулило бы дому несчастье. Поэтому все же предпочитали передоверять отлов мышей кошкам, лучше

ладящим с домовыми и способным разобраться, где грызун, а где «хозяин дома» [21, с. 212–213].

Мышей связывали не только с домовыми, но и с прочей нечистой силой. Леший в быличках нередко выступает как гуртовщик, пастух, повелитель мышей. В некоторых вариантах вместо лешего фигурирует св. Николай [22, с. 95–96]. В Пошехонском уезде Ярославской губернии была записана легенда о том, как одна баба высидела мышей из «чертовых яблок», т. е. картофеля [14, с. 379]. В облике мышей выбирались по ночам из своих могил колдуны и ведьмы [1, с. 1236]. Немало быличек повествует о чертях, которые встречают душу умершего колдуна, сидя в образе мыши в вырытой для него могиле [23, с. 348].

В мышь после смерти могла обращаться душа умершего, причем касалось это не только ведьм или колдунов. В Нижегородской губернии Млечный путь называли Мышины тропы, что, по мнению А. Н. Афанасьева, свидетельствовало о древнейшем представлении душ мышами [9, с. 1071]. Отсюда и ассоциация мышей со смертью: «Смерть, как мышь, голову отъест»; «Живем, пока мышь головы не отъела» [7, с. 374–375].

Как хтонический персонаж, связанный с нижним миром, в мифологии мышь нередко является противником Громовержца. Недаром, чтобы в доме не заводились мыши, для строительства советовали использовать «пируновыя» деревья, т. е. поваленные грозой [22, с. 95–96].

С другой стороны, разящую молнию тоже часто ассоциируют с острыми мышинными зубами [9, с. 455]. В. Н. Топоров пишет, что во многих легендах мыши падают с неба именно во время грозы, но позднее, при трансформации Громовержца отцом мышей становится дьявол, соответственно матерью мышей оказывается ведьма или, ранее, жена Громовержца: «разные женские персонажи, которые могут рассматриваться как трансформации жены Громовержца (Мокошь, Параскева Пятница, баба-яга и т. п.), оказываются связанными именно с мышами» [24, с. 52, 57].

Совсем другую ситуацию мы видим в сказках. В частности, в сборнике русских народных сказок, собранных А. Афанасьевым, мыши упоминаются в 16 сказках. В 7 из них мыши сами по себе роли не играют, это атрибут кошки, которая ловит/не ловит мышей («Кот и лиса», «Медведь, собака и кошка» [25, с. 51, 53, 72], «Мудрая жена», «Три копеечки» [26, с. 130, 134]); собаки, которую прогнали со двора и она вынуждена питаться полевыми мышами («Собака и дятел» [26, с. 80]); дурака, который, отправившись с братьями на охоту, стреляет мышей да ворон («Мертвое тело» [27, с. 117]) и нечистого, который превращается в мышь, чтобы помочь главному герою («Елена Премудрая» [26, с. 201]).

В двух сказках мышь выступает в роли вредителя-трикстера: разбивает золотое яичко («Журочка» [25, с. 83]) или, в зачине сказки про Морского царя и Василису Премудрую, обманывает, грабит и выгоняет из дома воробья, что приводит к войне зверей и птиц [26, с. 146, 157, 416]. Правда, в одном из записанных А. Н. Афанасьевым вариантов этой сказки злодеем оказывается воробей, а мышь его жертвой [26, с. 142].

В одной сказке мышь является одним из основных положительных персонажей («Терем мухи» [25, с. 104–105]).

В шести сказках мышь – помощник. Просто так, без всякой платы она предупреждает царевича о сестре-людоедке и помогает ему скрыться («Ведьма и солнцева сестра» [25, с. 111]). Накормленная кашей, помогает падчерице обмануть медведя («Дочь и падчерица» [25, с. 118], «Медведь и девушка» [27, с. 223]) или бабу-ягу («Баба-Яга» [25, с. 124]) и получить богатство, за денежку помогает главному герою рассмешить Несмеяну-царевну [26, с. 333]. В сказке про волшебное кольцо мышь действует под угрозой смерти от когтей кота или вороненка, но все равно помогает раздобыть кольцо, украденное злодейкой-женой у главного героя («Волшебное кольцо») [26, с. 35, 41–42, 395]. Кстати, в последней сказке царевна с похищенным кольцом скрывается в мышьином царстве.

Любопытное толкование этой сказке давал сам Афанасьев, видя в спасении героя смену времен года: «Похищенное зимними туманами, оно [кольцо] снова возвращается к нему благодаря дружным усилиям собаки, кошки и мыши, т. е. не прежде как весной, когда появляются молниеносные тучи: мышь-молния грызет демона-похитителя и заставляет его выпустить из своих рук драгоценное кольцо, собака-вихрь и кошка-гроза подхватывают сокровище, переплывают морские воды (дождевые тучи) и вместе с кольцом возвращают торжествующему герою свободу и счастье» [9, с. 458].

По сути, из девяти сказок, где мышь является одним из действующих лиц, в семи или восьми она действует как положительный или нейтральный персонаж, вольный или невольный помощник главного героя. Да и эпитеты, которыми награждается мышка, далеки от негативных: «мышенька», «мышка–стрижка», «мышка-норушка», «мышечка-тютюрюшечка». А вот злая сестра падчерицы, которая называет мышь гадиной и бьет ее скалкой, помощи не получает и погибает [25, с. 118].

Таким образом, можно сделать вывод, что, в отличие от реальной жизни, где мышь выступает как явный вредитель, в фольклоре и культовой практике это гораздо более сложный и многозначный образ.

Как хтонический персонаж она связана со смертью, громовежцем или, позднее, его негативным воплощением. Мышь используется в гадани-

ях и народной медицине, она связана с нечистой силой, с домовым. В сказках она чаще выполняет функции помощника, чем вредителя. Двойственность данного персонажа приводит к тому, что даже избавляться от него крестьяне предпочитали «бескровными» методами – не пустить в дом, отвести к соседу, а если уж и убить, то чужими руками, посредством кошки, которая и сама имеет явную связь с мифологическим пространством.

Ссылки

1. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. 684 с.

2. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. 568 с.

3. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7. Ч. 4: Тихвинский уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2011. 512 с.

4. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. Т.10. СПб., 1885. 256 с.

5. Русская историческая библиотека. Т. 3. СПб., 1876. 542 с.

6. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2008. 600 с.

7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: РИПОЛ классик, 2006. 784 с.

8. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Ч. 4: Тотемский, Устьсыольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2008. 808 с.

9. Афанасьев А. Н. Славянская мифология. М.: Эксмо, 2008. 1520 с.

10. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. 624 с.

11. Устинова И. А. Делопроизводственные документы патриаршских приказов 1-й половины XVII века: Расходная книга 1640/1641 года // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2 (29/30). С. 5–97.

12. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7. Ч. 3: Череповецкий уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2009. 592 с.

13. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губерния. СПб.: Деловая полиграфия, 2005. 647 с.
14. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2. Ч. 1: Ярославская губерния. Пошехонский уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. 608 с.
15. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7. Ч. 2: Череповецкий уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2009. 524 с.
16. Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России: пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 720 с.
17. Предания о народных русских суевериях, поверьях и некоторых обычаях. М.: типография Сергея Орлова, 1861. 184 с.
18. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индик. 1997. 912 с.
19. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2. Ч. 2: Ярославская губерния. Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. 552 с.
20. Русские заговоры Карелии / сост. Т. С. Курец. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 2000. 276 с.
21. Власова М. Н. Русские суеверия: энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 736 с.
22. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Московского университета, 1982. 248 с.
23. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого: в 5 т. М.: Международные отношения, 2009. Т. 3. 697 с.
24. Топоров В. Н. Мовом «Музы»: соображения об имени и предыстории образа (к оценке фракийского вклада) // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977. С. 28–86.
25. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. 1. 512 с.
26. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. 2. 464 с.
27. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1985. Т. 3. 496 с.

Women's participation in Gnostic societies

L. S. Lupandin¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-398-407

Research article
Full text in Russian

The role of women in the ancient church community was quite high. Church fathers and apostles regularly mention women as laborers, patrons, and probably heads of congregations. At the same time, in polemical literature against heresies, one can regularly find reports that heretics, by whom the teachers of Gnosis are most often meant, also actively employ female representatives for certain purposes. With regard to Gnostic communities, however, assessments of women's participation in certain activities are always negative. In this article a comparative analysis of the role of women in proto-orthodox Christian communities and Gnostic schools is carried out. Based on the sources, the author concludes that women's participation in the proto-orthodox community and Gnostic schools, at least in the first two centuries of the birth of Christianity, resulted in a similar role in them, although there were some differences in the degree and scope of women's involvement in religious life and cultic practice, as well as the functions they performed.

Keywords: Early Christianity; proto-orthodoxy; patristics; Gnosticism; women's preaching; women's ordination

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lupandin, Leonid S. | E-mail: lexdubrovski@gmail.com
Postgraduate

Участие женщин в гностических обществах

Л. С. Лупандин¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-398-407

Научная статья

УДК 94(38).08

Полный текст на русском языке

Роль женщин в античной церковной общине была достаточно высока. Отцами церкви и апостолами регулярно упоминаются женщины, которые выступают в роли тружениц, патронов и, вероятно, глав общин. При этом в полемической литературе, направленной против ересей, регулярно можно встретить сообщения, что у еретиков, под которыми чаще всего подразумеваются учителя гносиса, для определённых целей также активно привлекаются представители женского пола. Однако в отношении гностических общин оценки участия женщин в тех или иных действиях всегда носят негативный характер. В данной статье проводится сравнительный анализ роли женщин в протоортодоксальных христианских общинах и гностических школах. На основе источников автор делает вывод, что участие женщин в протоортодоксальной общине и гностических школах, по крайней мере в первые два века зарождения христианства, приводило к их сходной роли в них, хотя и существовали некоторые отличия в степени и объёмах вовлечения женщин в религиозную жизнь и культовую практику, а также выполняемых ими функциях.

Ключевые слова: раннее христианство; протоортодоксия; патристика; гностицизм; женская проповедь; женское рукоположение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лупандин, Леонид Сергеевич | E-mail: lexdubrovski@gmail.com
Аспирант

В свидетельствах христианских апологетов – Ириней Лионского, Ипполита Римского и Квинта Тертуллиана – достаточно часто упоминаются религиозные практики гностиков, в которых принимают участие женщины – члены общин. Среди приводимых названными авторами сведений преобладают сообщения о том, что женщины активно привлекаются гно-

стиками для совершения различных ритуалов, целью которых является получение пророчеств и скрытых божественных откровений. Чаще всего женское служение рассматривается исследователями в контексте ортодоксии. Разбираются нюансы их рукоположения [1], положения диаконисс в церковной иерархии [2], их роли в богослужении [3], периодически рассматривается историография вопроса [4]. Крайне редко выходят статьи, непосредственно посвящённые женскому служению как в гностических, так и в протоортодоксальных общинах. Качество их для исторического исследования видится сомнительным, так как они изобилуют выводами, продиктованными вероисповеданием автора [5]. Довольно подробно вопрос участия женщин в гностической общине Марка Мага рассмотрел немецкий исследователь Н. Фёрстер [6].

Самым известным примером подобного привлечения женщин служит описание у христианских апологетов учения Симона Мага, вышедшего к своим ученикам исключительно совместно с женщиной (в апокрифической литературе он, кроме того, появляется один или же в сопровождении двух псов [7]), именуемой им Мыслью и матерью всех вещей. Эта женщина (в некоторых источниках ее имя указано как Елена), по свидетельству Иринея – выкупленная Симоном Магом в городе Тире блудница, активно использовалась симонитами во время проводимых ими ритуалов (в переводе Н. И. Сагарды – «волхований»; далее текст Иринея в пер. Н. И. Сагарды), так как через благодать, заключённую в Симоне и Елене, можно было достигнуть спасения. (Adv. Haer. I. XXIII. 2).

По мнению Элейн Пейджелс, разница в восприятии ролей женщины и мужчины в протоортодоксальной общине и гностической была столь велика, что в протоортодоксии женщина не могла являться даже полноценным её членом. Их участие было возможно только в той мере, в какой их собственная идентичность отрицалась и уподоблялась мужской. При этом, на ее взгляд, у христиан-гностиков отношение к женщинам было принципиально иным. Связано это было с тем, что в восприятии гностиков Бог являлся как диадическое существо, несущее в себе оба начала [8].

Использование в различных ритуалах женщин, вовлечённых не только в гностические, но и прочие неортодоксальные религиозные объединения и общины, протоортодоксальными апологетами воспринималось крайне негативно. Чаще всего подобные женщины характеризовались ими как обманутые, введённые во грех, не имеющие страха Божия, или же просто блудницы.

При явно негативном отношении к пророчествам, провозглашаемым неортодоксальными религиозными объединениями, сам факт получения различных божественных откровений посредством пророчеству-

ющих людей протоортодоксией не возбранялся и не являлся чем-то предосудительным. В том числе не возбранялись и пророчества со стороны женщин. Так, в Евангелиях и посланиях апостола Петра не только встречаются неоднократные упоминания о пророчествующих женщинах, но и предпринимается попытка упорядочить появление божественных откровений. К примеру, в Первом послании к коринфянам, женщинам запрещается пророчествовать с непокрытой головой (1 к Кор. 11:5).

Ещё одним убедительным свидетельством массовости явления пророчествования, в котором важная роль принадлежала женщинам, служат Деяния апостолов. Очень выразителен сюжет, относящийся к Кесарии и описанный в контексте посещения этого города апостолом Петром. У одного из семи диаконов, известного как Филипп благовестник, было четыре дочери. Все четыре в равной степени обладали даром пророчествования и применяли его на практике (Деян. 21:9). Таким образом, мы можем сделать вывод, что Отцами Церкви порицалось не пророчествование как таковое, а именно его использование гностиками и прочими общинами неортодоксальных христиан в своих целях. Также негативные коннотации могла вызывать некоторая театрализованность, присущая гностикам, на которую часто указывают Отцы Церкви.

Можно предположить, что не только активное привлечение женщин в гностические общины привело к упадку их роли в раннецерковной иерархии. Протоортодоксальная Церковь с начала своего существования, в отличие от многих конкурентов, таких как гностики, взяла курс на создание чётко обозначенной иерархической структуры, что было невозможно без унификации и классификации догм и системы верований, которые предполагалось в дальнейшем проповедовать среди широких масс населения. Институт женщин-пророчиц, напрямую предоставлявших членам своей общины божественные откровения, очевидно, не мог этому способствовать.

Названные выше факты свидетельствуют о достаточно большой роли женщины в протоортодоксальной церковной иерархии; их роль в общецерковной духовной жизни была сравнимой с ролью женщин в гностических общинах и шире – в неортодоксальных течениях в раннем христианстве.

В исследовательской литературе имеются и иные версии роли женщины Фебы (Φοίβη – в ряде переводов Фивы), служившей, по свидетельствам Павла, в Кенхрейской церкви. Так, А. Гарнак полагал, что из дальнейшего повествования следует, что Феба – не служительница церкви, а одна из видных патронесс христианской общины [9, с. 363]. Всего же

в Послании к римлянам апостолом Павлом упомянуто не менее восьми женщин, игравших различные роли в христианских общинах.

В гностических же обществах роль женщин была весьма высока. Известны случаи, когда женщине отводилась вторая, после основателя, роль в школе или общине. В широком плане это, вероятно, произошло из космологического мифа, где роль катализатора всех происходящих событий отводится Софии, сотворившей демиурга. Если обратиться к реконструкциям гностической космогонии, составленным Э. Эдингером и М.-Л. фон Франц, можно увидеть, что в школе симонитов, основателем которой считается полубогословный «отец всех ересей» Симон Маг, божество было разделено на две ипостаси: Единого (отца) и Софию (мать). Из этого же союза появлялось всё наполнение космоса. От самой же Софии без участия Отца появлялся тварный мир: силы, ангелы, материя и человечество [10, с. 57].

Мировоззренческая теория симонитов находила своё воплощение в реальных людях. Так, блудница Елена, по свидетельствам Иринейя сопровождавшая Симона Мага повсеместно, является Софией, пойманной в результате творения в темницу плоти и вынужденной скитаться по миру. Самому же Симону отводилась роль её спасителя [10, с. 57]. Такая же высокая роль женского начала имеется и у Валентина, где Энной (мысль) была второй в тетраде после Битоса – Первоотца [10, с. 103]. Но встречается подобное не повсеместно. К примеру, у Василида Плерома вовсе не разделяется по половому признаку [10, с. 84], как и у последователей Маркиона [10, с. 76].

Почтительное отношение к женскому полу не могло не привлекать в гностические общины интересующихся подобными культами римских матрон и девушек. В то время как в протоортодоксальной церкви им отводилась вспомогательная роль диаконисс [11. р. 169] или патронов общины, гностики позволяли женщинам более широко участвовать как в религиозной, так и в общественной жизни своих общин. В зависимости от учения в гностической школе роль женщины могла быть разной: тождественной протоортодоксальной церкви или окологреческой. Причина кроется в основе гностических мировоззрений, где София, или же Битис, – это женщина. Несмотря на свой близкий к божественному статус, функции представительницы женского пола зачастую оставались такими же – трансляция пророчеств, вспомогательные функции в религиозных обрядах и экономическая поддержка общины.

Известны случаи, когда в неортодоксальной среде женщине дозволялось читать проповеди, вступать в теологические баталии и даже совершать церковные таинства, что не могло не вызывать гнева у прото-

ортодоксальных апологетов, к которым, с некоторыми оговорками, можно отнести и Квинта Тертуллиана. В труде «О прескрипции против еретиков» он приводит следующий выразительный пример: «...а сколь дерзки сами женщины-еретички! Они осмеливаются учить, спорить, изгонять духов, обещать исцеление, а может, даже и крестить» (De Praes. 41. Пер. И. Маханькова, Ю. Панасенко и др.).

Вопрос контактов и поведения церковных деятелей и духовенства в целом был весьма острой темой. Обвинения в обмане и во введении во грех женщин, а в особенности богатых и статусных представительниц римского общества, высказываются в адрес многих идеологов гносиса и неортодоксальных религиозных течений. С ними сталкивались на протяжении веков не только еретики.

Двести лет спустя с подобными же обвинениями столкнутся уже протртодоксальные епископы. Обвинителем будет выступать позднеримский хронист Аммиан Марцеллин, упрекавший церковных иерархов в безудержной тяге к власти, к которой прилагалось внимание римских матрон, неравнодушных к религиозным деятелям: «...по достижении этого сана им предстоит благополучие обогащаться добровольными приношениями матрон, разъезжать в великолепных одеждах в экипажах, задавать пиры столько роскошные, что их блюда превосходят царский стол...» (Амм. XXVII 3. 14. Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни под ред. Л. Ю. Луккомского). Отсюда следует вывод, что ни до валентинианина Марка-мага, ни после него, привлечение женщин к участию на определённых ролях в богослужении или же принятие от них различных протекций, услуг и пожертвований не порицались христианской церковью. Во всяком случае, участие имело место в неких разумных пределах. Так, в Первом послании к Тимофею Павел настоятельно рекомендует не допускать женщин до роли учителей [Тит. II. 3]. Считается, что женщина допускалась в общину, только пожертвовав личными устремлениями во благо христианской общины [12 р. 21]. В целом, это умозаключение не лишено смысла, хотя касалось оно не только женщин, а всех христиан I в. н. э.

Обобщая вышесказанное, можно заметить, что в раннехристианских общинах наблюдалось кратное численное превосходство женщин над мужчинами. Не удивительно, что и в различных нетрадиционных, гротескных культах их количество было также очень большим. В современном обществе процент женщин, вовлечённых в неортодоксальные маргинальные общины в околоцерковной среде, гораздо выше, чем мужчин. Можно вспомнить, например, культ Славика Чебаркульского [13] или же любой иной околоцерковный культ рубежа XX–XXI в., к примеру Богородичного центра [14].

Рискнём согласиться с профессором А. Гарнаком в его утверждении о том, что в гностических сектах, в которых были значительно представлены женщины, шел процесс постепенного отстранения последних от всех значимых ролей в религиозной жизни. Подтверждением его мнения может служить подробное описание происходящего на так называемых богослужениях маркиан, которое даёт Ириней Лионский. Доскональность, с которой Ириней сообщает о творимых маркианами обрядах, может свидетельствовать о том, что он либо являлся очевидцем происходящего, либо описывал действия и события непосредственно со слов очевидцев. К таким информаторам вполне могли относиться «...некоторые из более верных женщин, имеющих страх Божий и не поддавшихся обману» (Adv. Haer. XIII. 4).

Существенной критике со стороны Иринея подвергается то обстоятельство, что в осуществлении таинств в школе Марка участвуют большое количество женщин [15 p. 191]. Причём Ириней подчёркивает, что эти женщины вступают в половые отношения с Марком и жертвуют ему немалые деньги, с этой целью руководитель школы умышленно привлекает богатых женщин (Adv. Haer. XIII 3-5). О сексуальных связях с женщинами – участницами гностических общин – сообщает и Климент Александрийский. Однако в его свидетельствах это не связи учителя со своими ученицами, а беспорядочные контакты всех членов общин [16. p. 43].

В показаниях информаторов Иринея указано, что Марк-маг, подобно своему учителю Валентину, не отделял себя от протоортодоксальной Церкви. Так, «имеющие страх Божий» женщины заметили, что они находятся на гностическом богослужении лишь тогда, когда «экстравагантные литургические нововведения» Марка уже были в самом разгаре [17, с. 20]. Надо отметить, что информаторы Иринея могли быть не совсем искренни с ним, предоставляя ему сведения о богослужении маркиан. Так, «страх Божий» эти женщины испытали только в тот момент, когда им по жребию выпало пророчествовать, что активно практиковалось как в школе Валентина, так и у других гностиков. Мы не можем с уверенностью сказать, как именно проходила эта жеребьёвка, однако вероятность того, что в ней могли участвовать обыватели, попавшие на литургию по ошибке, видится маловероятной.

Лица, предоставившие Иринею сведения, пробыли среди маркиан достаточно долго, чтобы выступить незаменимым источником информации при написании «Против ересей», не будучи смущёнными ни «проделками чародеев» (Adv. Haer. I. 13. 1), ни фокусами над чашами для причастия и искажённой Евхаристией (Adv. Haer. I. 13. 2). Потенциальных причин для подозрений, помимо прорицания, было великое множество, так

как сами гадания происходили на завершающем этапе богослужения. Судя по всему, женщины не являлись случайными свидетелями обрядов Марка-мага. Вероятно, они были членами гностических общин, регулярно принимавших участие в собраниях маркиан. Исходя из данных, предоставленных информаторами Иринейя, очевидно, что, несмотря на все литургические новшества, роль женщины в них всё ещё суппортивная. Главным же действующим лицом на всех таинствах выступает сам Марк [6, p. 84].

У Иринейя Лионского приводится довольно пространный отрывок, вероятно, подлинного маркианского текста, который каждый член школы Марка-мага обязан был знать наизусть. Предполагалось, что гностик, представ перед Силами и Демиургом, озвучив этот текст, продемонстрирует свою принадлежность к Ахамот, тем самым став недоступен для зла: «Я – сосуд более драгоценный, чем женщина, создавшая вас. Если ваша мать не знает своего происхождения, – я знаю себя самого и знаю, откуда я, и призываю нетленную Премудрость, которая во Отце и есть Матьерь вашей матери, не имеющей ни отца, ни мужеского супруга; женская отрасль женского начала создала вас, не знающая матери своей и воображающая, что она существует, я же призываю её мать!» (Adv. Haer. I. 21. 5). После этих слов, по версии маркиан, высшие силы, служащие Демиургу, «сильно смущаются и стыдятся своего происхождения и рода своей матери». Затем умерший уже мог спокойно соединиться с Ахамот. Всё же, несмотря на столь большую роль женщины в учении гностиков, разрозненные и единичные свидетельства о жизни гностических общин не позволяют нам с уверенностью делать выводы о том, как миф о Софии или Ахамот сказывался на повседневной жизни женщин общины.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Несмотря на разительное отличие в миропонимании и космогонии, женщины и в протоортодоксальной общине, и в общине гностиков, по крайней мере изначально, имели абсолютно равные права и возможности. В обоих случаях они вели пророческую деятельность, ассистировали во время богослужений и ритуалов, пусть и в разных ролях. В обоих случаях женщине отводилась роль патрона общины, предоставляющего средства или помещение для проведения тех или иных собраний и обрядов. Разница становится видна позднее, когда протоортодоксальная церковь активно приступила к институционализации догм и принципов богослужения, в которых женщине в роли пророчицы и дьякониссы места не нашлось. В гностических же общинах женщины по-прежнему продолжали выполнять те же функции, которые им были доступны ранее. Что же касается сведений Тертуллиана, в которых он утверждает, что еретики позволя-

ют женщинам проповедовать, то у нас нет никаких существенных причин отождествлять упомянутых в труде Тертуллиана еретиков с гностиками.

Анализ источников дает основания оспорить вывод А. Гарнака в статье «Распространение христианства среди женщин», опубликованной в 1909 г. о том, что именно высокая роль женщины в гностической общине толкнула протоортодоксию начать отстранять женщин от роли в богослужении и общине. Роль женщины в протоортодоксальной церкви начала уменьшаться по естественным причинам, которыми являлись укрепление церковной иерархии, отказ от практики пророчицаний и систематизация догматов. С определённой долей вероятности можно сказать, что высокий статус женщины в Церкви был скорее вынужденным. Помимо этого, необходимо обратить внимание и на общий исторический фон, во время которого происходили данные изменения. Роль и права женщины в поздней Античности в принципе снижались, что было вызвано объективными причинами: войнами, кризисами, изменением климата и т. д. Иными словами, говорить о каком бы то ни было особом статусе женщины в гностических школах и общинах не представляется возможным. В ранний период (I–II вв. н. э.) он был таким же, как и в протоортодоксии. В более поздние периоды роль женщин в гностических общинах не увеличивалась, а лишь сохранялась неизменной, в то же время в протоортодоксальной Церкви эта роль снижалась.

Ссылки

1. Постернак А. В. Женская проповедь в христианских общинах античности и раннего средневековья // Христианское чтение. 2018. №1. С. 227–232.
2. Постернак А. В. Вдовы и диакониссы в иерархии Древней Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 98. С. 11–27. DOI 10.15382/sturII202198.11-27
3. Василиадис П. Роль женщин в церкви, женское рукоположение и чин диаконисс: православный богословский подход // Вестник Свято-Филаретовского института. Серия: Теологические исследования. 2017. Вып. 26. С. 66–86.
4. Постернак А. В. Западная историография о женском служении в древней церкви // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 110. С. 11–28. DOI 10.15382/sturII2023110.11-28
5. Постернак А. В. Женщины в неортодоксальных общинах // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 56. С. 9–15. DOI 10.15382/sturII201456.9-15

6. Förster N. Marcus Magus. Kult, Lehre und Gemeindeleben einer valentinianischen Gnostikergruppe. Sammlung der Quellen und Kommentar. Tübingen : Mohr Siebeck, 1999. 500 p.
7. Деяния и мучения святых славных и всехвалных апостолов Петра и Павла // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10111>
8. Elaine H. Pagels. What Became of God the Mother? Conflicting Images of God in Early Christianity // Signs. 1976. Vol. 2, No. 2. P. 293–303.
9. Гарнак А. Миссионерская проповедь и распространение христианства в первые три века / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. проф. А. А. Спасского. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 380 с.
10. Эдингер Э., фон Франц М.-Л. Психологический анализ раннего христианства и гностицизма М.: Клуб Касталия, 2016. 306 с.
11. Hayers A. Justin against Marcion: Defining the Christian Philosophy. Minneapolis: Fortress Press. 2017. 272 p.
12. Beattie G. Women and marriage in Paul and his Early interpreters. London: T&T Clark International, 2005. 185 p.
13. Заявление Миссионерского отдела Челябинской епархии Русской Православной Церкви о деятельности религиозной группы В. А. Крашенинниковой и ложном почитании отрока Вячеслава Крашенинникова URL: <https://k-istine.ru/pseudoconfession/pseudoconfession-071.htm> (дата обращения: 22.01.2024).
14. Ахметова М. В. Конец света в отдельно взятой стране: религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ; РГГУ, 2010. 336 с.
15. Grant R. M. Gnosticism and Early Christianity. N. Y.: AMS Press, 1978. 256 p.
16. Haar. S. Simon Magus: The First Gnostic? Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2003. 409 p.
17. Dunenberg I. Beyond Gnosticism. Myth, Lifestyle, and society in the school of Valentinus. N.Y.: Columbia University Press, 2008. 324 p.

About "economic imperialism" and some of its manifestations in the humanities and in practice

A. M. Lushnikov¹, A. A. Karpov¹, D. A. Smirnov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-408-417

Research article
Full text in Russian

This article discusses the problem of «economic imperialism» as the desire of representatives of economic science to apply economic methodology to other socio-humanitarian sciences. A number of curious cases resulting from this have been analyzed. Particular attention is paid to the expansion of the economy into psychology. It has been established that such expansion, along with the enrichment of methodological tools, entails a number of negative consequences both in science and in psychological practice. It is proposed to neutralize the consequences of this expansion, including by reforming the current legislation.

Keywords: economic imperialism; economics; law; law "On psychological assistance"; psychological assistance; education; counseling

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikov, Andrey M. | E-mail: amlu0909@yandex.ru
D. Sc. (Jurisprudence), D. Sc. (History), Professor

Karpov, Alexandr A. | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
D. Sc. (Psychology)

Smirnov, Dmitry A. | E-mail: d.smirnov@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Об «экономическом империализме» и о некоторых его проявлениях в гуманитарных науках и на практике

А. М. Лушников¹, А. А. Карпов¹, Д. А. Смирнов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-408-417

УДК 330.101, 340.12, 159.99

Научная статья

Полный текст на русском языке

В настоящей статье рассмотрена проблема «экономического империализма» как стремления представителей экономической науки применять экономическую методологию к другим социально-гуманитарным наукам. Проанализирован ряд курьёзных случаев, возникающих в результате этого. Особое внимание уделено экспансии экономики в психологию. Установлено, что подобная экспансия, наряду с обогащением методологического инструментария, влечёт целый ряд отрицательных последствий как в науке, так и в психологической практике. Нивелировать последствия этой экспансии предлагается в том числе и реформированием действующего законодательства.

Ключевые слова: экономический империализм; экономика; право; закон «О психологической помощи»; психологическая помощь; образование; консультирование

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович | E-mail: amlu0909@yandex.ru
Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права

Карпов, Александр Анатольевич | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии

Смирнов, Дмитрий Александрович | E-mail: d.smirnov@uniyar.ac.ru
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и финансового права

Как в советский период, так и в настоящее время термин «империализм» имел и зачастую имеет сугубо отрицательную коннотацию. Очевидно, что в любом смысле империализм предполагает захват имперским центром (метрополией) колониальных окраин (т. е., собственно, колоний),

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

которые центр подчиняет себе, эксплуатирует и заставляет жить по своим законам.

В самом общем смысле «экономический империализм» – направление научных исследований, связанных с попытками распространить законы и иные основные положения неоклассической экономической теории и отчасти неоинституционализма на сферы общественных отношений, не связанных с экономикой (т. е. экономический подход ко всем социальным вопросам без исключения).

Подчеркнем, что никаких исследований на стыке общественных наук «экономический империализм» не предполагает. Речь идет о механическом присоединении к экономической теории смежных общественных дисциплин на основе их охвата максимизирующим неоклассическим подходом. Это касается, прежде всего, правоведения, истории, антропологии, демографии, социологии, политологии, а также многообразных проблем семьи, религии, здоровья, в отдельных случаях даже музыки, физиологии, коллективной психологии, секса и др.

Расцвет «экономического империализма» пришелся на 70–80-е гг. XX в., когда такой подход казался необычным, свежим и интересным. Он совпал с подъемом авторитета неоклассики в экономических науках, с началом кризиса идеологии социального государства, проведением политики рейганомики и «тетчеризма» в США и Великобритании. Это объясняется и субъективным фактором: наиболее активный сторонник данного научного направления, американский экономист и впоследствии Нобелевский лауреат Г. Беккер постоянно импровизировал, расширял сферу «империалистических захватов», вел грамотную полемику с оппонентами. Однако уже в конце 90-х гг. стала очевидной условность, причем в отдельных случаях комичность данного подхода. В России с начала XXI в. его поддерживали относительно небольшое количество экономистов [1–3], в основном же во всем мире к нему относятся достаточно критично [4–6]. Так, норвежец А. Сандмо (р. 1938), приветствуя междисциплинарные исследования, назвал односторонний «экономический империализм» очевидно противоречивым и проблемным, опирающимся на слишком узкие и нереалистические основания, узкий фокус исследования, базирующимся на простых экономических моделях [7, с. 512–516]. Здравомыслящие экономисты понимают, что вторжение их коллег в несвойственные их науке сферы имеет более чем сомнительную ценность и отрицательно отражается на репутации экономической науки, особенно среди представителей других общественных наук. В этой связи характерно, что во многих обобщающих работах по истории экономической мысли об «экономическом империализме» либо вообще не упоминается [8–9], либо упоминается вскользь (их большинство).

Из представителей других неэкономических гуманитарных дисциплин к нему более благожелательно относятся только некоторые политологи (в духе «политических рынков»). Другие гуманитарии [10–11], включая

юристов, оценивают «империализм» достаточно критично и даже с нескрываемой иронией. В силу названных причин весьма распространенной оценкой выводов «империалистов» в отношении неэкономических социальных феноменов является их определение как «либо банальных, либо смешных». Аналогично можно оценить и многие выводы «экономических аналитиков права» (базирующиеся на «экономическом империализме») в отношении юриспруденции. Тем более странно звучат отдельные утверждения экономистов о том, что в социальных науках «...«экономические империалисты» активно теснят представителей дисциплин, в которые они вторглись» [12, с. 332]. Остается сожалеть, что представители других дисциплин про это «теснение» даже не догадываются. Кроме того, с начала 10-х гг. XXI в. дискуссии на сей счет поутихли, причем даже сторонники «экономического анализа права» предпочитают не акцентировать свои «империалистические» наклонности.

Подчеркнем, что странные претензии экономистов на присвоение их специализации звания «царицы гуманитарных наук» основаны именно на идеологии «экономического империализма». Прежде всего это присуще американским экономистам – последователям Г. Беккера. По мнению одного из самых известных современных французских экономистов Т. Пикетти (р. 1971) они «...по-прежнему накапливали чисто теоретические результаты, не зная даже, какие факты можно ими объяснить...». Он отметил, что авторитет экономистов во Франции невелик, что «вынуждает их избавляться от презрительного отношения к другим наукам и абсурдной претензии на высшую научность, в то время как на деле они практически ничего не знают» [13, с. 50]. Некоторые американские экономисты в духе Г. Беккера эту «абсурдную претензию на высшую научность» культивируют по-прежнему.

Естественно, речь не идет о каком-то открытом презрении, т. к. экономисты в большинстве своем (как и юристы, историки, социологи и др.) люди воспитанные и приятные в общении. Но когда экономику пытаются превратить в универсальную методологию других гуманитарных наук, и правоведение здесь не исключение, то иначе как презрением к другим наукам это объяснить нельзя. Такой подход тем более странный, что знания экономистов в области права, социологии, истории и др. никак не больше, чем у юристов, социологов, историков и др. в сфере экономики. Не монополизировано экономистами и утверждение о том, что «люди выбирают» и могут быть рациональными. Может сложиться превратное впечатление, что все остальные гуманитарии человеческий выбор отрицают, а всех людей считают иррациональными психопатами и истыми фаталистами, что очевидно не так. Например, юриспруденция базируется именно на изучении регулирования сознательного поведения людей, основанного на свободе воли. Все это надо иметь в виду при рассмотрении научного наследия персонажей данного исследования. Ради справедливости еще раз подчеркнем, что зна-

чительная часть современных экономистов не приемлет «экономический империализм».

Одной из областей, в наибольшей мере испытавших на себе влияние как положительных, так и подчеркнута негативных воздействий со стороны экономического знания, является, несомненно, психология. Давняя и прочная междисциплинарная связь между двумя этими дисциплинами нашла свое отражение в формировании внутри психологии вначале отдельных направлений, а впоследствии и автономных отраслей – экономической психологии и психологии маркетинга. Они обе, хотя и с использованием несколько различных методологических и методических средств, изучают экономическое поведение субъекта (в том числе – потребителя), хозяйственную жизнь общества, взаимодействия и отношения хозяйствующих субъектов, потребности потребителя и мн. др.

Согласно своему классическому определению, экономическая психология – это «отрасль психологии, изучающая психические особенности субъекта экономической деятельности, формы психического отражения экономических явлений в сознании индивидов, групп, слоев, классов, народов, а также экономическое поведение, основанное на них». Вместе с тем в литературе имеются и другие определения самой науки и ее предмета. Например, 1) наука о психологических условиях эффективного хозяйствования; 2) наука об индивидуальных вариациях экономического поведения человека или группы людей; 3) наука об экономико-психологических стереотипах и установках людей, семей, групп; 4) наука о типическом отношении групп людей к экономическим ценностям (связанным с хозяйственной деятельностью) и экономическое поведение, основанное на такой системе ценностей [14].

Таким образом, вполне очевидным представляется значительный объем теоретико-методологических данных, практических рекомендаций, а также общего числа работ современной экономической психологии и психологии маркетинга. Более того, он, выражаясь абстрактно, тем не менее справедливо, прямо пропорционален месту и роли экономики в жизни общества в целом и в структуре социально-гуманитарного знания в частности. Однако такое положение дел при ближайшем рассмотрении меняется, и подобная благоприятная картина плодотворной междисциплинарной интеграции может обрести и явные отрицательные очертания.

Речь идет в первую очередь о том, что своего рода экспансия экономики в психологию, с одной стороны, разумеется, конструктивным образом обогащает методологический и методический инструментарий, способствует усилению научно-исследовательского потенциала ставших уже классическими и новых актуальных направлений. С другой стороны, нередко, хотя и достаточно скрыто – латентно, происходит замена и даже подмена исключительно научной составляющей, вопросами гораздо более прагматичными и «приземленными». Современный этап развития экономиче-

ской психологии и в особенности психологии маркетинга характеризуется не активным поиском ответов на вопросы собственно научного свойства, а стремлением использовать уже сложившиеся в этих отраслях данные не «на благо науки», а в исключительно выгодных с точки зрения прибыли целях. Следовательно, и сегодняшние разработки акцентируют внимание не столько на экспликации психологических механизмов, установлении и интерпретации конкретных закономерностей, связанных, например, с поведением потребителей, его прогнозированием, с удовлетворением потребностей и т. д., сколько на стремлении к получению финансовой выгоды. Отсюда главной и очевидной становится экономическая (именно в указанном – ненаучном смысле) подоплека, корыстные соображения акторов, задействованных в этих явно не осуществляющихся на пользу классической психологии процессах. В этой ситуации установление закономерностей, связанных главным образом с поведением субъекта экономических отношений, реализуется уже не «для психологии», а ради приобретения капитала. В иных случаях современные разработки, образовательные программы, курсы профессиональной подготовки и переподготовки и др., вообще, «маскируются» под такие, которые не вызывают сомнения в собственной доброкачественности, а в действительности же в своей основе обладают экономической подоплекой.

Подобные, казалось бы, вполне объяснимые обстоятельства объективны и соответствуют нынешней сложившейся конъюнктуре. Более того, их можно обнаружить и на материале других разделов психологии. Прямо или косвенно значительное их число испытывает на себе влияние со стороны экономики. Так, организационная психология (включая ставшие уже автономными «организационное развитие», «организационное поведение», «организационное консультирование» и др.), психология менеджмента, социальная и политическая психология и мн. др. обнаруживают вполне объективно складывающуюся тенденцию к усилению места и роли экономического знания в них. Причем, разумеется, это вызвано опять-таки не менее объективными соображениями конъюнктуры. Однако и здесь отрицательное влияние экономических факторов, как известно, весьма существенно. При этом, как справедливо указывается Т. Н. Лобановой, Л. Н. Захаровой, И. С. Леоновой [15] и др., наряду с обширным спектром прочих важных условий и требований, для новой экономики требуется персонал, развивающийся «рука об руку» с трудовым процессом, принимающий на себя ответственность за самообучение, имеющий гибкие навыки (soft-skills), умения эффективно действовать в условиях неопределенности, стрессустойчивый, способный и к самоорганизации и проактивности, обладающий компетенциями, выходящими за рамки формального образования, главным образом инновационностью, креативностью, критическим мышлением, личностной вовлеченностью в трудовой процесс, ответственностью и инициативностью, клиент-ориентированностью.

Одновременно с этим нельзя не отметить и, пожалуй, наиболее существенного и притом крайне негативного аспекта рассматриваемой проблемы. По мере нарастания экспансии экономики в психологию трансформируются параметры организации профессионального обучения. Речь идет, конечно, о многочисленных программах повышения квалификации, профессиональной подготовки и т. д., большинство из которых, как известно, носят неофициальный характер и не имеют *необходимого юридического сопровождения*. Более того, подобное распространенное повсеместно новшество, стремительно «плодя» новых «психологов» и поощряя их дальнейшую «профессиональную деятельность» (в основном, консультирование), безусловно, компрометирует официальное психологическое сообщество действительно высококвалифицированных психологов-консультантов, преподавателей и сотрудников университетов, академических ученых. Такая ситуация разворачивается «не во благо», а, как указывалось ранее, исключительно (и только так) в целях получения прибыли. В современных условиях, к сожалению, не представляется затруднительным и долговременным получение того или иного «сертификата» или «диплома», свидетельствующего о профессиональной подготовке, и последующее начало консультационной «работы» с привлечением собственной клиентуры. В иных же случаях не требуется и этого, и «клиенты», не задумываясь, обращаются к подобным псевдоспециалистам.

Все эти, несомненно, отрицательные следствия интеграции экономического знания и современной психологии не были бы возможными без интенсивного развития средств информационно-коммуникационного плана, всеобщего распространения дистанционных форм обучения. Собственно говоря, и учебная деятельность, будучи субъект-субъектной по своей сути, начинает обретать черты нового субъектно-информационного класса. Он наравне с субъект-объектным и субъект-субъектным классами постепенно занимает ведущие позиции в процессе эволюции и закономерной трансформации видов, типов и классов профессиональной и учебной деятельности – «филогенезе деятельности» [16]. Важнейшей характеристикой субъектно-информационного класса является трансформация основного атрибута деятельности – ее предмета. В субъектно-информационных видах деятельности им выступает уже не объект, но и не субъект, а совершенно иная и предельно специфическая сущность – информация [17]. Таким образом, во многом, вследствие этих тенденций, складывается своего рода «благодатная почва» для увеличения численности неквалифицированных специалистов, главной задачей которых является как можно более быстрая подготовка и извлечение прибыли.

Отмеченные данные, на наш взгляд, могут быть в ближайшем будущем рассмотрены в качестве средств модификации главных положений психологии маркетинга и экономической психологии; необходимые и до-

статочные предпосылки для таких изменений, полагаем, сложились к настоящему времени.

Следует отметить, что и государство, и профессиональное сообщество осознают опасность чрезмерного внедрения коммерческой составляющей в отношения по психологической помощи. Причём решаться этот вопрос должен, по общепринятому мнению, принятием соответствующего федерального закона, регулирующего специфику профессиональной деятельности психолога.

Впервые попытка урегулировать на федеральном уровне отношения, связанные с оказанием психологической помощи, была сделана в 2014 году путём внесения в Государственную Думу проекта закона «О психологической помощи населению в Российской Федерации». Как было указано в пояснительной записке к законопроекту, одной из причин его внесения являлась деятельность тех, кто под видом психологических услуг фактически маскирует занятия магией, колдовством и пр.

Примечательно при этом, что авторы законопроекта в качестве проблемы отметили не только оказание психологических услуг лицами без профильного образования, но и недостаточную подготовку лиц с высшим психологическим образованием для занятия тем или иным видом психологической практики [18].

В конечном счёте законопроект был отклонён по причине того, что предусматривал дополнительные государственные затраты на его реализацию (в частности, в виде создания федеральных государственных учреждений) и, соответственно, требовал заключения Правительства РФ.

После этого профессиональное сообщество психологов выработало 5 версий законопроекта в этой сфере. Более того, в 2022 г. работа над законопроектом уже приобрела явные черты скандальности [19], когда некоторые представители психологического сообщества сообщили о том, что очередной законопроект находится на рассмотрении Госдумы, в то время как официально он до сих пор не внесён.

Изначально проект планировалось рассмотреть на осенней сессии 2022 г., в настоящее время ведутся разговоры о рассмотрении его на весенней сессии 2024 г. [20].

В научной литературе вопрос правового регулирования деятельности психолога в целом находится на периферии интереса исследователей. Среди работ юристов наиболее представительной является коллективная статья специалистов из МГУ и Центра экстренной психологической помощи МЧС РФ, посвящённая современному состоянию правового регулирования оказания психологической помощи [21]. Также среди работ, в которых изучается вопрос правового регулирования оказания психологической помощи, можно назвать статьи Ю. В. Исмагиловой [22]. А. А. Фёдорова специально посвятила отдельную статью вопросам противодействия лжеспециалистам в сфере психологии. Автор выделила два основных типа

лжепсихологов: это псевдопсихологи (которые, в свою очередь, делятся на самопровозглашённых психологов и недопсихологов) и эзотерики. Для борьбы с ними автор предлагает ввести обязательную сертификацию деятельности психолога и создать единый реестр профессиональных психологов [23].

Ф. С. Сафуанов предлагает достаточно сложную систему квалификационных требований к психологам, однако в любом случае, по его мнению, допуск к оказанию психологической помощи могут получить только лица с высшим профильным образованием (не ниже специалитета или магистратуры), а также кандидаты или доктора психологических наук (если их базовое образование – не психологическое). Этот же автор предлагает ввести сертификацию психологов 1 раз в 5 лет, которая проводилась бы комиссиями из авторитетных психологов, формируемых органами государственной власти субъектов федерации.

Мы полагаем, что более целесообразно возложить обязанность по обеспечению контроля качества оказываемых услуг на саморегулируемые организации. Собственно говоря, во многих законопроектах за основу взята именно эта модель. Оказывать профессиональную психологическую помощь может только лицо, имеющее высшее профессиональное образование и при этом либо работающее в бюджетном учреждении или являющееся госслужащим, либо являющееся членом саморегулируемой организации психологов. При подобном подходе сообщество психологов-профессионалов само может разработать конкретные требования для тех, кто желает заниматься частной психологической практикой.

Ссылки

1. Балецкий Е. В. За пределами «экономического империализма»: преодоление сложности // *Общественные науки и современность*. 2012. № 4. С. 138–149.
2. Гурьев С. М. Три источника – три составных части экономического империализма // *Общественные науки и современность*. 2008. № 3. С. 134–141.
3. Тамбовцев В. Л. Перспективы «экономического империализма» // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5. С. 129–136.
4. Вольчик В. В. Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // *TERRA ECONOMICUS*. 2015. Т.13, № 4. С. 52–64.
5. Олейник А. И. Расширенная версия теоремы Коуза и пределы «экономического империализма» // *Общественные науки и современность*. 2008. № 4. С. 147–162.
6. Полтерович В. М. Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 101–111.
7. Сандмо А. Экономика: история идей. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 552 с.
8. Ронкалья А. Богатство идей: история экономической мысли. М.: ИД ВШЭ, 2018. 656 с.

9. Курц Х. Д. Краткая история экономической мысли. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 312 с.
10. Радаев В. В. Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? // *Общественные науки и современность*. 2008. № 6. С. 116–123.
11. Урнов М. Ю. «Экономический империализм» глазами политолога // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4. С. 130–140.
12. Хаиткулов Р. Г. Уроки клиометрики от Грегори Кларка: в поисках источников экономического роста // *Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке*. М.: ИД ВШЭ, 2015. С. 331–340.
13. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
14. Шульгина Л. В. Экономическая психология: определение предмета и метода // *Психология в экономике и управлении*. 2009. № 1. С. 46–50.
15. Лобанова Т. Н., Захарова Л. Н., Леонова И. С. Психология в управлении персоналом: новый баланс // *Организационная психология*. 2022. Т. 12, № 1. С. 248–269.
16. Карпов А. А. Дифференциальные аспекты организации метакогнитивной сферы личности в условиях реализации дистанционных форм обучения в высших учебных заведениях // *Современные направления исследований в психологии: вызовы третьего десятилетия XXI века: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. В. Телятникова, 30-летию факультета психологии Тверского государственного университета*. Тверь, 1–2 июня 2023 г. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2023. С. 128–134.
17. Карпов А. В., Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции информационной деятельности. Ярославль: Филигрань, 2022. 816 с.
18. Карточка законопроекта № 553338-6 «О психологической помощи населению в Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/553338-6> (дата обращения: 12.03.2024).
19. Губанова А. С. Обозвать фейком, чтобы не признать факты: история исчезновения законопроекта // *Психологическая газета*. URL: <https://psy.su/feed/10420/> (дата обращения: 13.03.2024).
20. Костарнова Н. Психологов призвали саморегулироваться // *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6395281> (дата обращения: 13.03.2024).
21. Современное состояние правового регулирования психологической помощи / А. К. Голиченков, А. В. Белицкая, В. В. Барабанщикова [и др.] // *Национальный психологический журнал*. 2018. №1. С. 141–150. DOI 10.11621/npj.2018.0113
22. Исмагилова Ю. В. Современное состояние законодательства в сфере оказания населению психологической помощи // *Российское право: образование, практика, наука*. 2022. № 1. С. 51–58. DOI 10.34076/2410_2709_2022_1_51
23. Федорова А. А. Психолого-правовые аспекты противодействия лжеспециалистам, оказывающим псевдо-психологическую помощь населению // *Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сборник научных трудов*. М., 2022. С. 1294–1301.

Instructions of the President of the Russian Federation as incentives for improving administrative legislation

A. R. Barakhoeva¹, L. A. Grechina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-418-425

Research article
Full text in Russian

The article examines the history, essence and legal nature of the instructions of the President of the Russian Federation, raises issues of responsibility for their non-fulfillment. Using the example of administrative legislation, it is shown that presidential instructions are a powerful incentive to improve Russian legislation. The authors conclude that since the establishment of the constitutionality of the instructions, they have begun to play a leading role as vectors of the development of the state. In the context of international sanctions, new threats and challenges, including socio-economic ones, facing the Russian Federation, the instructions of the President of the Russian Federation are an effective way to respond promptly to the changing situation in the field of public administration. In this regard, their legal nature, the range of addressees, and issues of liability for non-performance or improper performance need clearer legal regulation.

Keywords: instructions of the President of the Russian Federation; public administration; administrative legislation; improvement of legislation

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Barakhoeva, Alla R. | E-mail: a.barakhoeva@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Grechina, Liubov A. | E-mail: luba_uniyar@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Поручения Президента РФ как стимулы совершенствования административного законодательства

А. Р. Барахоева¹, Л. А. Гречина¹

¹Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-418-425
УДК 342.922

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются история, сущность и правовая природа поручений Президента РФ, затрагиваются вопросы ответственности за их неисполнение. На примере административного законодательства показывается, что президентские поручения являются мощным стимулом совершенствования российского законодательства. Авторы приходят к выводу, что с момента закрепления конституционности поручений они стали играть ведущую роль в качестве векторов развития государства. В условиях международных санкций, новых угроз и вызовов, в том числе и социально-экономического характера, стоящих перед Российской Федерацией, поручения Президента РФ являются эффективным способом оперативного реагирования на меняющуюся ситуацию в сфере государственного управления. В связи с этим их правовая природа, круг адресатов, вопросы ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение нуждаются в более четкой правовой регламентации.

Ключевые слова: поручения Президента РФ; государственное управление; административное законодательство; совершенствование законодательства

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Барахоева, Алла Руслановна | E-mail: a.barakhoeva@uniyar.ac.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Гречина, Любовь Александровна | E-mail: luba_uniyar@mail.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Актуальность исследования обусловлена растущей ролью и значением поручений Президента РФ в качестве стимулов обновления законодательства и правовых механизмов реагирования на меняющуюся политическую, экономическую действительность в условиях международных санкций. Поручения сегодня становятся вектором политического, экономического,

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

социального развития, на который начинают ориентироваться органы исполнительной власти, законодатель, правоприменители. Многие поручения Президента РФ принимаются по результатам различных форумов, после встреч с представителями бизнеса, со студентами и т. д., в связи с чем приобретают особую популярность и авторитетность у общества, так как являются ответом на его запросы и потребности. Между тем вопрос о природе поручений Президента РФ остается дискуссионным, данная форма осуществления полномочий пока еще не получила ни своего четкого научного понимания, ни должного юридического оформления.

История поручений в России уходит в 90-е годы XX столетия, когда Б. Н. Ельцин своим Указом¹ установил личную ответственность Вице-президента за их исполнение. С тех пор указы подобного толка принимались неоднократно, ими устанавливалась ответственность за своевременность и полноту исполнения поручений², предусматривалась проверка исполнения поручений в субъектах РФ³, конкретизировался порядок их исполнения⁴. В Конституции РФ о поручениях Президента РФ упоминалось лишь раз – в ч. 5 ст. 117 (положение о том, что в случае отставки или сложения полномочий Правительство РФ по поручению Президента РФ продолжает действовать до формирования нового Правительства РФ).

В июле 2020 г. поправки в Конституцию РФ закрепили конституционность поручений Президента РФ. Прямое указание на такую форму осуществления полномочий содержится теперь в ст. 113 Конституции РФ, где закрепляется обязанность Председателя Правительства РФ организовывать работу Правительства в соответствии в том числе и с поручениями Президента РФ. Также в ч. 1 ст. 115 Конституции РФ говорится о том, что Правительство РФ на основании и во исполнение, в том числе поручений Президента РФ, издает постановления и распоряжения и обеспечивает их исполнение.

После подобных конституционных изменений внесены коррективы и в законодательное регулирование отдельных сфер государственного управления, например в сферу контрольно-надзорной деятельности. Так, поручения Президента РФ официально стали одним из оснований для проведения уполномоченными органами контрольных (надзорных) ме-

¹ Указ Президента РФ от 26 февраля 1992 года № 193 «О поручениях и полномочиях Вице-президента РФ» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10, ст. 509 (утратил силу).

² Указ Президента РФ от 6 ноября 1996 г. № 1536 «О мерах по совершенствованию организации и контроля и проверки исполнения поручений Президента РФ» (с изм. и доп.) // Российская газета. 1996. 10 ноября (утратил силу).

³ Указ Президента России от 21 июня 2004 года № 791 «Об утверждении положения об управлении Президента РФ по внутренней политике» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 26, ст. 2650.

⁴ Указ Президента РФ от 28 марта 2011 года № 352 «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента РФ» (вместе с «Порядком исполнения поручений и указаний Президента РФ») // Собрание законодательства РФ. 2011. № 14, ст. 1880.

роприятий (п. 3 ч. 1 ст. 57 ФЗ от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ»)⁵.

Как уже отмечалось, вопрос о природе поручений Президента РФ остается дискуссионным. Ученые и практики по-разному интерпретируют правовую природу поручений. Одни подчеркивают их направленность на реализацию статуса главы государства, определенного ст. 80 Конституции РФ, и делают вывод о том, что они являются инструментом, способом реализации скрытых полномочий главы государства [1, с. 128]. В Письме Администрации Президента РФ они называются служебными документами, в нем говорится о том, что поручения не содержат норм [2]. В. Зорькин полагает, что поручения нормативны, их следует рассматривать в иерархии подзаконных актов наравне с указами и распоряжениями Президента РФ [3]. Большинство же ученых сходятся в позициях, что поручения ненормативны [4, с. 17; 5, с. 153; 6, с. 124]. Из текста названных выше норм Конституции РФ (ст. 113, 115) следует, что поручения являются еще одной формой осуществления полномочий Президента РФ наряду с указами и распоряжениями. «Президентское поручение – основанная на праве форма властного волеизъявления главы государства», – считает А. А. Гришковец [7, с. 157]. Однако в ст. 90 Конституции РФ, определяющей формы осуществления полномочий Президента РФ и их статус, о поручениях ничего не говорится.

Таким образом, однозначно ответить на вопрос о природе поручений Президента РФ сложно: они имеют особую природу. В этом нас убеждают следующие обстоятельства. Поручения как способ реализации полномочий Президента существуют более двадцати лет, сейчас же конституционность их закреплена в Основном Законе. После закрепления их конституционности роль полномочий Президента в сфере государственного управления значительно усилилась. Такое закрепление, вероятно, вызвано необходимостью подчеркнуть законность поручений, поскольку они связаны с имплицитными полномочиями, вытекающими из положения Конституции РФ, согласно которому Президент является ее гарантом.

Несмотря на то что в Конституции РФ в качестве адресатов поручений указываются Председатель Правительства РФ и само Правительство РФ, они могут направляться практически любому органу и должностному лицу и даже негосударственным организациям (федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов РФ, Генеральной Прокуратуре РФ, Верховному Суду РФ, Государственному Совету РФ, Банку России, общественным организациям, например Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей и др.). Резонно было бы внести изменения в соответствующую-

⁵ Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31, ч. I, ст. 5007.

щие законодательные акты, предусмотрев обязательность исполнения поручений теми субъектами, которым они адресуются.

Представляется, что принимаемые сегодня поручения содержат в себе определенные векторы политики в социальной, экономической и иных сферах, в соответствии с которыми они начинают приоритетно развиваться то есть и законодатель, и государственные органы, и правоприменители понимают государственные установки и начинают действовать в этом направлении. Так, 21 февраля 2023 г. в Послании Федеральному Собранию Президент РФ прямо обратился к Государственной Думе с поручением ускорить рассмотрение законопроекта о развитии туризма на особо охраняемых природных территориях⁶. 18 марта 2023 г. закон уже был подписан Президентом РФ, а 21 марта 2023 г. официально опубликован в «Российской газете». Отметим, что до президентского поручения проект находился на рассмотрении Государственной Думы почти два года – с 16 марта 2021 г., когда был зарегистрирован и направлен Председателю Государственной Думы⁷.

Как поручения Президента РФ становятся мощным стимулом совершенствования нормативных правовых актов, можно увидеть на примере модернизации административного законодательства.

Давно вызывала нарекания фискальная политика административного законодательства в отношении юридических лиц. С учетом еще и внешне-экономических санкций бизнес в РФ фактически оказался в ситуации выживания. В. В. Путин не раз обозначал в своих Посланиях Федеральному Собранию РФ, что одним из векторов государственной политики является смягчение условий для бизнеса. В 2019 г. Президент утвердил перечень поручений, которые были направлены на смягчение санкций в отношении юридических лиц. В соответствии с ними ответственные органы (Министерство юстиции РФ) должны были подготовить предложения по изменению положений административного законодательства, с тем чтобы исключить возможность привлечения по одному и тому же составу административного правонарушения юридического лица и его работника, запретить при проведении государственных или муниципальных проверок назначать организациям административные наказания за каждое выявленное однородное правонарушение и др. Для исполнения данных поручений ставились строгие временные рамки⁸.

26 марта 2022 г. Президент РФ подписал закон о внесении изменений в КоАП РФ, согласно которым судья обязан заменить штраф предупре-

⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 года «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. 2023. 22 февр.

⁷ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1130300-7>

⁸ Президент РФ считает необходимым исключить одновременное административное наказание юридического лица и его работника за одни и те же действия. URL: <https://www.garant.ru/news/1260706/>

ждением, если организация впервые совершает административное правонарушение (раньше это было его право) (ч. 3 ст. 3.4 КоАП РФ). Верховный Суд РФ разъяснил, что при повторном совершении организацией административного правонарушения, если оно было совершено после истечения срока административной наказанности, в отношении нее снова можно вынести решение о замене штрафа предупреждением, так как после истечения срока административной наказанности лицо считается никогда не привлекавшимся к административной ответственности⁹.

Значительно были снижены санкции в отношении социально ориентированных некоммерческих организаций, а также субъектов малого и среднего бизнеса. Административный штраф для них назначается в размере, предусмотренном санкцией соответствующей статьи КоАП РФ для лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. При отсутствии в санкции статьи штрафа для индивидуального предпринимателя им назначается не более половины максимального и не менее половины минимального штрафа, предусмотренного для юридических лиц (ст. 4.1.2 КоАП РФ).

Части 4 и 5 ст. 2.1 КоАП РФ закрепили положения, согласно которым юридическое лицо не подлежит административной ответственности, если к ответственности привлекли его должностное лицо, а сама организация приняла соответствующие меры для соблюдения административного законодательства, за нарушение которого устанавливалась административная ответственность. И, наоборот, при привлечении юридического лица к ответственности исключается ответственность его должностного лица за данное правонарушение. Следуя этим тенденциям, Проект КоАП РФ¹⁰ уже запрещает одновременное привлечение к ответственности за одно и то же административное правонарушение юридического лица и его должностного лица, за исключением случаев, прямо указанных в законе. Отметим, что ранее действовавшее законодательство допускало правило о двойной ответственности – и юридического, и должностного лица, а правоприменительная практика активно его применяла.

В соответствии с поручениями Президента РФ были внесены и другие изменения в законодательство об административной ответственности. Теперь, если в ходе осуществления одной контрольно-надзорной проверки организации выявлены несколько однородных административных правонарушений, наказание назначается как за одно административное правонарушение (ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ).

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 17 октября 2023 года № 307-ЭС23-10623 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) // СПС «Консультант Плюс».

Своими поручениями Президент РФ в 2023 году также изъял часть полномочий у органов МВД по наложению штрафов на организации¹¹, подтвердил мораторий на проведение всех видов контрольных (надзорных) мероприятий и проверок в отношении субъектов предпринимательства, деятельность которых не относится к высокой или чрезвычайно высокой категории риска причинения вреда, который был введен в 2022 году и продлен до 2030 г.¹²

Приведенные примеры свидетельствуют о всевозрастающей роли поручений Президента РФ как определенных векторов развития законодательства в экономической, социальной и иных сферах государственного управления.

В настоящее время не только природа поручений Президента РФ является дискуссионной, но и вопрос об ответственности за неисполнение поручений достаточным образом в законодательстве не урегулирован.

Традиционно считается, что неисполнение или ненадлежащее исполнение президентских поручений влечет дисциплинарную ответственность соответствующих должностных лиц. Однако, в 2014 г. была предпринята попытка установить административную и даже уголовную ответственность за неисполнение поручений Президента¹³. А. А. Гришковец справедливо указывает на юридическую несостоятельность положений законопроекта, поскольку предлагалось наделить соответствующими властными полномочиями структурное подразделение Администрации Президента РФ, которое хотя и является государственным органом, полномочиями органа государственной власти не наделено [7, с. 168]. Ученые предполагают, что, помимо дисциплинарной ответственности, систематическое невыполнение органами государственной власти поручений Президента РФ может привести к последствиям, установленным ст. 83 Конституции РФ (отставка, освобождение от должности) [1, с. 128], т. е. конституционно-правовой ответственности. В юридической литературе существует мнение, что, поскольку адресатами президентских поручений могут быть лица, прямо не находящиеся в организационном ему подчинении, например руководитель Российского союза промышленников и предпринимателей, ответственность перед Президентом в этих случаях возможна только морально-политическая, а не юридическая [7, с. 168].

¹¹ Перечень поручений по итогам XXVI Петербургского международного экономического форума от 16.08.2023. URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/128/events/72060> (дата обращения: 31.01.2024).

¹² Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11, ст. 1715.

¹³ Проект Федерального закона № 487083-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ (в части установления ответственности за неисполнение указов Президента Российской Федерации)». URL: <http://asozd.duma.gov.ru> по состоянию на 02.04.2014 // СПС «Консультант Плюс».

Учитывая разнообразие сфер государственного управления, в которых возможны президентские поручения, широкий круг адресатов поручений, а также то, что поручения в большинстве случаев направлены на оперативное разрешение важных государственных задач, следует более четко законодательно урегулировать вопросы последствий неисполнения или ненадлежащего исполнения поручений Президента РФ.

Таким образом, поручения Президента РФ позволяют оперативно реагировать на меняющиеся реалии, эффективно решать имеющиеся и возможные проблемы. Они носят всеобъемлющий характер, пользуются авторитетом и поддержкой у государственных и общественных институтов. Кроме того, президентские поручения являются мощным стимулом совершенствования российского законодательства. Все это свидетельствует о необходимости внести соответствующие корректировки в правовое регулирование поручений Президента РФ: закрепить их статус, конкретизировать правовую природу, установить круг органов, организаций и должностных лиц, которым они могут быть адресованы, определить виды и меры ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение.

Ссылки

1. Обголец С. А. Поручения Президента РФ как способ реализации скрытых полномочий // Образование и право. 2023. № 4. С. 126–131.
2. Письмо Администрации Президента РФ от 10 января 2018 года № А26-01-ЗИ-118025191. Цит. по: Гришковец А. А. К вопросу о поручении Президента РФ (теория и практика) // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 163–164.
3. Зорькин В. Е. Ежегодные Послания Федеральному Собранию Российской Федерации – как акт Президента РФ // Юридическая мысль. 2011. № 2. С. 35–39.
4. Ваньков А. В. Правотворчество Президента США в сопоставлении с отдельными аспектами правотворчества Президента РФ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6. С. 17.
5. Артамонов А. Н. Поручение Президента как правовой акт // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 3. С. 149–154.
6. Осипов Р. А. Правовая природа поручения Президента РФ как особой разновидности правового акта // Современные проблемы государства и права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК). Новосибирск, 2020. С. 122–125.
7. Гришковец А. А. К вопросу о поручении Президента РФ (теория и практика) // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 154–172.

Essays on the female and male mentality in Russian institutions of matrimony and parenthood (until the middle of the XIX century)

N. N. Tarusina¹, A. I. Fedotov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-426-439

Research article
Full text in Russian

The article identifies, systematizes and analyzes patterns of legal and generally social inequality of a woman (regarding the status of a man – father and husband) in the period preceding the creation of obvious prerequisites for her emancipation, including before the October Revolution of 1917. At the same time, elements of female activity in family relations and civil relations are demonstrated, which, in our opinion, distinguishes the Russian situation for the better from Western variations of the same period. The authors form an idea of the contradictory interaction of female and male mentalities in family law and related institutions: the power of husband and father, being close to absolute, supported by law, church and custom, even in the era under study assumed restrictions and did not exclude some freedom of will of a woman. This, along with the political and economic factors of later times, formed the prerequisite for the dynamic evolution of female emancipation.

Keywords: woman; man; special status; power of husband and father; elements of female emancipation; historical and legal analysis

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N. | E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0001-8827-5532
Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored lawyer
of the Russian Federation

Fedotov, Artem I. | E-mail: artem.fedotov03@mail.ru

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Очерки о женской и мужской ментальности в российских институтах супружества и родительства (до середины XIX в.)

Н. Н. Тарусина¹, А. И. Федотов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-426-439
УДК 347.62; 347.63

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье выявляются, систематизируются и анализируются образцы правового и в целом социального неравенства женщины (относительно статуса мужчины – отца и мужа) в период, предшествовавший созданию явных предпосылок ее эмансипации, в том числе и до октябрьской революции 1917 года. При этом демонстрируются элементы женской активности в семейных отношениях и отношениях гражданского оборота, что, на наш взгляд, в лучшую сторону отличает российскую ситуацию от западных вариаций аналогичного периода. Авторами выстраивается представление о противоречивом взаимодействии женской и мужской ментальности в семейно-правовых и смежных с ними институтах: власть мужа и отца, будучи близкой к абсолютной, поддерживаемая правом, церковью и обычаем, даже и в исследуемую эпоху предполагала ограничения и не исключала некоторой свободы воли женщины. Это, наряду с политическими и экономическими факторами более позднего времени, составило предпосылку для динамичной эволюции женской эмансипации.

Ключевые слова: женщина; мужчина; специальный статус; власть мужа и отца; элементы женской эмансипации; историко-правовой анализ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда
Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой социального и семейного законодательства,
Заслуженный юрист РФ

Федотов, Артем Игоревич

E-mail: artem.fedotov03@mail.ru

Учебный помощник кафедры социального и семейного
законодательства

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Власть супруга и отца, влияние жены, матери и бабушки на строй российской семьи – социальные конструкции, которые меняли свое содержание и объемы, а также степень взаимопроникновения, взаимоотрицания, балансировки и противоборства в пространстве обычая, традиции, этики и права, проецирующихся на отношения с семейным элементом. В предлагаемом сочинении авторы в рамках означенной проблематики, не претендуя на ее глубокое, разностороннее прочтение как в связи с ограничениями, накладываемыми типом публикации, так и фундаментальностью задачи, выскажут несколько тезисных предположений по теме в ее историческом контексте и ограниченном временном диапазоне.

Известно, что матриархатная сущность в целом, за теми или иными вариациями, некоторое время в социуме присутствовала, уступив, по причинам вполне в этнографической науке исследованным, патриархатному вектору развития. Однако и во времени, и в географическом отношении масштабы и содержание уступок (или, если хотите, поражения) оказывались весьма разнообразными, по крайней мере в бытийных, этических и юридических деталях.

Так, еще до активного византийского влияния на строй российской (славянской) семьи, последний, по предположениям исследователей, длительное время базировался на «гармоничном сочетании матриархальной и патриархальной символики как архетипического принципа формирования коллективного духа и культуры», что в том числе подтверждается и летописными документами – упоминаниями о традиционно важном значении и женщины, и мужчины в языческой семье, своеобразном «равноправстве» [1, с. 20], которое в полном объеме не исчерпало себя и в последующем, определяло, пусть и не доминирующими «мазками», картину не только древнерусского, но и более поздних этапов эволюции и бытийности семейного мира. И в летописных, и в церковных текстах подчеркивалась священная роль Матери и Отца: «Родителя присно с богом чти равно»; «Матери боле любят сыны, яко же могут помогати им, а отцы дщерь, зане потребуют помощи от отец...»; «Какы чести принесеш ты своим родителям, таких и ты чаи от своих детиин на старость» [1, с. 20–21]. В историографии также отмечались факты гармоничной дифференциации политической, публичной и частной жизни: «были сферы общественной жизни, в которых приоритет принадлежал мужчинам: охота, войны, политика; но существовали и области чисто женского “господства”: организация экономической жизни дома, семьи, воспитание детей, внутрисемейные отношения» [2, с. 15–16]. Сей домашний «матриархат» составлял своеобразный, хотя и не без зыбкости, баланс общественной жизни. В то же время даже и после принятия христианства¹, введения византий-

¹ В языческую эпоху господствовало многоженство, хотя и с некоторыми ограничениями [3, с. 152].

ских семейно-правовых канонов о «единоженстве» и прочем наблюдались и полигамные браки², а также, несмотря на церковные и собственно правовые ограничения³, многократное супружество со стороны мужчин (самым известным примером тому – семикратное «любобрачие» Ивана Грозного). Как таинство церковь рассматривала лишь первый брак, который заключался по всем правилам, установленным для венчания⁴. Второй же и третий брачные союзы являлись снисхождением к человеку⁵ и благословлялись лишь молитвой по правилам с наложением епитимьи на различный срок. Четвертый брак и последующие были вне Закона⁶. Повторные супружеские союзы наблюдались в разных сословиях – от правителей Государства Российского до крепостных крестьян. Цари и императоры все-российские вступали во второй брак и даже седьмой (Иван III – 2 жены, Василий III – 2 жены, Иван IV – 7 жен, Алексей Михайлович – 2 жены, Федор Алексеевич – 2 жены, Петр I – 2 жены, Павел I – 2 жены, Александр II – 2 жены), причинами таковых являлись либо необходимость в рождении наследника престола (в подавляющем большинстве), либо выгодный династический альянс (Иван III и Софья Палеолог), либо непосредственно воля самодержца (например, любовь Александра II и княжны Долгоруковой). В крестьянской среде повторные супружеские союзы также не являлись редкостью, встречались даже и те, кто вступил в третий раз в брачные узы. При анализе материалов метрических книг⁷ видно, кто совершал такие шаги: вдовы молодые люди, как правило не имеющие детей либо являющиеся одиночками родителями с малолетними детьми. Отсюда становятся понятными причины их повторной женитьбы или выхода замуж: рождение и воспитание детей, помощь в ведении хозяйства и быта [7, с. 21, 25]. К тому же не стоит забывать и заинтересованность помещи-

² Об этом свидетельствует, например, один из назидательных текстов Устава князя Ярослава: «Если две жены кто водит, то епископу 40 гривен...» [3, с. 190].

³ Из Правил Василия Великого: «На троебрачие нет закона...». Из Стоглава (1551 г.): «Первый брак – закон, второй – прощение, третий – законопреступление, четвертый – нечестие, понеже свинское есть житие» (гл.23) [4, с. 289]. Некоторым современникам и современникам нелишне было бы ознакомиться с историей вопроса... Впрочем, они, скорее всего, вслед за новейшей формулой «это – другое» нашли бы своим рекордам на брачном поле оправдание.

⁴ Это следует, в частности, из Стоглава (1551 г.): второму браку венчания несть, но токмо молитва по правилам, и третьему молитва (гл. 23); для последнего использовался весьма специфичный термин – «третье совокупление» (гл. 19) [5].

⁵ Правило 50 Василия Великого: «...На таковые дела зриаем, как на нечистоты в церкви: но всенародному осуждению оных не подвергаем, как лучшия, нежели распутное любодеяние» [6].

⁶ Кормчая книга. Гл. 48. Грань 4. Л. 25; Свод Законов Российской Империи. Т. X, ст. 21.

⁷ ГКУ ЯО ГАЯО. Фонд № 230. Оп. 8. Д. 165. Метрические книги церкви с. Пономарево Ярославского уезда за 1812–1842 годы; ГКУ ЯО ГАЯО. Фонд № 1118. Оп. 3. Д. 260. Метрические книги церкви с. Туношна Ярославского уезда за 1842–1859 годы.

ков⁸ в рождении как можно большего количества детей у своих крепостных, поскольку тем самым увеличивалась их собственность.

Средние века характеризовались также «теремным сидением девиц и жен», конечно, той части женщин, которые составляли зажиточный клан, прежде всего из числа «московиток». Данное явление стало следствием реакции высших слоев общества на осколки уже упоминавшегося нами «равноправства», бытовавшего в языческие времена [9, с. 128]. Так, в доктрине отмечается, что причинами возникновения и распространения подобного затворничества в «женском тереме» явились внедрение вместе с православием «византийской феминифобии» (с представлением о женщине как «сосуде греха», который следует держать взаперти во избежание соблазна), а также превращение жен и девиц в «блустительниц непорочности», при это первых – для продолжения рода (с гарантией верности, а значит, и генетической чистоты потомства), вторых – как вида дорогого «товара» для заключения родителями династических и/или экономических союзов [10, с. 45]. Степень строгости затворничества была в прямой пропорции со статусом семьи: чем выше положение, тем строже [11, с. 14]. Соответственно особо «строгим режимом» отличался терем для царевен [12, с. 224–225]. Царские дочери до эпохи Петра I не могли вступать в браки, поскольку не было после падения Константинополя в «заморских» правящих домах православных женихов, а, следовательно, при выходе замуж за иностранца русской царевне необходимо было бы сменить веру, что было неприемлемо для московского царского двора той поры; выходить же замуж за боярских отпрысков не позволял статус. Так и оставались навсегда «в девках» цесаревны и не покидали «терем» вовсе на протяжении всей жизни.

Встречались примеры, пусть и редкостные, активного выхода женщины за рамки домашнего быта. Так, ярчайшим образцом подобного рода являла собою новгородка Марфа Борецкая (Марфа-посадница), вдова посадника И. А. Борецкого (по второму браку), не только управлявшая Новгородской землей, но и успешно занимавшаяся предпринимательской деятельностью, приумножившая свои землевладения (за счет северных территорий) и прочие доходы ремесленным производством и торговлей [13, с. 50–64]. Впрочем, как показывает анализ подобной женской активности, и в отдаленные, и в более поздние времена, она была скорее присуща вдовам, нежели супругам или незамужним девицам (следовательно, чьим-то дочерям)...[14, с. 54–82] При этом, например, в старообрядческой среде элементы «матриархатности» не только в доме, но и общественной сфере сохранялись, пожалуй, в большей мере, нежели в иных социальных кругах. Ролевые позиции женщины в старообрядчестве были довольно сильны и статусно близки к мужским: наблюдались более высо-

⁸ Яркий пример с женитьбой «строем» своих крепостных А.В. Суворовым [8].

кий уровень грамотности, нежели у иных групп населения империи, духовная инициативность и своеобразное творческое начало в толковании вероучения и отстаивания его, значимое участие в организации и жизнедеятельности общин, их защиты от преследования властей [15, с. 60–69].

Однако в целом в России (ее православной части) была рецепирована патриархально ориентированная модель, в том числе в семейной жизни, «власть мужа над женой трактовалась церковниками как закон» [16, с. 87]. Церковные тексты содержали и содержат немало тому подтверждений: «жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви»⁹, «от мужа взята еси и тот тобою да обладает»¹⁰, «ей [жене] бояться мужа, как главы»¹¹ и др. Это отражалось и на законодательстве. Так, например, в Уставе князя Ярослава (XII в.) женщине без супруга запрещалось ходить в гости, в своде законов XIV в. («Пчеле») указывалось: «Жена правдива, и смиренна, и безмолвна – жизнь дому и спасение мужу своему» [1, с. 22]. В актах более поздней эпохи также содержится патриархальный подход: «жена да пребывает в любви, почтении и послушании к своему мужу»¹², «жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства»¹³ и т. д.

В то же время в доктрине отмечаются своеобразные «двойные стандарты» относительно статуса русской (в расширенном смысле) женщины: с одной стороны, Церковь с самого начала взяла ее под свою защиту, возвысив значение материнства, с другой – «укореняла в ней веру в святость и нерушимость церковно-брачного подчинения мужу» [19, с. 55–101]. В одном из самых известных «назидательных сборников», «Домострое» (XVI в., с последующими редакциями), означенное противоречие также усматривалось: «...Хозяйка ни в коем случае и никогда, разве что занедужит или по просьбе мужа, без дела бы не сидела...» (гл. 33); «... а в гости ходить и к себе приглашать и пересылаться, только с кем разрешит муж» (гл. 39); «А у жены решительно никогда никоим образом хмельного питья бы не было...» (гл. 40); «Если подарит кому-то Бог жену хорошую – дороже это камня многоценного. ... Жена добрая, трудолюбивая, молчаливая – венец своему мужу» (гл. 25); «... Господину же о всяких делах домашних советоваться с женой...» (гл. 18) [20, с. 131–153]. Во вступительной статье к одному из изданий «Домостроя» отмечается: права и обязанности хозяина и хозяйки дома как бы взаимно дополняются; без жены мужчина не является полноправным членом общества и должен оставаться при отцовском доме; от мужчины требовались (или, по крайней мере, ожидалось)

⁹ Апостола Павла послание к ефесянам [17, с. 763].

¹⁰ Пролог XIV в. // ЦГАДА. Ф. 381. № 173. Л. 118 об.

¹¹ Иоанн Златоуст. Беседа 20 на Еф. 5:22–24 [18, с. 448].

¹² п. 9 ст. 41 Устав благочиния или Полицейский 1782 г. // ПСЗ. Т. XXI. № 15379.

¹³ ст. 107 Т. X. Ч. 1 свода законов Российской Империи // Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1912.

строгость, справедливость, честность, от женщины – чистота и послушание [20, с. 13–15]. При Екатерине Великой Уставом благочиния предписывалось: «Жена да пребывает в любви, почтении и послушании к своему мужу» [21, с. 445–446] и т. д.

Эволюция правовых предпосылок статусов мужчин и женщин, в том числе в сфере семейных отношений, также не отличалась абсолютной последовательностью: наблюдались колебания в сторону как некоторых «вольностей» для «лучшей половины человечества», так и отказа от таковых. В доктрине отмечается, что в X – начале XVI в. происходило медленное (и не системное) расширение дееспособности женщин всех социальных групп – прежде всего относительно режимов личного и семейного имущества; с середины XVI в. до середины XVII в., напротив, воследовали ограничения. Например, были введены запреты дворянкам владеть поместьями, вотчинницам – наследовать родовую собственность [22, с. 54–55]. При Петре Великом (с 1714 г.) женам дворян было возвращено право на поместья, распоряжение им и приданым. Однако позднее Петром же (в определенной своей части) данные вольности были «заморожены»¹⁴. В 1731 г. их частично восстановила Анна Иоанновна: «что они [жены], будучи замужем, куплею себе или после родственников по наследству присовокупили, быть при них». В 1753 г. был принят закон, прямо провозгласивший некоторую женскую имущественную «вольность»: «жены могут продавать собственное их имение без согласия их мужей», а также вступать со своими супругами в сделки по передаче имущества как субъекты гражданского оборота (особо подтверждено законоположением 1825 г.)¹⁵. В 1754 г. (с уточнениями 1766 г.) впервые было закреплено понятие субъектов права на недвижимость, среди которых числились жены и дети (как бы теперь заметили, в относительно гендерно нейтральном прочтении) дворян, а с 1801 г. – женщины купеческого, мещанского сословия и зажиточного крестьянства. В сенатском указе 1775 г., посвященном сборам с купцов и разделению их на гильдии, сообщалось: «Лица женского пола причисляются к гильдиям на одинаковом основании с мужским; незамужние – по праву состояния, принадлежащего им по рождению, а замужние и вдовы – по праву, приобретенному ими супружеством»¹⁶. Таким образом, как отмечается в историографии, произошло некоторое «выравнивание» статусов: «московская старина» с ее затворничеством, «теремным сидением» девиц высших сословий, лишением женщин дееспособности (вопреки противодействию «ретроградов») отступила [24, с. 346–351], хотя, разумеется, и не со всех позиций института мужской власти над же-

¹⁴ Подробно об этом см., например: Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна [23, с. 80–89].

¹⁵ ПСЗ. Т. XIII (1749–1753). № 10111; Т. XL (1825). № 30472.

¹⁶ ПСЗ. Т. XX (1775). № 14327.

ной (и детьми)¹⁷. В истории цивилистики подчеркивалось: «Весь XVIII век, несмотря на отдельные примеры противоположного свойства, представляет собою последовательный ход развития личности женщины»; споры и колебания в имущественном вопросе в начале следующего века разрешились полным признанием ее имущественной самостоятельности [25, с. 614; 26, с. 21–37]. Данные решения, среди прочего, явились также одной из значимых предпосылок особого эволюционного пути российского женского предпринимательства, женской благотворительности и «женской истории» XVIII – начала XX в. в целом.

Рассуждая об историко-правовых предпосылках относительной самостоятельности русских женщин, в истории права также отмечалось, что «по счастливой исторической случайности наше русское право, вообще отставшее от права западноевропейского», стоит в вопросе об имущественном режиме в супружестве «в передовой шеренге», закрепляя раздельность собственности супругов, позволяя распоряжаться своим имуществом и др. в том числе женам без согласования с мужем; когда данный принцип в нашем законе появился – вопрос «темный и спорный»¹⁸, однако с ним мы «впереди Европы» и «одной трудностью у нас меньше» [27, с. 188]. Но была ли это «счастливая случайность»?.. Исторические образцы некоторого сохранения матриархатной ментальности, сочувствие женскому роду со стороны русских императриц, церковное восхваление материнства, а возможно, и иные факторы, в том числе и неизвестные доктрине, – гипотетические (с некоторой долей уверенности даже очевидные) причины означенной тенденции российского законодательства.

При этом личные отношения супружества отнюдь не отличались «гендерной нейтральностью» (некоторые образцы мы уже демонстрировали ранее). Место жительства супругов определялось местом жительства мужа. Он же выдавал разрешение на получение женой паспорта. Даже и в конце XIX в. удовлетворялись иски о водворении жены к мужу [25, с. 615–617]. (Впрочем, в означенный период исполнение соответствующего судебного решения иной раз осуществлялось весьма формально и с налетом анекдотичности: в доктрине описывались случаи привода (возвращения, водворения) судебным приставом жены в мужний дом, документальной фиксации оногo действия, после чего женщина вновь оставляла супруга, а при обращении с жалобой к приставу муж получал ответ, что исполнение решения исчерпано и вторичному исполнению не подлежит [28, с. 221–222]) Кроме того, действовало общее правило о следо-

¹⁷ Как известно, и в политическом, и в образовательном, и в цивилистическом контексте гендерная дискриминация просуществовала в правовом силовом поле до октябрьской революции. О правовом статусе жены и дочери см., например: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права [25, с. 607–644].

¹⁸ Не без участия, однако, русских императриц, сочувствовавших женской доле (а перед тем – Петра Великого).

вании жены за мужем. Например, в случае ссылки мужа за преступление жена сопровождала его и должна была разделить его судьбу¹⁹ (при зеркальной же ситуации муж имел право выбора своего места жительства – единение со ссыльной женой не являлось его обязанностью)²⁰. Впоследствии Петр I своим указом²¹ ликвидировал данное неравенство, предоставив женщине возможность самостоятельно принять решение, следовать ли ей за мужем, которому избрано наказание в виде ссылки.

В допетровское и петровское время муж «сообщал» жене свой социально-юридический статус (состояние), а служивый человек еще и свой чин по Табели о рангах²². Данные положения имели свою специфику применительно к различным группам населения. Так, в результате брака дворянки и лица неблагородного звания женщина формально теряла свою «родовитость». Данное правило отменила Екатерина Великая в Жалованной грамоте дворянству, впрочем уточнив, что дворянство в подобной ситуации мужу и детям не передается²³. Союз свободного с крепостной приводил к закреплению мужа²⁴, поскольку «право крепостное считалось более твердым правом, чем право свободы» [29, с. 238]. Екатерина II упразднила и данную норму²⁵. Супружество воспитанниц Воспитательного дома и мещанского училища с крепостными не приводило к крепостному состоянию жены, но, наоборот, даже могло сообщить свободное состояние мужу при соблюдении ряда условий²⁶. В 1815 г. был издан закон, согласно которому при вступлении в брак девушки из свободных за крепостного изменений сословия жены не происходило²⁷. При этом неравные браки не одобрялись обществом, что, кроме прочего, подтверждается и народной пословицей: «гусь свинье не товарищ». При этом на первом плане было не богатство семейства жениха или невесты, а именно их происхождение. Мезальянсом считался и супружеский союз дворянина с купеческой дочкой (или купчихой)²⁸.

На протяжении всей эпохи дореволюционной России постулатом брачного союза являлась единая фамилия [11, с. 36]. Не возникает сомнений, что фамилия эта была мужа. Жена переходила в род мужа. При этом некоторое время существовало изъятие из общего правила, характерное для благородного сословия: в случае вступления в брак или со-

¹⁹ ПСЗ. Т. II. № 772

²⁰ ПСЗ. Т. II. № 1266.

²¹ ПСЗ. Т. VI. № 3628.

²² ПСЗ. Т. VI. № 3890. п. 7

²³ ПСЗ. Т. XXII. № 16187, ст. 7.

²⁴ Соборное Уложение 1649 г. Гл. X, ст. 19. // ПСЗ. Т. I. № 1

²⁵ ПСЗ. Т. XX. № 15070.

²⁶ ПСЗ. Т. XVI. № 11908. Гл. VI, ст. 5; Т. XVII. № 12323, п. 9.

²⁷ ПСЗ. Т. XXXIII. № 25947, п. 7.

²⁸ Президент РАН княгиня Е. Р. Дашкова тяжело переживала брак своего сына с купеческой дочерью [10].

стояния в оном с единственной представительницей рода и наследницей недвижимого имущества мужчина обязан был принять ее «прозвище», в противном случае наследство переходило государю²⁹.

Бракоразводный процесс первоначально содержал очевидные преимущества для мужей, в том числе гендерно дифференцировались основания к разлучению супругов и правовые последствия оною. Например, в эпоху Устава князя Ярослава (и позднее) муж считался изменником (совершившим прелюбодеяние), если имел на стороне наложницу и детей от нее или длительную связь с женой другого, а жена считалась таковой при обнаружении связи с другим мужчиной [10, с. 24] (или при подозрении в измене, ибо, как известно, факт верности доказать несоизмеримо труднее, подозрение же находится в сфере вероятности и, как правило, для судей-мужчин могло оказаться основанием для судейского усмотрения). В последующем из общей обязанности верности супругов в законодательстве и, что не менее значимо, в правоприменительной практике воследовало признание равного значения нарушения данного требования для мужа и жены [25, с. 618].

Власть родителей над детьми была известна со времен язычества [29, с. 458]. Она также, по общему правилу, принадлежала мужу-отцу, кроме случаев внебрачного родительства. В то же время на первом этапе своего становления как социально-правового института предполагалось беспрекословное подчинение не только батюшке, но нередко и матушке, что свидетельствует, несмотря на «гендерный разрыв», об особой роли на Руси матерей и бабушек [30, с. 55–61]. При этом правоотношения между родителями и детьми характеризовала, наряду с технологией подчинения властному началу первых, конструкция родительского права-обязанности [29, с. 461–462]. При этом, как отмечается в дореволюционной цивилистике, из права личной власти мужа над женою логически вытекало и право личной власти отца над детьми [31, с. 485], хотя и ограничившееся со времен Петра Великого (изъятия сводились к контролю за передачей детей в наем сроком не более 5 лет, отдачей в монастырь, к выявлению согласия ребенка на вступление в брак, хотя и нередко по указанию отца; и др.) [25, с. 623–625]. По мере взросления ребенка объем власти отца уменьшался настолько, насколько сын или дочь приобретали «самостоятельное гражданское положение в обществе» [7, с. 177] (при поступлении детей в общественное училище, определении детей на службу); при выходе дочери замуж происходил ее переход под власть мужа – иначе возникало бы столкновение двух типов законного подчинения женщины³⁰. Однако «фактически родительская власть ограничивалась и во мно-

²⁹ ПСЗ. Т. V. № 2789.

³⁰ ст. 107, 179 Т. X. Ч. 1 Свода законов Российской Империи // Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1912.

гих других случаях <...> например, когда сын начинал своим трудом содержать себя...» [32, с. 382]. Прекращение власти родителей над детьми Закон связывал с «единственно смертию естественною или лишением всех прав состояния»³¹.

Материнская власть имела в качестве оснований не только внебрачное рождение (узаконение статуса осуществлялось лишь в порядке исключения), но и смерть мужа. При рождении вне брака ребенок не обладал юридической связью с биологическим отцом, не имел права в том числе на его фамилию, отчество и сословие [33, с. 581–582], а потому родительская власть принадлежала только матери³². В доктрине отмечалось и другое основание для материнской «узурпации»: «При жизни отца право матери <...> сдавлено и входит в настоящий объем лишь тогда, когда прекращается давление, производимое правом власти мужа, – отца детей» [32, с. 380]. Следовательно, после смерти главы семьи и хозяина дома власть над детьми мать ни с кем не делила, осуществляла ее самостоятельно. Содержание власти матушки не отличалось от батюшкиной. Кроме решения частно-правового аспекта (возложение заботы о ребенке на одного из родителей – «одинокую мать»)³³, решались и публично-правовые задачи: предотвращение детоубийства, прикрывающего «женский позор»; определение субъекта подушной подати [36, с. 281]; пополнение армии рекрутами³⁴, а с 1874 г. – солдатами срочной службы³⁵ (в случае рождения дитяти «мужескаго» пола). Среди незаконнорожденных было немало выдающихся людей (В. А. Жуковский, А. П. Бородин, В. Г. Перов, О. А. Кипренский и др.). Это являлось своеобразной наградой женщине, решившейся на такой далеко не легкий шаг, как рождение ребенка вне брака, поскольку общество, как правило, негативно относилось к данному явлению [33, с. 582]. (При этом следует заметить, что возложение ответственности за последствия внебрачного сожительства (или вовсе случайной связи) исключительно на женщину характерно не только для времен иных, но даже и для советского семейного законодательства, несмотря на провозглашение и последующее отстаивание принципа равноправия женщин и мужчин: яркими образцами решений подобного рода является небезызвестный Указ ПВС СССР от 8 июля 1944 года, норма ст. 48 КоБС РСФСР (первый в полной мере освободил мужчину от должно-

³¹ ст. 107, 178 Т. X. Ч. 1 Свода законов Российской Империи // Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1912.

³² ст. 132.1 Т. X. Ч. 1 Свода законов Российской Империи // Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб., 1912.

³³ Подробнее см. в других трудах Н. Н. Тарусиной [34; 35, с. 69].

³⁴ ПСЗ. Т. IV. № 2050.

³⁵ ПСЗ. Т. XLIX. № 52982.

вания за судьбу внебрачного дитяти, вторая же ограничила возможности суда по установлению отцовства)³⁶

Таким образом, изложенная информация и аналитические соображения по теме позволяют, на наш взгляд, увидеть дополнительные штрихи к картине взаимодействия женской и мужской ментальности в правовой и общественной жизни российского общества и государства в заявленный период, которые, наряду с традиционными представлениями о неравном социально-правовом статусе женщины и мужчины, демонстрируют и образцы некоторой свободы первой от власти отца и мужа, элементы пассивности российской женщины, составившие впоследствии (в системе с другими) предпосылки для динамичной эволюции ее эмансипации.

Ссылки

1. Некита А. Г. Идеологические трансферы в истории русской ментальности: сублимация Софийного матриархата в имперском патриархате // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27, вып. 1. С. 20–25.
2. Пушкарева Н. Л. Какими были древнерусские женщины? // Наука и жизнь. 1991. № 8. С. 14–21.
3. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. 430 с.
4. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1985. Т. 2. 519 с.
5. Стоглав: Собор бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059) / науч. подгот. текста М. Б. Данилукшкина. Санкт-Петербург: Воскресение, 2011. 273 с.
6. Василий Великий: нравственные правила / ред. П. К. Доброцветов. М.: Сибирская благовонница, 2016. 208 с.
7. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в 3 т. Т. 2 / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 656 с.
8. Петрушевский А. Ф. Генералиссимус Князь Суворов. М.: Культурно-Промышленный Русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2016. 716 с.
9. Смирнов А. Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа // Юридический Вестник. 1877. № 2. С. 124–142.
10. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X– начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.

³⁶ Подробнее об этом см. другие труды Н. Н. Тарусиной [35, с. 68–84; 37, с. 131–14; 38].

11. Цатурова М. К. Русское семейное право XVI—XVIII вв. М.: Юрид. лит., 1991. 112 с.
12. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI—XVII столетиях. М., 1869. 704 с.
13. Пушкарева Н. Л. О роли женской личности в экономической истории России раннего нового времени (Марфа Борецкая) // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2020. № 4. С. 50–64. DOI 10.26456/vthistory/2020.4.050
14. Ульянова Г. Н. Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческое свидетельство») // Экономическая история: ежегодник. 2016. Т. 2014–15. С. 54–82.
15. Керов В. В. Мария Морозова и другие: гендерный аспект старообрядческого предпринимательства // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 60–68.
16. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
17. Апостол с толкованием текста. Почаев: Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2013. 1343 с.
18. Святитель Иоанн Златоуст. Иоанн Святитель: Святитель Иоанн Златоуст. Избранные творения: в 2 т. Т. 1. / ред. свящ. Александр Гумеров. М.: Сретенский ставропигиальный мужской монастырь, 2017. 1376 с.
19. Щапов А. П. Влияние общественного мирозерцания на социальное положение женщины в России // Щапов А. П. Соч. СПб., 1906. Т. 2. С. 55–101.
20. Домострой / сост., вступ. ст., пер. с древнерус. и коммент. В. В. Колесова. М.: Сов. Россия, 1990. 303 с.
21. Законодательство Екатерины II / под ред. О. И. Чистяковой, Т. Е. Новицкой. М., 2007. 984 с.
22. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 272 с.
23. Тарусина Н. Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 616 с. EDN REYDMT.
24. Пушкарева Н. Л. Правовая основа женской имущественной самостоятельности и предприимчивости в Российской империи конца XVIII–начала XIX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни России: история и современность: материалы международной научной конференции / под общ. ред. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веремченко. М., 2016. С. 346–351.
25. Шершеневич Г. Ф. Учебникъ русскаго гражданскаго права. Казань: Издание книжного магазина Бр. Башмакоыхъ, 1905. 777 с.
26. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 224 с.
27. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. 354 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).

28. Боровиковский А. Отчет судьи. СПб., 1892. Т. 2. 348 с.

29. Неволин К. А. История российских гражданских законов. асть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. 590 с. (Классика российской цивилистики.)

30. Тарусина Н. Н. Об элементах «родительской власти» в российском законодательстве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 33. С. 55–61. EDN QCZBGQ

31. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 736 с.

32. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 2. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М.: Статут, 1997. 455 с. (серия «Классика российской цивилистики».)

33. Тарусина Н. Н., Федотов А. И. Запись актов состояния в Российской империи: многолетняя работа над ошибками (по материалам метрических книг церквей сел Ярославского уезда) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 17, № 4. С. 572–585. DOI 10.18255/1996-5648-2023-4-572-585.

34. Тарусина Н. Н. Ребенок в пространстве семейного права. М.: Проспект, 2014. 144 с.

35. Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 7. С. 68–84. DOI 10.12737/jrl.2022.073

36. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2016. 400 с.

37. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 1. С. 131–146. DOI 10.17803/1729-5920.2022.182.1.131-146

38. Тарусина Н. Н. Доктрина и семейный закон: переосмысление правового регулирования семейных отношений или «усекновение» традиции? // Закон. 2024. № 6. С. 78–85. DOI 10.37239/0869-4400-2024-21-6-78-85

The current state of domestic legislation in the field of turnover of digital currencies and digital assets and law enforcement issues in the criminal sphere

O. G. Solovyev¹, A. A. Knyazkov²

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

²Kutafin Moscow State University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-440-447

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the provisions of Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» regarding the legal regulation of the circulation of digital currencies, including issues of law enforcement in criminal proceedings. Based on the study of such concepts as «digital currency», «digital ruble», «issue of digital currency», «turnover of digital currency», «cryptocurrency», their disadvantages are noted. In general, the adoption of Law No. 259-FZ did not lead to the creation of a full-fledged system of legal regulation of the circulation of digital currencies, its provisions are fragmentary and largely controversial, and judicial practice is not uniform in cases related to the circulation of digital currencies (cryptocurrencies).

The article highlights controversial issues arising in law enforcement practice related to the criminal law regulation of the digital economy. It is noted that to date, there has not yet been a clear definition of either digital currency or cryptocurrency as the subject (means) of a criminal act. It is obvious that the recognition of digital currency as property under criminal law will expand the list of crimes in which virtual currency can be the subject of a crime.

Keywords: digital currencies; cryptocurrencies; digital financial assets; operations with digital currencies; organization of digital currency issuance; organization of digital currency circulation; means of payment; financial instrument; mining; legalization

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Solovyev, Oleg G. | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Knyazkov, Alexander A. | E-mail: alknyazkov@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-015).

Современное состояние отечественного законодательства в сфере оборота цифровых валют и цифровых активов и вопросы правоприменения в уголовно-правовой сфере

О. Г. Соловьев¹, А. А. Князьков²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

²Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-440-447
УДК 343.3/7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются положения Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части правового регулирования обращения цифровых валют, включая вопросы правоприменения в уголовном судопроизводстве. На основе исследования таких понятий, как «цифровая валюта», «цифровой рубль», «выпуск цифровой валюты», «оборот цифровой валюты», «криптовалюта» отмечаются их недостатки. В целом принятие Закона № 259-ФЗ не привело к созданию полноценной системы правового регулирования обращения цифровых валют, его положения носят фрагментарный и во многом дискуссионный характер, а судебная практика не носит единообразного характера по делам, связанным с обращением цифровых валют (криптовалют).

В работе выделяются спорные вопросы, возникающие в правоприменительной практике, имеющие отношение к уголовно-правовому регулированию цифровой экономики. Отмечается, что на сегодняшний день до сих пор не сложилось четкого определения ни цифровой валюты, ни криптовалюты как предмета (средства) преступного деяния. Очевидно, что признание цифровой валюты в рамках уголовного законодательства имуществом позволит расширить перечень преступлений, в которых виртуальная валюта может выступать предметом преступления.

Ключевые слова: цифровые валюты; криптовалюты; цифровые финансовые активы; операции с цифровыми валютами; организация выпуска цифровой валюты; организация обращения цифровой валюты; средство платежа; финансовый инструмент; майнинг; легализация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьев, Олег Геннадиевич | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Князьков, Александр Александрович | E-mail: alknyazkov@mail.ru
Кандидат юридических наук

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-015).

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

С 1 января 2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ о цифровых финансовых активах (далее – Закон № 259)¹. Последняя версия законопроекта, принятая в третьем чтении, не только не устранила ряд имевшихся недостатков, но и внесла еще больше неясности. Помимо того, что закон все еще не признает цифровую валюту денежным средством в Российской Федерации, его положения фактически не дают ответа на вопрос о правомерности тех или иных действий, связанных с криптовалютой.

В статье 1 Закона № 259 приведены понятия цифрового финансового актива и цифровой валюты, между которыми законодатель четко проводит границу.

Так, согласно ч. 2 ст. 1 цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Цифровой же валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам (ч. 3 ст. 1 Закона № 259).

Первое отличие данных категорий заключается в том, что цифровой актив – это право, а цифровая валюта – денежный суррогат. Второе отличие заключается в том, что актив обязывает к наличию эмитента. Другими словами, создавать цифровые финансовые активы могут только операторы, находящиеся в реестре Центрального Банка России. Цифровая валюта, напротив, не является денежной единицей ни одного из государств, поскольку не имеет эмитента.

¹ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 16.04.2024).

Такое, с одной стороны, необоснованно отрицательное отношение к цифровой валюте со стороны государства объясняется не только намерением контролировать их оборот, но даже заменить частную цифровую валюту на государственную – цифровой рубль², эмитентом которой является Центральный Банк России. С другой стороны, данный подход позволит не разрушить денежный оборот посредством криптовалюты, что доказывается на опыте Китая, который уже пошел по пути введения государственной виртуальной валюты³.

Возвращаясь к закону о цифровых активах, отметим, что понятия криптовалюты, майнинга и блокчейна, которые были убраны во втором чтении законопроекта, в действительности присутствуют в тексте закона.

Так, в ч. 7 ст. 1 Закона № 259 содержится определение распределенного реестра: «совокупность баз данных, тождественность содержащейся информации в которых обеспечивается на основе установленных алгоритмов (алгоритма)». К. Е. Сигалов, П. Б. Салин и А. С. Чувальникова идентифицируют систему блокчейна именно как распределенную базу данных [1, с. 565]. Согласно их исследованиям базы, на которых хранятся данные, не подключены к одному серверу и не имеют единого оператора, который организовывал бы деятельность между ними.

Понятие криптовалюты, исходя из ее экономического смысла, соответствует определению цифровой валюты, изложенной в ч. 3 ст. 1 Закона № 259. При этом авторы подчеркивают, что важно не приравнивать технологию, на которой строится криптовалюта (блокчейн) и саму криптовалюту [1, с. 566].

Последняя является одной из многих форм блокчейна. Таким образом, криптовалюта не относится к цифровому финансовому активу, что фактически позволяет физическим и юридическим лицам приобретать виртуальную валюту без каких-либо специальных условий, поскольку в законе они не содержатся. Для приобретения криптовалюты сейчас необходимо зайти на сайт криптобиржи и авторизоваться через специальную систему, предоставив личные данные, т. е. пройти верификацию [2, с. 510].

Понятие майнинга, которое первоначально в законопроекте было представлено как деятельность по созданию виртуальной валюты, а также как валидация, направленная на получение цифровой валюты⁴, содержится в ст. 14 Закона № 259 как «оборот цифровой валюты». Другими словами, под майнингом также, как и в законопроекте, понимается деятельность по выпуску цифровой валюты.

² Набиуллина назвала преимущество цифрового рубля [Электронный источник]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10886683> (дата обращения: 20.03.2024).

³ Китай на пороге введения суверенной кибервалюты [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200505/1570961301.html> (дата обращения: 20.04.2024).

⁴ Законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 20.03.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>. Первое чтение (дата обращения: 26.03.2024).

При этом отличительной чертой является то, что понятие токена так и не было введено законодателем. Ранее токен, как и криптовалюта, были отнесены к видам цифрового финансового актива. Впоследствии же криптовалюта признана цифровой валютой, но возможно ли это сказать про токен? М. А. Коваленко определяет токен скорее как цифровой актив, поскольку по своей природе он больше напоминает ценную бумагу [3, с. 40]. Токен обладает обязательственной природой требования владельцем от эмитента конкретных действий.

Таким образом, Закон № 259 устанавливает единственный запрет, касающийся цифровой валюты – не принимать ее в качестве средства платежа. Выпуск и оборот не регулируются законом о цифровых активах, а сохраняются только в новых законопроектах.

Российский законодатель предусмотрел условия работы с криптовалютой для иностранных организаций, которые обязаны подчиняться российскому законодательству. В январе 2021 г. опубликовано поручение Президента⁵, главной целью которого является подготовка кампании по усовершенствованию требований, предъявляемых к технологическим зарубежным организациям, действующим на российских криптобиржах. Подобные действия будут содействовать очищению рынка криптовалюты от иностранных компаний.

Однако регулирование цифровой экономики не ограничивается вышеупомянутыми законами. В феврале 2021 года в Госдуму представлен пакет, в который входят четыре законопроекта, предусматривающие изменения в НК РФ, КоАП, УК, УПК, и Федеральный Закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁶.

Законопроект о внесении изменений в административный кодекс⁷ предусматривал административную ответственность физических и юридических лиц за незаконный выпуск и оборот цифровой валюты, под которыми понимается заключение сделок, в которых участвует виртуальная валюта, а также оплата работ и услуг посредством криптовалюты. Максимальный штраф за данные действия составляет два миллиона рублей и миллион соответственно.

⁵ Поручение Президента Российской Федерации от 28 января 2021 г. «Перечень поручений по итогам заседания совета по развитию гражданского общества и правам человека» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1443353/> (дата обращения: 12.03.2024).

⁶ Федеральный Закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2020 № 115-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45769/ (дата обращения: 15.04.2024).

⁷ Законопроект «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 02.10.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=108949> (дата обращения: 25.03.2024).

Согласно законопроекту № 1065710-7⁸ цифровая валюта признается в статусе имущества с целью ее налогообложения. В срок до мая 2022 г. организации и физические лица, получающие доход от цифровой валюты, должны сдать соответствующие декларации. В заключении к законопроекту Государственная Дума указала на некоторые недостатки.

Во-первых, обозначение цифровой валюты имуществом является прямым противоречием Закону о цифровых финансовых активах, в котором она является видом платежного средства, ограниченным на территории Российской Федерации. Во-вторых, введение налогообложения на цифровую валюту игнорирует тот факт, что виртуальная валюта, согласно Закону № 259, является субъектом гражданско-правовых отношений лишь в некоторых случаях. Налогообложение в этом смысле ведет к легализации оборотоспособности цифровой валюты.

Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» предусматривает систему наказаний, включающую штрафные санкции и принудительные работы за недостоверно предоставленную информацию, несвоевременную и/или неполную уплату, а также неуплату налога. При этом систематический отказ от предоставления налоговой декларации по соответствующим операциям на протяжении трех лет приводит к уголовной ответственности⁹ в виде ареста сроком до шести месяцев. В рамках указанного законопроекта цифровая валюта также считается имуществом. В случае если сумма транзакций, проведенных через криптокошелек, составляет более миллиона ежегодно, при этом кошелек не был задекларирован, то наказанием за такое деяние является лишение свободы сроком до трех лет.

В пояснительной записке к законопроекту о цифровых финансовых активах указано, что, по мнению Минфина России, виртуальная валюта очень часто используется не только с целью уклонения от уплаты налогов, но и с целью легализации средств, добытых преступным путем, и финансирования противоправной деятельности¹⁰. Наконец, использование виртуальных валют в целях совершения преступлений предлагается признавать отягчающим наказанием обстоятельством.

Однако на этом проблемы, созданные пробелом в уже существующем законодательстве, регулирующем цифровую экономику, для уголовного права не заканчиваются. Так, понятие «виртуального актива» фигурирова-

⁸ Законопроект № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 01.12.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7> (дата обращения: 26.03.2024).

⁹ Законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 02.10.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=108952> (дата обращения: 25.03.2024).

¹⁰ Цифровая валюта может быть признана имуществом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/news/1424973/> (дата обращения: 20.04.2024).

ло и в уголовном законодательстве еще с 2015 г. Постановление Пленума Верховного суда № 32 от 07.07.2015 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», определяет цифровой актив как предмет преступлений в ст. 174, 174¹ УК РФ¹¹.

В постановлении Пленума ВС РФ говорится, что денежные средства, преобразованные из криптовалюты, а также приобретенные в результате совершения преступления, являются предметами указанных преступлений. При этом анализ существующей практики позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день все еще не сложилось четкого определения ни цифровой валюты, ни криптовалюты в том числе (см. табл. 1)

Таблица 1

Варианты определений цифровой валюты

Категория дела (статья УК РФ)	Судебное решение	Определение цифровой валюты/криптовалюты
Легализация доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков (ст. 174 ¹ УК РФ, ст. 228 ¹ УК РФ)	Приговор Октябрьского районного суда г. Ставрополя от 12.05.2020 по делу № 1-211/2020 ¹²	Виртуальное платежное средство
	Приговор Ленинского районного суда города Кемерово от 28.05.2020 по делу № 1-110/2020 ¹³	Денежный суррогат
Мошенничество (ст. 159 УК РФ)	Постановление Домодедовского городского суда Московской области от 09.01.2020 по делу № 1-85/2020 ¹⁴	Виртуальные деньги
Незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ)	Приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 16.07.2018 по делу № 1-416/2017 ¹⁵	Электронные денежные средства

¹¹ Постановление Пленума Верховного суда № 32 от 07.07.2015 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Приговор Октябрьского районного суда г. Ставрополя от 12.05.2020 по делу № 1-211/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Приговор Ленинского районного суда города Кемерово от 28.05.2020 по делу № 1-110/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Домодедовского городского суда Московской области от 09.01.2020 по делу № 1-85/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Приговор Свердловского районного суда г. Костромы от 16.07.2018 по делу № 1-416/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Признание цифровой валюты в рамках уголовного законодательства имуществом позволяет расширить перечень преступлений, в которых виртуальная валюта может выступать предметом преступления [4, с. 3]. Помимо составов, перечисленных в таблице, сюда добавляются и другие преступления против собственности (например, кража, грабеж), а также коммерческий подкуп и взяточничество. Подобного рода преступность относится к киберпреступности [5, с. 26].

Таким образом, на примере преступлений, связанных с составами хищений, можно увидеть наличие проблем, устанавливающих правовой статус цифровой валюты. Если рассматривать предмет хищения, то необходимо выделить три его основных признака: экономический, юридический и материальный. Первый используется для определения стоимости, второй обозначает принадлежность имущества какому-либо субъекту, последний же свидетельствует о том, что предмет хищения должен быть предметом материального мира.

Цифровая валюта соответствует первым двум признакам, но не третьему, что не позволяет в правоприменительной практике расценивать ее как предмет преступления. Однако, если рассматривать такие платежные средства, как безналичные деньги или же бездокументарные ценные бумаги в ретроспективе, то можно заметить, что они также ранее не признавались в качестве предмета хищения ввиду того же отсутствия материального признака. Данный факт дает нам основания оспорить существующую позицию законодателя в вопросах определения объекта и предмета цифровых преступлений.

Ссылки

1. Применение технологии блокчейн в праве, политике и государственном управлении / К. Е. Сигалов, П. Б. Салин, А. С. Чувальникова // Вестник Российского университета дружбы народов. М., 2018. С. 565–580.

2. Хисамова З. И. Концепция цифровых валют центральных банков: основные риски в части соблюдения требований АМЛ («Противодействия отмыванию денег») и КУС («Знай своего клиента») // Экономика и бизнес. Краснодар, 2020. С. 508–515.

3. Коваленко М. А. Возможность признания криптовалюты и токенов предметом хищения в условиях развития цифровой экономики // Международный журнал экспериментального образования. 2020. № 4. С. 39–43. EDN MHSZAO

4. Гаращук О. А. Правовые основы регулирования блокчейна и обращения криптовалюты в России // ИТпортал. Нижний Новгород, 2018. № 1. С. 2–12.

5. Федоров А. В. Киберпреступность юридических лиц // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. М., 2019. С. 22–28. EDN ZBVZII

Ostap Bender and the Criminal code of the RSFSR 1926. Part I

R. G. Oganesyanyan¹

¹All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-448-457

Research article
Full text in Russian

The article provides a legal analysis of one of the most famous works in Soviet literature – the novel «Twelve Chairs» by Ilf and Petrov. The topic of this article is relevant because in the soviet period, the issues of interaction between law and fiction were not sufficiently reflected in research and the presented legal conflicts, even having a fictional, imaginary character, ways to tell much more about political and social life and about people involved in various legal conflicts.

Keywords: Vorobyaninov; theft; fraud; Ostap Bender; chair; criminal code

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Oganesyanyan, Roman G. | E-mail: rgo1994@mail.ru

Остап Бендер и Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Часть I

Р. Г. Оганесян¹

¹Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-448-457
УДК 340.15, 343.01

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье проводится юридический анализ одного из самых известных произведений в советской литературе – романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Тема данной статьи актуальна тем, что в советский период вопросы взаимодействия права и художественной литературы не нашли достаточного отражения в исследованиях и представленные правовые коллизии, даже имея вымышленный, воображаемый характер, способны рассказать многое о политической и социальной жизни и о людях, вовлеченных в различные правовые конфликты.

Ключевые слова: Воробьянинов; кража; мошенничество; Остап Бендер; стул; уголовный кодекс

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Оганесян, Роман Геворгович | E-mail: rgo1994@mail.ru
Младший научный сотрудник Центра научных исследований

Уголовно-правовая наука неразрывно связана с художественной литературой. Как и искусство слова, она стремится постичь философию жизни, природу человека, мотивацию его поступков. Всматриваясь в сюжеты жизни, мастер слова старается изобразить преступника и его деяние психологически точно. Его пером создается картина преступления, выявляются мотивы действия людей в тех или иных ситуациях, зачастую незнакомых юристу в реальной жизни, но тем не менее правдоподобных и вполне возможных.

Писательская оценка характеров и отношений важна для постижения нравов общества. Именно литература становится бесценным источником познания внутреннего мира человека, решившегося на преступление

или совершившего его [1, с. 73–90]. В качестве демонстрации представленных тезисов автору хотелось бы обратиться к одному из самых известных памятников отечественной литературы – незабвенной «дилогии» Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», в особенности к деятельности главного персонажа – «великого комбинатора», потомка янычаров Остапа-Сулеймана-Берга-Марии Бендер-бея (Остапа Задунайского). Несмотря на то, что там хватает героев, имеющих очень тесные отношения с законом, именно род его занятий характеризуется в отечественной криминологии как «криминальный профессионализм».

И непосредственно он становится в центре повествования. В то же время возникает вопрос об оценке деяний «великого комбинатора» с позиции советского уголовного законодательства. Принятие 2-й сессией Всесоюзного центрального исполнительного комитета XII созыва Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. обычно связывают как с принятием Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., так и с развитием новой экономической политики. Большинство специалистов области уголовного права называют данный кодекс правопреемником Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., поскольку при разработке его концептуальных положений законодатель основывался именно на нормах первого советского Уголовного кодекса и Основных начал. Отдельные уголовно-правовые институты получили дальнейшее развитие, а часть из них претерпела значительные изменения. Это объясняется рядом обстоятельств, в том числе заложением в основу социальной защиты в ее классовой интерпретации концепции социологического учения [2, с. 26–35; 3–6; 7, с. 119–121; 8, с. 583–586; 9, с. 101–118]. Под сферу регулирования Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. попадает большинство афер, совершенных сыном турецко-подданного, если принимать во внимание тот факт, что события романа происходят в июне 1927 г., т. е. спустя пять месяцев после вступления в силу данного уголовного закона.

Сам Остап Бендер считал себя законопослушным гражданином: *«Я конечно, не херувим, у меня нет крыльев, но я чту Уголовный кодекс. Это моя слабость»* [10, с. 8]. Анализ его деятельности показывает, что это высказывание можно признать соответствующим действительности только со значительной условностью. По подсчетам автора, персонаж данных романов переступил запрет примерно 12 статей Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., а преступных же эпизодов насчитывается примерно в два раза больше. Да и сам персонаж в дальнейшем признавал и говорил, что *«склонен к обману и шантажу»*. Необходимо отметить, что Остап действительно чтит Уголовный кодекс в том смысле, что большинство описанных эпизодов достаточно сложны для квалификации и в юридическом смысле могут трактоваться неоднозначно.

Одним из первых эпизодов в преступной деятельности Бендера принято считать посещение им завхоза 2-го дома Старсобеса, «голубого ворышки» Александра Яковлевича (Альхена), и представление ему себя в качестве инспектора пожарной охраны. «Проинспектировав» богадельню и сытно пообедав *«чем бог послал»*, а также убедившись в том, что в доме стул отсутствует, хотя, обладая ценной информацией, полученной у Паши Эмильевича насильственным путем, комбинатор собирался покинуть приют, однако:

«В коридоре к уходящему Бендеру подошел застенчивый Альхен и дал ему червонец».

«Это сто четырнадцатая статья уголовного кодекса, – сказал Остап, – дача взятки должностному лицу при исполнении служебных обязанностей. Но деньги взял и не попросившись..., направился к выходу» [11, с. 68].

Во-первых, Остап процитировал статью Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Становится очевидным, что он не знал о том, что был принят кодекс новой редакции. Согласно новому Уголовному кодексу РСФСР, уже ст. 118 устанавливала уголовную ответственность за дачу взятки и посредничество во взяточничестве¹. Данный кодекс, в отличие от редакции 1922 г., в целом смягчал ответственность за должностные преступления, в том числе за взяточничество. За получение взятки без отягчающих обстоятельств кодекс устанавливал лишение свободы максимум до двух лет, а при отягчающих обстоятельствах – минимум от двух лет. Дача и посредничество во взяточничестве карались лишением свободы на срок до пяти лет, а провокация взятки – на срок до двух лет. Во-вторых, привлечь Бендера к ответственности за получение взятки (ст. 117) не представляется возможным, так как в уголовном кодексе твердо было зафиксировано, что субъектом получения взятки является должностное лицо [12, с. 475–476]. Само же понятие должностного лица определялось так же, как и в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. [13, с. 62]. В данном случае Остап не являлся должностным лицом. Кроме того, вряд ли здесь его можно привлечь к ответственности по ст. 169 «Мошенничество», ввиду того что, обманув Альхена относительно своей личности и имея умысел на завладение чужим имуществом – стулом, Бендер в итоге его не заполучил. Если бы стул в этот момент находился в богадельне, можно предположить, что Остап нашел бы способ изъять его в качестве пожароопасного объекта. Единственно, за что можно было бы привлечь Бендера к уголовной ответственности в данном эпизоде – это по ст. 19 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. «Приготовления к преступлению»².

¹ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР. 1926. С. 34.

² Указ. соч. С. 8.

Другим немало интересным моментом является эпизод изъятия стула у «знойной женщины – мечты поэта» – Мадам Грицацуевой. Исходя из диалога между Бендером и Воробьяниновым, можно сделать вывод, что Остап желает вступить с ней в фиктивный брак только лишь с одной целью – поближе рассмотреть содержимое стула. Стоит отметить, что термин «фиктивный брак» в отечественной практике появился лишь в 1949 г., а законодательно был закреплен лишь в конце 60-х гг. XX в. [14, с. 19]. В современном законодательстве «фиктивный брак» признается одним из правонарушений, в случае «если супруги или один из них зарегистрировал брак без намерения создать семью»³.

Такого намерения, как мы понимаем, у Остапа Бендера вовсе не было. Пропустив эпизод со свадьбой, остановимся на сцене кражи стула, от которой Бендеру никуда не деться:

«В пять часов утра явился Остап со стулом... Остап вынул из бокового кармана золотую брошь со стекляшками, дутый золотой браслет, полдюжины золоченых ложечек и чайное ситечко.

Ипполит Матвеевич в горе даже не сообразил, что стал соучастником обыкновенной кражи.

– Пошлая вещь, – заметил Остап, – но согласитесь, что я не мог покинуть любимую женщину, не оставив о ней никакого воспоминания...» [11, с. 139, 141].

В данном эпизоде вряд ли можно привлечь Ипполита Матвеевича к уголовной ответственности, потому что он к ней никакого отношения не имел, а также ни словом, ни делом ей не способствовал и даже не знал о ее совершении. Если рассматривать советскую экранизацию «12 стульев» 1971 г., мы видим, что он вскрыл стул во время свадьбы Бендера и Грицацуевой. Данное деяние можно оценивать по ст. 175 УК РСФСР 1926 г.: «Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам», за совершение которого устанавливалось наказание в виде лишения свободы, или исправительно-трудовых работ на срок до шести месяцев, или штрафа до пятисот рублей⁴. Что касается Бендера, то его действия, по мнению автора, можно отнести к п. «а» ст. 162 УК РСФСР 1926 г., как «Тайное похищение чужого имущества (кража)», которое было совершено «без применения технических средств, в первый раз и без сговора с другими лицами» и наказывалось также в виде лишения свободы или исправительно-трудовых работ на срок до трех месяцев⁵.

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изменениями на 04 августа 2022 г.) (редакция, действующая с 01 сентября 2022 г.). URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2022/09/23/38/Semeiniy_kodeks_RF_red_04.08.2022.pdf (дата обращения: 06.05.2023).

⁴ Указ. соч. С. 44.

⁵ Там же. С. 41.

Нельзя также забывать о создании Остапом тайной подпольной организации с целью якобы свергнуть советскую власть – «Союз меча и орала». Поначалу можно подумать, что данное деяние стоит отнести к ст. 58¹, высшей мерой наказания которого являлся расстрел. Тем не менее план Бендера выглядел несколько иначе:

«Строгий секрет! Государственная тайна!.. Тайный союз меча и орала!.. Впрочем, вы можете уйти, но у нас, предупреждаю, длинные руки!

Граждане! — сказал Остап, открывая заседание. Жизнь диктует свои законы, свои жестокие законы. Я не стану говорить вам о цели нашего собрания — она вам известна. Цель святая. Отовсюду мы слышим стоны. Со всех концов нашей обширной страны взывают о помощи... Одни из вас служат и едят хлеб с маслом, другие занимаются отхожим промыслом и едят бутерброды с икрой. И те и другие спят в своих постелях и укрываются теплыми одеялами. Одни лишь маленькие дети, беспризорные дети, находятся без призора. Эти цветы улицы, или, как выражаются пролетарии умственного труда, цветы на асфальте, заслуживают лучшей участи. Мы, господа присяжные заседатели, должны им помочь...

Товарищи! — продолжал Остап. — Нужна немедленная помощь... Я приглашаю вас сейчас же сделать свои взносы и помочь детям, только детям и никому другому...

Всего, провозгласил Остап, четыреста восемьдесят восемь рублей. Эх! Двенадцати рублей не хватает для ровного счета» [11, с. 135].

Очевидно, что Остап, воспользовавшись доверчивостью членов союза в отношении беспризорных детей, раздобыл вышеуказанную сумму денег, не имея желаний использовать их по назначению, что точно подпадает под действие ст. 169 «Мошенничество».

К следующему эпизоду для привлечения к уголовной ответственности Бендера, можно, конечно, отнести нанесение побоев Кисе на аукционе по причине пропитых «пятнадцати процентов комиссионного сбора» (ст. 146). Однако великого комбинатора можно понять, поскольку из-за нехватки достаточной денежной суммы была упущена возможность приобрести все десять стульев, в одном из которых могли быть спрятаны бриллианты.

Остановимся на эпизоде по приобретению стула у инженера Э. П. Щукина, которому Бендер помог вернуться в свою квартиру и избежать участи стать объектом усмешек со стороны соседей:

«А я к вам по делу, товарищ Щукин.

Чрезвычайно буду рад вам служить.

Гран мерси. Дело пустяковое. Ваша супруга просила меня к вам зайти и взять у вас этот стул...

Да, пожалуйста! — воскликнул Эрнест Павлович. Я очень рад...

Инженер засуетился и проводил великого комбинатора...» [11, с. 236–237].

Данные действия аналогично предусмотрены ст. 169 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Чтобы заполучить стул, Бендер намеренно искажил факты о просьбе Элочки отдать гарнитур ей, введя тем самым в заблуждение ее мужа. Вдобавок Шукин осознанно отдал стул Бендеру, не задумавшись о степени его прав на него. Если говорить о параллельном приобретении стула у Людоедки Элочки, то здесь Остап закон не нарушал ввиду того, что была достигнута договоренность путем его обмена на чайное ситечко.

Авторами романа также превосходно был представлен процесс выноса стула у остроумца А. В. Изнуренкова:

«Изнуренков здесь живет? Это вы и есть?..»

«Что же это, товарищ, жестко сказал Бендер, – это совсем не дело – прогонять казенного курьера⁶... Сейчас мебель буду вывозить. Попрошу вас очистить стул...»

С этими словами Остап схватил стул и потряс им в воздухе.

Вывожу мебель! – решительно заявил Бендер.

Авессалом Владимирович бежал за стулом до самого угла...» [11, с. 242].

Изначально можно подумать, что «великий комбинатор» заполучил этот стул посредством мошенничества (ст. 169). Однако было ли так на самом деле? Ведь Остап не представлялся судебным исполнителем, не вводил в заблуждение и не обманывал Авессалома. Он просто вошел в квартиру, помахал обычным листком бумаги и открыто забрал стул. Так как *«на всех предметах мебелировки, а в том числе и на стуле из старогородского особняка болтались малиновые сургучные печати»* [11, с. 216], можно сделать вывод, что вся мебель в квартире Изнуренкова была описана судебным исполнителем еще до прихода Бендера к Авессалому, т. е. речь уже идет об открытом хищении чужого имущества или иначе «грабеже» (ст. 165)⁷. Однако и здесь присутствует оговорка. Осознавал ли Изнуренков незаконность действий комбинатора? Маловероятно. Если бы он понимал, то предъявить обвинения Бендеру в грабеже представлялось весьма несложным. Как бы то ни было решение данной загадки Ильфа и Петрова, а также юридические мнения по этому эпизоду могут быть разными, как в плане правомочности действий Остапа, так и в плане того, виновен ли он.

Рассматривая процессы вскрытия трех стульев: первого – у автора знаменитой «Гаврилади», безуспешного поэта Н. Ляписа-Трубецкого; второго – в редакции газеты «Станок» и третьего – на борту парохода «Скрябин», – мы можем все эти эпизоды квалифицировать по ст. 79 и 175: «Умышлен-

⁶ Роли курьера в данном деле исполнял Киса Воробьянинов.

⁷ Указ. соч. С. 42.

ное истребление или повреждение имущества, принадлежащего государственным учреждениям или предприятиям, а также общественным организациям» и «Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам»⁸.

Теперь изучим аферу, совершенную «гроссмейстером» Бендером в организации межпланетного шахматного конгресса в г. Васюки. Арендовав клуб за три рубля и объявив о проведении сеанса одновременной игры, «гроссмейстер», который знал единственный ход в шахматах, а именно e2–e4, вне всяких сомнений завоевал доверие у главы васюкинского шахматного сообщества путем сообщения ложных сведений о себе и цели своего приезда. И, как помнится, гроссмейстер также описал возможности развития Васюков:

«Не беспокойтесь, – сказал Остап, – мой проект гарантирует вашему городу неслыханный расцвет производительных сил... Жители Москвы, стесненные жилищным кризисом, бросятся в ваш великоколенный город. Столица автоматически переходит в Васюки. Сюда приезжает правительство. Васюки переименовываются в Нью-Москву, Москва – в Старые Васюки... Нью-Москва становится элегантнейшим центром Европы, а скоро и всего мира...»

Повторяю, что практически дело зависит от вашей самодеятельности. Вся организацию, повторяю, я беру на себя. Материальных затрат никаких, если не считать расходов на телеграммы.

Сколько же нужно денег на... это... телеграммы?

Смешная цифра, – сказал Остап, – сто рублей.

У нас в кассе только двадцать один рубль шестнадцать копеек. Этого, конечно, мы понимаем, далеко не достаточно...

Но гроссмейстер оказался покладистым организатором.

Ладно, сказал он, – давайте двадцать рублей.

А хватит? – спросил одноглазый.

На первичные телеграммы хватит. А потом начнутся пожертвования, и денег некуда будет девать» [11, с. 314–315].

Прибавим также сюда еще выручку, полученную с продаж билетов Воробьяниновым на лекцию Бендера «Плодотворная дебютная идея». В результате получается, что оба персонажа путем обмана достали 56 рублей 16 копеек. Это приравнивается ко все той же ст. 169 УК РСФСР 1926 г., но уже с ч. 2 «Мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению»⁹.

Перейдем к нескольким преступлениям, совершенным великим комбинатором в Пятигорске. Одно из них – организация кражи двух стульев

⁸ Указ. соч. С. 26, 44.

⁹ Указ. соч. С. 44.

из театра Колумба, гастролировавшего там, посредством привлечения монтера Мечникова. Данное преступление по Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. оценивалось п. «г» ст. 162 («кража»), как «совершенное из государственных и общественных складов ... и иных хранилищ... по сговору с другими лицами или неоднократно». Кража еще одного стула (одинадцатого по счету), совершенная также в театре Колумба в Ялте и чуть не стоившая жизни персонажей из-за большого крымского землетрясения, карается той же статьей, что и эпизод в Пятигорске, но уже с п. «в».

Сложно также пропустить такую сферу деятельности Остапа, как занятие бродяжничеством и частично попрошайничеством. Стоит вспомнить, как он добывал деньги на хлеб себе и Кисе во время перехода по Военно-Грузинской дороге:

«Перед следующей машиной, которая оказалась автобусом, шедшим из Тифлиса во Владикавказ, плясал и скакал сам технический директор. Давай деньги, Деньги давай! – закричал он сердито.

Смеющиеся пассажиры щедро вознаградили его прыжки. Остап собрал в дорожной пыли тридцать копеек... В этих занятиях концессионеры проводили свои дни» [11, с. 358]. Не стоит забывать, что Бендер и Воробьянинова заставил попрошайничать:

«Мосье, же не манж па сис жур... Подайте что-нибудь на пропитание бывшему депутату Государственной Думы...» [11, с. 337].

Данные действия достаточно сложно определить с позиции советского уголовного законодательства, так как во времена походов Бендера статья по борьбе с бродяжничеством, беспризорностью несовершеннолетних, попрошайничеством абсолютно отсутствовала. Она появилась лишь в послевоенное время, когда уровень социального явления значительно возрос [15].

Таким образом, почитание Остапом Бендером Уголовного кодекса выльдет далеко неоднозначным. В данной статье представлены, конечно, не все его подвиги и деяния, не укладывающиеся в рамки закона. Однако уже, исходя из всего вышепредставленного, можно говорить о том, что в первом романе Ильфа и Петрова главный персонаж представлен как «истинный уголовник».

Заседание продолжается!

Ссылки

1. Нейстат А. А. Формирование правосознания и художественная литература в советской России 1917–1929 гг.: дис... канд. юрид. наук. М., 2000. 310 с.
2. К итогам 2-й сессии ВЦИК XII созыва (сборник). М., 1926. 39 с.

3. Иодковский А. Новый уголовный кодекс // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 36. С. 1057–1058.
4. Строгович М. С. Реформа уголовного кодекса // Советское право. 1926. № 1(19). С. 52–58.
5. Ширяев В. Уголовный кодекс в редакции 1926 г. // Право на жизнь. 1927. Кн. 4. С. 51–59.
6. Эстрин А. Я. УК РСФСР 1926 г. и Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 4. С. 75–78.
7. Эстрин А. Я. Советское уголовное право. Вып. 1: Основы и история уголовного права. М., 1935. 152 с.
8. История советского государства и права в трех книгах. Кн. 2: Советское государство и право в период строительства социализма (1921–1935 гг.) М., 1968. 622 с.
9. Калашникова А. И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.: концептуальные основы и общая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2009. 192 с.
10. Так говорил Остап Бендер. 2-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 80 с.
11. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 384 с.
12. Анцелович М. Получение, дача и провокация взятки по УК редакции 1926 г. // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 16. С. 475–477.
13. Волженкин Б. В. Взятничество в истории советского законодательства (1918–1927 гг.) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 2. С. 59–67.
14. Алешина О. В. Фиктивный брак: проблема противодействия правонарушению // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1. С. 18–22. EDN XВІАРН
15. Бучакова М. А. Правовое регулирование борьбы с бродяжничеством, тунеядством и попрошайничеством в Советской России // Педагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1. С. 109–112. DOI 10. 24412/1999-6241-2022-188-109-112

On the question concerning the concept of a special corpus delicti

N. A. Kharlamova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-458-473

Research article
Full text in Russian

The article considers the question of the concept and essence of a special corpus delicti. The author analyzes the available definitions of special elements of the crime and provides his own version of the definition.

There is explored a debatable question of the ratio of special and qualified elements of crime and substantiated the opinion that the nature of these categories is different, since the criteria for their distinguishing and the rules for their construction differ. Sometimes a qualified corpus delicti simultaneously acts as a special one, but even in this case, the crime remains qualified in relation to the main crime, and it is seen as a special corpus delicti to the general crime, where the main crime and the general crime do not coincide.

The author expresses an opinion about the necessity to eliminate technical and legal flaws in special crimes by developing rules of their structuring.

Keywords: corpus delicti; special corpus delicti; qualified corpus delicti; construction

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kharlamova, Nataliia A. | E-mail: bachigina95@mail.ru
Postgraduate

К вопросу о понятии специального состава преступления

Н. А. Харламова¹

¹Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-458-473
УДК 343.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается вопрос о понятии и сущности специального состава преступления. Автором проанализированы имеющиеся дефиниции и предложен собственный вариант определения специального состава преступления.

Исследуется дискуссионный вопрос о соотношении специальных и квалифицированных составов преступления. Обосновывается мнение о том, что их природа различна, так как отличаются критерии их разделения и правила их конструирования. Иногда квалифицированный состав одновременно выступает и специальным, но даже в таком случае квалифицированным составом остается по отношению к основному, а специальным – к общему, где основной и общий не совпадают.

Высказывается мнение о необходимости предотвращения технико-юридических изъянов специальных составов преступлений при помощи выработки правил их конструирования.

Ключевые слова: состав преступления; специальный состав преступления; квалифицированный состав преступления; конструирование

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Харламова, Наталия | E-mail: bachigina95@mail.ru
Алексеевна | Аспирант

Несмотря на многолетний законодательно закрепленный приоритет специальной нормы над общей, в доктрине уголовного права учение о специальном составе преступления и на сегодняшний день находится на стадии становления, а научные работы, касающиеся проблематики данного вопроса, практически отсутствуют.

Между тем на фоне тенденции регулярного пополнения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) новыми составами преступления, большая часть которых относится к специальным, именно вопрос

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

о сущности специального состава преступления является как никогда актуальным, как и «вопрос о целесообразности включения в УК РФ многих из данных составов» [1, с.133]. Ведь зачастую несистемное реформирование является неоправданным, так как оно сопряжено с порождением «мертвых», неприменяемых составов, загромождением кодекса непродуманными конструкциями, возникновением проблем правоприменения.

И хотя искомое понятие не подвергалось достаточному комплексному исследованию, о чем свидетельствует в том числе отсутствие монографий на обозначенную тематику, фрагментарно оно было затронуто в ряде научных работ, посвященных видам составов преступления.

Так, переломным моментом в развитии учения о составе преступления стал выход монографий А. Н. Трайнина, который спровоцировал в научном сообществе скачок интереса к данному вопросу. Ученый стал первопроходцем и в разработке проблематики специального состава преступления, выдвинув важнейшие положения о сущности и значении специального состава преступления. Он пришел к выводу, что практическая важность классификации составов преступлений на общий и специальный состоит в том, что специальный, видовой состав при квалификации преступного деяния всегда имеет приоритет над общим, родовым составом. «Специальный состав, так сказать, выталкивает, берет верх над общим» [2, с. 119]. А. Н. Трайнин указал, что составы общие и специальные – это по существу составы однородные, но охватывающие род и виды одних и тех же преступлений. В этом их родовом тождестве – источник ошибок в судебной практике [2, с. 118].

Сложно преувеличить значение вклада В. Н. Кудрявцева в учение о специальном составе преступления, по мнению которого общая и специальная норма находятся в логическом отношении подчинения, то есть все существенные признаки одного из понятий составляют только часть существенных признаков другого.

К исследуемому вопросу ученый подошел с точки зрения конкуренции норм, под которой он понимал ситуацию, когда одно преступление подпадает под признаки каждой из двух (или более) уголовно-правовых норм. Разделение норм на общие и специальные является одним из видов конкуренции норм по объему, в случае которой должна применяться специальная норма [3, с. 243].

Продолжая разработку проблематики специального состава преступления, В. Н. Кудрявцев в более поздних работах пришел к выводу, что при конкуренции общей и специальной нормы первая предусматривает определенный круг деяний, а вторая – частные случаи из этого круга [4, с. 212–213].

Качественно иной подход к понятию специального состава преступления был предложен современными учеными А. А. Тер-Акоповым и С. С. Аветисяном. Правоведы рассматривали специальный состав пре-

ступления не в качестве парного понятия общего состава преступления, где специальный не существует без общего, а в качестве самостоятельного, самодостаточного, то есть специальным состав является не по отношению к общему, а является им вообще, наравне с общим. Ключевой его составляющей являются специальные отношения, доступ к которым ограничен. Их участником может быть только обладающий определенными качествами человек, включенный в них в определенном порядке, закрепленном в нормативно-правовом акте.

Так, согласно концепции, предложенной А. А. Тер-Акоповым, критерием разделения составов преступлений на общие и специальные является не содержание социальных ценностей, выступающих в качестве объекта преступления, а степень общности отношений, в систему которых та или иная ценность входит. Участником данных отношений может быть не любое лицо, а лишь то, которое обладает для этого необходимой компетенцией. Оно включено в систему данных отношений в установленном порядке для выполнения определенных задач и несет особую ответственность за нарушение своих особых обязанностей [5, с. 148–154].

Масштабное исследование, раскрывающее суть подхода к определению специального состава преступления через специальные отношения, доступ к которым ограничен, провел С. С. Аветисян. По мнению ученого, в специальных составах преступления объект также является специальным, он не доступен для иных лиц, кроме тех, которые являются участниками специальных отношений и включены в них для выполнения социально полезных функций. С этой целью они наделены определенными правами и обязанностями, подчиняются специальным правилам, нарушение которых влечет наступление общественно опасного вреда [6, с. 140–146], то есть критерием разделения общего и специального состава преступления является включенность человека в отношения с ограниченным доступом, накладывающим определенные ограничения на его участника.

Данная концепция, безусловно, заслуживает внимания, однако полагаем, что большей практической значимостью обладает теория о выделении специального состава из общего путем уточнения и конкретизации признаков преступления, из которой следует, что специальный состав не может существовать сам по себе, не может быть способом криминализации деяния, так как он является логическим следствием существования общего состава преступления. «Специальные составы преступлений как бы «отпочковываются» от общей уголовно-правовой нормы» [7, с. 80–81].

Например, до введения в УК РФ специальных видов мошенничества ответственность лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 159.1–159.6 УК РФ, наступала по общей норме – ст. 159 УК РФ. И введение новых составов не являлось способом криминализации, так как общий состав уже охватывал все возможные виды мошенничества, на что прямо указано в Пояснительной записке к законопроекту.

Кроме того, позиция, основанная на выделении специального состава по критерию включенности человека в отношения с ограниченным доступом, на наш взгляд, во многом сливается с выделением составов преступлений со специальным субъектом. При этом ставить знак равенства между понятиями «специальный субъект преступления» и «субъект преступления специального состава» нельзя.

Во-первых, для признания субъекта специальным необходимо выявить дополнительные, относящиеся к нему признаки, не указанные в ст. 19 УК РФ, то есть сравнить его с общим субъектом. Для признания того, что специальный состав выделен из общего по конкретизирующим признакам, относящимся к субъекту, необходимо сравнить субъект специального состава не просто с общим субъектом, а с субъектом общего состава, из которого выделен состав специальный. Ответ на вопрос, какое это имеет значение, состоит в том, что, если не учитывать предлагаемый тезис, можно упустить тот факт, согласно которому в специальном составе преступления субъект может быть «более специальным».

Например, ст. 285 УК РФ содержит в себе состав преступления со специальным субъектом, которым является любое должностное лицо. При этом субъектом специального по отношению к нему состава преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, может быть только прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, то есть не любое должностное лицо, а достаточно ограниченная категория лиц из круга, определенного в примечании к ст. 285 УК РФ. Таким образом, субъект состава преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, является специальным (в смысле: имеющим конкретизирующие, уточняющие признаки) по отношению к специальному субъекту специального состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ.

Во-вторых, потому что в специальном составе субъект преступления может обладать только общими признаками, но состав все равно будет специальным. (Не согласуется с во-первых). Например, общим является состав преступления, предусмотренный ст. 105 УК РФ, специальным к нему – ст. 317 УК РФ, в каждом из данных составов субъект является общим, однако состав, предусмотренный ст. 317 УК РФ, является специальным. Соответственно, не является аксиомой то, что специальный состав всегда содержит в себе дополнительные конкретизирующие признаки, относящиеся именно к субъекту преступления.

В-третьих, потому что даже специальный субъект может не образовывать специальный состав. Так, например, состав преступления, предусмотренный ст. 292 УК РФ, является общим, специальным к нему – ст. 170 УК РФ. В каждом из указанных составов субъект преступления является специальным, однако составы соотносятся друг с другом как общий и специальный.

Стоит отметить, что случаи, в которых в общем составе был бы специальный субъект, а в специальном – общий, являются недопустимыми, так как специальный состав не может в себе содержать более обобщенных признаков нежели общий и расширять границы уголовной ответственности.

Таким образом, ведущей является концепция, основанная учеными в советский период. Вместе с тем представителями науки уголовного права как советского, так и современного периода не был разрешен ряд важнейших вопросов, к которым, в частности, относится формирование правил конструирования специальных составов преступления, определение соотношения специальных составов и квалифицированных составов преступлений и др.

В этой связи важнейшей является теория, выдвинутая современными учеными А. В. Иванчиным и М. В. Зосиевой, по мнению которых специальный состав преступления – это состав преступления, который обладает всеми признаками другого (общего) состава преступления, но имеет хотя бы один дополнительный (специальный) признак, не являющийся квалифицирующим или привилегирующим (курсив наш. – Н. Х.). Общий состав преступления представляет собой понятие, имеющее большую степень обобщения в сравнении со специальным составом [1, с. 133], то есть представители ярославской школы права разделили специальные составы и квалифицированные/привилегированные составы преступлений. Рассматриваемый вопрос является дискуссионным, и многие ученые придерживаются противоположной позиции. Например, В. Н. Кудрявцев рассматривал конкуренцию между основным и квалифицированными видами состава в качестве разновидности конкуренции между общей и специальной нормой [3, с. 255]. Т. А. Лесниевски-Костарева в работе, посвященной дифференциации уголовной ответственности, в том числе через специальные составы преступлений, тоже пришла к выводу, что к специальным относятся квалифицированные и привилегированные составы [7, с. 80].

Действительно, у сопоставимых видов составов преступлений есть общие черты. Во-первых, они являются средством дифференциации уголовной ответственности. Во-вторых, в отношении подчинения находятся как квалифицированный/привилегированный состав к основному, так и специальный состав к общему, то есть без существования основного состава нет квалифицированного или привилегированного состава, а без существования общего нет специального. В-третьих, и основной, и общий составы являются более широкими (вариабельными), нежели квалифицированные/привилегированные и специальные составы преступления.

Однако мы останемся на стороне меньшинства, так как считаем верной точку зрения А. В. Иванчина и М. В. Зосиевой. На наш взгляд, при включении квалифицированных составов в разряд специальных происходит смешение критериев деления составов преступления. Критерием подразделения составов на основные и квалифицированные «является

уровень общественной опасности преступлений» [8, с. 219]. При разделении составов преступлений на общие и специальные критерием выступает степень обобщенности объективных и субъективных признаков, предусмотренных уголовным законом и характеризующих общественно опасное деяние как преступление. Общий состав преступления характеризуется высокой степенью обобщенности признаков преступления, является более вариативным в отличие от специального состава, в котором признаки преступления формулируются более четко, конкретно.

Стоит отметить, что иногда квалифицированный состав одновременно выступает и специальным, но даже в таком случае квалифицированным составом остается по отношению к основному, а специальным – к общему, где основной и общий не совпадают. Например, ч. 3 ст. 264 УК РФ – квалифицированный состав, который является специальной нормой по отношению к ч. 1 ст. 109 УК РФ. При этом квалифицированным составом будет по отношению к составу преступления, предусмотренному ч. 1 ст. 264 УК РФ, а специальным – по отношению к ч. 1 ст. 109 УК РФ, то есть объекты сравнения различны.

Кроме того, аргументом против отождествления специальных составов с квалифицированными составами выступают и отличающиеся правила конструирования. Нахождение основного и квалифицированного составов логично в разных частях одной статьи [9, с. 67], в то время как общие и специальные составы находятся в разных статьях, главах и даже разделах Уголовного кодекса.

Проиллюстрировать данный тезис можно на примере главы 31 УК РФ. Большинство составов преступлений, содержащихся в ней (в частности, ст. 299, 300, 301, 302, 305 УК РФ), являются специальными по отношению к общим составам – ст. 285 и 286 УК РФ, находящимся в главе 30 УК РФ.

В свете изложенного предлагаем к специальным составам преступления относить составы преступлений, выделенные из общих составов, в системе субъективных и объективных признаков которых имеется конкретизирующее, уточняющее обстоятельство, относящееся к одному из элементов или к нескольким элементам состава преступления и являющееся обязательным для данного состава преступления.

Например, общим является состав преступления, предусмотренный ст. 137 УК РФ, в котором система субъективных и объективных признаков описана в достаточно обобщенном виде, а специальным к нему – состав преступления, предусмотренный ст. 155 УК РФ, в котором конкретизирующие признаки, относящиеся к субъективной и объективной сторонам, сужают возможность его применения. Разглашение тайны усыновления (удочерения) является одним из вариантов нарушения неприкосновенности частной жизни.

В настоящее время учение о специальном составе преступления нуждается в дальнейшей разработке. Основное направление должно вклю-

чать в себя выработку системы правил конструирования специальных составов, которая поможет избежать технико-юридических изъянов, блокирующих применение статей на практике. Именно это произошло со ст. 124.1 УК РФ, ч. 1 которой является специальным составом по отношению к ст. 118 УК РФ, а ч. 2 – к ст. 109 УК РФ. Допущенные законодателем ошибки при конструировании специального состава привели к тому, что норма является «мертвой», а приговоры по ней отсутствуют даже по прошествии более чем 4 лет с момента начала ее действия, несмотря на то что изначально в уголовно-политическом плане введение нормы было оправдано [10, с. 67]. Аналогичная ситуация сложилась со ст. 201.1 УК РФ, являющейся специальной по отношению к ст. 201 УК РФ. Её редкое применение также «объясняется технико-юридическими погрешностями» [11, с. 11], предотвращение которых является важнейшей задачей, стоящей сегодня перед наукой уголовного права.

Ссылки

1. Иванчин А. В., Зосиева М. В. Проблемы конструирования специальных составов преступлений // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 133–137. EDN ZXYYTT
2. Трайнин А. Н. Учение о составе преступления: монография. М.: Юриздат., 1946. 186 с.
3. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений: монография. М.: Госюриздат, 1963. 326 с.
4. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 1999. 301 с.
5. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве: монография. М.: Юркнига: Адвокат, 2003. 478 с.
6. Аветисян С. С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 498 с.
7. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во НОРМА, 2000. 400 с.
8. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. 462 с.
9. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве: монография. СПб.: Юрид. центр, 2005. 198 с.
10. Медицинское уголовное право: монография / А. А. Бимбинов, В. Н. Воронин, Т. Г. Понятовская [и др.]; отв. ред. А. И. Парог. М.: Проспект, 2022. 576 с.
11. Егорова Н. А., Егоров А. Г. Новые составы против интересов службы, связанные с государственным оборонным заказом (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2. С. 9–19. DOI 10.25724/VAMVD.A110

Peculiarities of interpretation in the Islamic legal family

R. M. Ismailov¹

¹Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-466-473

Research article
Full text in Russian

In this article, the author examines the issue related to the peculiarities of interpretation in the Muslim legal family. The author notes that there is no term in the Islamic legal doctrine that would be completely identical to the concept of «interpretation of law». The closest term in meaning is «ijtihad», the meaning of which can be defined as the activity of a Muslim jurist to resolve religious and legal issues in the absence of an unambiguous answer in the main sources of Islamic law – the Koran and the Sunnah of the Prophet Muhammad. At the same time, the concept of Ijtihad is broader than the concept of interpretation of law, but interpretation is fully covered by Ijtihad. The author comes to the conclusion that the main characteristic features of interpretation in Muslim law are a special subject composition of interpreters, to whom a number of requirements are imposed (detailed knowledge of the provisions of the Koran and the Sunnah of the Prophet Muhammad; a high level of proficiency in Arabic; knowledge of the theory of cancellation; knowledge and ability to apply methods of deriving legal norms from primary sources; knowledge of issues on which authoritative Muslim scholars have agreement), a wide range of methods (qiyas, istislah, istishab, az-zarayi, istikhshan, etc.) and methods of interpretation (grammatical, logical, historical, systematic), a special sequence of actions in the process of interpretation, as well as attitude to the result of interpretation as to probabilistic rather than absolute knowledge.

Keywords: Islamic law; interpretation of law; Ijtihad; Quran; Sunnah

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ismailov, Rashad M. | E-mail: rashad.ismailov.2013@mail.ru
| Postgraduate

Особенности толкования в исламской правовой семье

Р. М. Исмаилов¹

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-466-473
УДК 340

Научная статья
Полный текст на русском языке

В настоящей статье автор рассматривает вопрос, связанный с особенностями толкования в мусульманской правовой семье. Автор отмечает, что в исламской правовой доктрине отсутствует термин, который был бы полностью идентичен понятию «толкование права». Наиболее близким по смыслу термином является «иджтихад», значение которого можно определить как деятельность мусульманского правоведа по разрешению религиозно-правовых вопросов при отсутствии однозначного ответа в главных источниках исламского права – Коране и Сунне Пророка Мухаммеда. При этом понятие иджтихада шире понятия толкования права, однако интерпретация полностью охватывается иджтихадом. Автор приходит к выводу, что основными характерными чертами толкования в мусульманском праве являются особый субъектный состав интерпретаторов, к которым предъявляется целый ряд требований (детальное знание положений Корана и Сунны Пророка Мухаммеда; высокий уровень владения арабским языком; знание теории отмены; знание и умение применять методы выведения правовых норм из первоисточников; знание вопросов, по которым у авторитетных мусульманских ученых имеется согласие), широкий перечень методов (кияс, истислах, истисхаб, аз-зарайи, истихсан и др.) и способов толкования (грамматический, логический, исторический, систематический), особая последовательность действий в процессе толкования, а также отношение к результату толкования как к вероятностному, а не абсолютному знанию.

Ключевые слова: исламское право; толкование права; иджтихад; Коран; Сунна

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Исмаилов, Рашад Махир оглы | E-mail: rashad.ismailov.2013@mail.ru
Аспирант

В юридической литературе наиболее распространенным является подход к толкованию права как к интеллектуально-волевому процессу, направленному на выявление точного смысла правовой нормы самим ин-

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

терпретатором (уяснение) и раскрытие выраженной в норме воли законодателя для других субъектов (разъяснение) [1, с. 164]. Представляется, что выводимая из указанного определения формула «ТОЛКОВАНИЕ = УЯСНЕНИЕ + РАЗЪЯСНЕНИЕ» является универсальной и подходит для характеристики интерпретационной деятельности в любой правовой системе, в том числе в исламском праве.

Приступая к анализу толкования в исламском праве, стоит прежде всего отметить, что в мусульманско-правовой терминологии отсутствует понятие, которое было бы полностью идентично термину «толкование права». Так, широко используемое арабское понятие «*тафси́р*» является специализированным и обозначает толкование Корана и Сунны Пророка Мухаммеда, причем толкование не только юридических, но и всех прочих положений указанных источников.

Представляется, что более близким по смыслу к толкованию права термином является «*иджтихад*». Значение понятия иджтихад можно определить как деятельность мусульманского правоведа по разрешению религиозно-правовых вопросов при отсутствии однозначного ответа в главных источниках исламского права – Коране и Сунне Пророка Мухаммеда. При этом разрешение вопросов происходит посредством выведения норм из первоисточников с использованием специальных методов.

Таким образом, понятие иджтихада шире понятия толкования права, поскольку в иджтихад включаются в том числе действия правоведа, не связанные с интерпретацией текста первоисточников, однако толкование является обязательной составляющей иджтихада.

Легитимность иджтихада в мусульманском праве подтверждается широко известным хадисом (предание о словах и действиях) Пророка Мухаммеда:

«Посланник Аллаха, отправляя Муазу ибн Джабала в Йемен, спросил его: “Как ты будешь судить, если тебе придется выносить решение?” Он сказал: “Я буду судить по Книге Всевышнего Аллаха”. Тогда Пророк спросил: “А если ты не найдешь этого в Книге Аллаха?” Он ответил: “Тогда по Сунне Посланника Аллаха”. Он спросил: “А если ты не найдешь ни в Сунне Посланника Аллаха, ни в Книге Аллаха?” Муаз ответил: “Я самостоятельно приму свое решение и не буду небрежным”. Тогда Посланник Аллаха похлопал его по груди и сказал: “Хвала Аллаху, который наставил Посланника Аллаха на то, чем доволен Посланник Аллаха”» (хадис приведен в сборниках Абу Дауда, ат-Тирмизи и др.).

Лицо, занимающееся иджтихадом, в мусульманском праве именуется *муджтахидом*. Для того чтобы считаться муджтахидом, необходимо соответствовать целому ряду требований. Во-первых, правоведа нужно детально разбираться в положениях Корана и Сунны. Во-вторых, необходимо в совершенстве владеть арабским языком, поскольку первоисточники являются арабскими текстами, и любой, даже самый точный, перевод не из-

бавлен от различного рода искажений. В-третьих, муджтахид обязан знать правила теории отмены (наسخ), поскольку, как известно, при жизни Пророка Мухаммеда бывали случаи, когда более поздние коранические аяты отменяли предыдущие. В-четвертых, муджтахид обязан знать методы выведения правовых норм. В-пятых, ему необходимо знать вопросы, по которым у авторитетных мусульманских ученых имеется единогласие во мнении (иджма), поскольку по такого рода вопросам иджтихад не требуется [2, с. 197] Религиозно-правовым доводом, подтверждающим отсутствие необходимости иджтихада относительно вопросов, по поводу которых имеется единогласие во мнении авторитетных правоведов (иджма), является высказывание Пророка Мухаммеда: «Моя община никогда не сойдется на заблуждении». Таким образом, иджма является третьим по значимости источником исламского права после Корана и Сунны. В исламской правовой литературе выделяют три категории иджма в зависимости от того, каким образом ученые достигли согласия. Первая категория – это решения, принятые наиболее авторитетными и компетентными мусульманскими правоведами-современниками при совместном гласном обсуждении. Ко второй категории иджма относятся сходные решения, которые были приняты учеными без согласования друг с другом и совместного обсуждения. Наконец, третья категория иджма – решения одного или нескольких мусульманских правоведов, которые стали известны иным влиятельным ученым, но не были ими опровергнуты или оспорены.

По поводу такого требования к правоведам, как справедливость, в исламской правовой литературе имеются разногласия. С одной стороны, правоведа указывают на то, что скрупулезная работа с текстами первоисточников и правильное выведение из них правовых норм возможно и при отсутствии у интерпретатора качества справедливости. Однако на практике даже очень грамотные юристы, в случае если они не отличались благочестием и справедливостью, несли серьезные репутационные издержки, что препятствовало признанию их со стороны мусульманского населения в качестве муджтахидов.

Исторически сформировались три категории муджтахидов: муджтахиды исламского права в целом; муджтахиды на уровне отдельной религиозно-правовой школы; муджтахиды на уровне отдельных правовых вопросов. Первая группа правоведов наиболее свободна в вопросе выведения правовых норм из первоисточников. К этой группе относятся в первую очередь сподвижники Пророка Мухаммеда и основатели религиозно-правовых школ (мазхабов), о которых будет сказано ниже. Во вторую группу входят наиболее авторитетные последователи создателей мазхабов – их свобода интерпретационной деятельности ограничивается основными принципами и правилами своей школы. Подавляющее большинство муджтахидов относятся к третьей группе – они специализируются на отдельных сферах исламского права (вопросы наследования, брака и т. п.).

Помимо муджтахидов в качестве субъектов толкования могут выступать правоведы-немуджтахиды, которые, не обладая необходимым уровнем квалификации, не вправе толковать непосредственно нормы Корана и Сунны, но вправе выносить правовые решения, опираясь на позиции более компетентных мусульманских ученых.

Исламские правоведы вывели целый ряд методов, позволяющих принимать религиозно-правовые решения при отсутствии однозначного ответа в Коране и Сунне. Указанные методы могут быть названы в качестве вторичных источников мусульманского права, поскольку, как справедливо отмечает Г. И. Муромцев, понятие источника права в исламе включает в себя не только форму внешнего закрепления правовых норм, но и способ их создания [3, с. 95].

Наиболее известным и широко применяемым методом иджтихада является *кияс*, под которым традиционно понимается суждение по аналогии. Мусульманские правоведы значительную часть своих решений принимают посредством применения аналогии в тех случаях, когда какой-либо схожий вопрос разрешен нормами Корана или Сунны. Так, например, первоисточники не содержат однозначных норм о дозволенности либо недозволенности проведения аборт, однако применение *кияса* позволяет прийти к выводу о запретности данного деяния, поскольку в Коране имеются положения о запрете убийства новорожденного ребенка из-за страха бедности либо по любым иным причинам, а в Сунне Пророка содержится указание на то, что зародыш приобретает душу и становится полноценным человеком еще в момент нахождения в утробе матери.

Метод *кияса* признается всеми основными религиозно-правовыми школами ислама – ханафитской), шафиитской, маликитской и ханбалитской. Однако по иным методам выведения норм имеются различия в подходах представителей вышеуказанных мазхабов. Различия в отношении вторичных источников права являются одним из ключевых критериев дифференциации мусульманских религиозно-правовых школ.

Так, основанный имамом Абу Ханифой (699–767) и названный в его честь ханафитский мазхаб широко использует такой метод выведения правовых норм из первоисточников, как *истихсан*. Под *истихсаном* в мусульманской правовой науке понимается отступление от одной аналогии в пользу другой, более сильной [4, с. 49]. Данный метод разработан и применяется для разрешения вопросов, если посредством метода аналогии формируются несколько выводов либо если эти выводы являются неактуальными или приводят к вредным последствиям.

Представители маликитского мазхаба (основатель – Малик ибн Анас (711–795)) часто обращаются к такому методу иджтихада, как *истислах*. *Истислахом* в исламском праве называют метод выведения правовой нормы с учетом общей пользы для общества при отсутствии однозначного ответа на правовой вопрос в первоисточниках мусульманского права. В каче-

стве примера применения истислаха представители маликитской школы приводят предание о действиях второго праведного халифа Умара ибн аль-Хаттаба, временно отменившего наказание за кражу в голодное время, поскольку подобные действия вор совершает вынужденно и с целью сохранить свою собственную жизнь и жизнь своих близких. Следует согласиться с мнением известного немецкого исламоведа М. Роэ о том, что применение истислаха «открывает дорогу к гибкому толкованию предписаний, в зависимости от обстоятельств, места и времени», а также «оставляет большое пространство рациональному осмыслению» [5, с. 87].

Представители шафиитского мазхаба (основатель – Мухаммад аш-Шафии (767–820)) отвергают как истихсан, так и истислах. Вместо них предлагается вторичный источник права, именуемый *истисхабом*. Данный метод выведения правовых норм основывается на принципе, согласно которому изменения считаются не наступившими до тех пор, пока их наступление не будет доказано. В правовой литературе приводится целый ряд общих правил, основанных на применении истисхаба. Среди них можно отметить следующие:

1) *«Основой в вещах является их дозволенность»*.

При возникновении сомнений в дозволенности либо недозволенности того или иного деяния следует считать его дозволенным до тех пор, пока не будут выявлены основанные на первоисточниках исламского права аргументы о запретности деяния.

2) *Презумпция невиновности*.

Огромной заслугой шафиитского мазхаба является правовое оформление презумпции невиновности, в соответствии с которой подозреваемое в совершении преступления лицо считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана. При этом по шафиитскому мазхабу презумпция невиновности применяется не только в уголовных делах, но и в гражданских: так, лицо не считается имеющим задолженность до тех пор, пока наличие такой задолженности не будет доказано.

3) *«Достоверность не исчезает с сомнением»*.

Так, человек совершивший омовение для последующего выполнения молитвы при наличии сомнений в том, нарушил он состояние ритуальной чистоты или не нарушил, вправе исходить из того, что не нарушил до тех пор, пока не будет убежден в нарушении.

4) *«Наличие чего-то определяется по его состоянию»* [4, с. 50–51].

В качестве примера применения данного правила можно привести ситуацию, при которой неизвестно, жив человек или мертв: до тех пор, пока не выяснится, что он мертв, человек считается живым.

Имам Ахмад ибн Ханбаль (780–855) является основателем наиболее консервативной исламской религиозно-правовой школы – ханбализма. Представители данного мазхаба призывали придерживаться буквального понимания смысла Корана и Сунны. Чрезмерно широкое применение раци-

ональных методов при выведении правовых норм ханбалитами критиковалось. Тем не менее ханбалиты полностью не отказывались от применения вторичных правовых источников.

Довольно распространенным методом иджтихада является аз-зарайи, активно используемый представителями маликитского и ханбалитского мазхабов. Применение данного метода базируется на том утверждении, что если что-либо является запретным, то и пути, ведущие к запретному, сами по себе также запретны. Так, одним из тяжких с точки зрения ислама грехов и преступлений является прелюбодеяние, запретность которого подтверждается большим количеством аятов Корана и хадисов Пророка. Использование метода аз-зарайи приводит к выводу о запретности действий, потенциально приводящих к совершению этого греха (уединенное нахождение с посторонним лицом противоположного пола и т. п.).

Существуют и иные методы иджтихада, на которых нет возможности подробно останавливаться ввиду ограниченности объема настоящей статьи.

Толкование права в исламской правовой семье можно представить в виде последовательности нескольких этапов.

Действия на первом этапе различаются в зависимости от статуса правоведа. Если он обладает необходимой компетенцией и является муджтахидом, то на первом этапе он занимается изучением правовых текстов, сбором и оценкой аргументации в пользу того или иного решения. Если же у правоведа недостаточно навыков для непосредственного толкования первоисточников, то он обращается с возникшим вопросом к муджтахиду. Обращение может быть как в форме получения консультации у муджтахида-современника, так и в форме изучения результатов иджтихада правоведов более раннего периода [6, с. 205].

Второй этап толкования характеризуется формулированием выводов на основании оценки сформированной аргументации.

Наконец, на третьем этапе правоведа фиксирует и оформляет свои выводы. Подобная фиксация может быть как в форме судебного решения, если в качестве толкователя выступает судья по конкретному спору, так и в форме фетвы (ответа на частный религиозно-правовой вопрос) или правовой научной работы.

Мусульманские правоведы при интерпретации религиозно-юридических текстов пользуются основными способами толкования – грамматическим (исследование текста с точки зрения особенностей арабского языка), историческим (изучение правовых норм с учетом исторических событий, в контексте которых эти нормы были ниспосланы и сформулированы), систематическим (толкование юридических предписаний с учетом особенностей исламской теологии, морали и т. п.) и логическим (интерпретация норм с учетом законов логики). При этом, как справедливо отмечает Ю. В. Недилько, основным способом толкования мусульманского права является

систематический [7], поскольку исламское право, будучи религиозной правовой семьей, не может противоречить основам мусульманской религии, положения которой в обязательном порядке должны учитываться интерпретатором в процессе толкования.

Отдельно стоит отметить еще одну очень важную особенность толкования в мусульманской правовой семье. Дело в том, что результатом иджтихада с точки зрения исламского права является мнение, которое не считается категорическим (за исключением судебных решений). При этом сформулированное мнение признается вероятностным и не является абсолютно истинным знанием. Толкователь может менять свое мнение в дальнейшем, если после дополнительного изучения вопроса придет к выводу о том, что альтернативное решение проблемы базируется на более сильных с точки зрения первоисточников исламского права аргументах.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что главными особенностями толкования в мусульманской правовой семье являются специальный субъектный состав интерпретаторов (муджтахиды, правоведы-немуджтахиды), особые методы толкования (кияс, истихсан, истислах, истисхаб, аз-зарайи и др.), способы толкования (ключевой – систематическое), особая последовательность действий при толковании правовых норм, а также отношение к результату толкования как к вероятностному мнению, не застрахованному от различного рода ошибок.

Ссылки

1. Теория государства и права в вопросах и ответах: учебное пособие. Изд. второе, исправленное и доработанное / А. Ф. Колотов, О. С. Вырлеева-Балаева, В. Н. Симонов [и др.]. Оренбург: Университет, 2013. 233 с.

2. Халляк В. История исламских теорий права: введение в суннитскую теорию права : учеб. пособие / пер с англ. И. А. Царегородцевой; под науч. ред. И. Л. Алексеева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 464 с.

3. Муромцев Г. И. Мусульманское право в контексте правогенеза // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 80–106. DOI 10.17323/2072-8166.2021.1.80.106

4. Атар Ф. Основы теории и методологии фикха. М.: Мир знаний, 2019. 148 с.

5. Роэ М. Исламское право: история и современность / пер. с нем. А. Мухаматчиной; науч. ред. М. Кудратов; под общ. ред. Д. Мухетдинова. М.: Медина, 2019. 576 с.

6. Weiss B. Interpretation Inlslamic Law: The Theory of Ijtihād // The American Journal of Comparative Law. 1978. Vol. 26, No. 2. P. 199-212. DOI 10.2307/839668

7. Недилько Ю. В. Формирование основных способов и правил толкования Корана как источника мусульманского права в период Средневековья // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1. С. 21-25. EDN TTHSON

Foreign studies of simulation training in professional teacher education: literature review

E. V. Koneva¹, G. O. Roschina²

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

²K. D. Ushinsky Yaroslavl state Pedagogical University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-474-483

Research article
Full text in Russian

Simulation teaching methods are actively used in the training of doctors and in clinical practice, but in the context of higher pedagogical education, their large-scale consideration began relatively recently. It is important to integrate the experience of business and role-playing games, the potential of the case method and the capabilities of virtual spaces to create a cognitive and communicative learning environment for teachers working with different student populations. The article presents foreign publications devoted to these problems.

Keywords: simulation training; cases; modeling; role-playing games; inclusive classes

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koneva, Elena V. | E-mail: ev-kon@yandex.ru
D. Sc. (Psychology), Associate Professor

Roschina, Galina O. | E-mail: g.roschina2020@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Зарубежные исследования симуляционного обучения в профессиональном образовании педагогов: литературный обзор

Е. В. Конева¹, Г. О. Рощина²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

²Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-474-483
УДК 378; 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Симуляционные методы обучения активно применяются в подготовке врачей и в клинической практике, но в контексте высшего педагогического образования их масштабное рассмотрение началось относительно недавно. Важно интегрировать опыт деловых и ролевых игр, потенциал метода кейсов и возможности виртуальных пространств для создания когнитивной и коммуникативной среды обучения педагогов, работающих с различным контингентом учащихся. В статье представлены зарубежные публикации, посвященные этим проблемам.

Ключевые слова: симуляционное обучение; кейсы; моделирование; ролевые игры; инклюзивные классы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Конева, Елена Витальевна | E-mail: ev-kon@yandex.ru
Доктор психологических наук, доцент, заведующий
кафедрой общей психологии

Рощина, Галина Овсеповна | E-mail: g.roschina2020@mail.ru
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры медико-
биологических основ дефектологии и теории логопедии

Введение

В теории и практике высшего образования зарубежных стран более 50 лет разрабатываются, используются, оцениваются симуляторы. В XXI веке симуляционное обучение занимает в образовании всё большее место. Количество академических публикаций, касающихся обуче-

ния специалистов с использованием симуляторов и симуляционных моделей, постоянно увеличивается.

Современное состояние разработанности темы

Общепринятых определений образовательной симуляции или ее многочисленных вариаций не существует. В нашей интерпретации образовательные симуляции представляют собой последовательные аудиторские мероприятия по принятию решений, в ходе которых учащиеся выполняют распределенные роли для решения задач, специфичных для конкретной дисциплины, в среде, моделирующей реальность в соответствии с рекомендациями преподавателя. Данная формулировка, однако, требует уточнения, поскольку она недостаточно дифференцирует симуляционное обучение как инновационную технологию от известных и традиционно используемых в образовании деловых и ролевых игр.

На наш взгляд, наряду с общими чертами, характеризующими названные обучающие технологии, в симуляционном обучении присутствует некоторая специфика по сравнению с деловыми и ролевыми играми. Во-первых, широко используемое в нём компьютерное оснащение обеспечивает вариативность моделей, сценариев, комбинаций условий на протяжении одной сессии (условно – одного урока). Во-вторых, дидактика симуляционного обучения предусматривает большое внимание, уделяемое наблюдателям, то есть аудитории, которая непосредственно не участвует в выполнении заданий, однако также приобретает необходимые для практической работы компетенции [1].

Аналогичным образом необходимо обозначить связь симуляционного обучения с методом кейсов. Кейсы в то или иной форме являются необходимой составляющей симуляционного обучения, однако в нём они выступают как часть развернутого дидактического сценария, включающего, помимо собственно рассмотрения практических ситуаций, планирование, рефлекссию, адаптацию приобретенных когний к аналогичным ситуациям.

Симуляционное обучение основано на создании образовательной среды, которая не содержит факторов риска для обучающихся и предлагает значительные возможности для выполнения практических заданий в контролируемых условиях эффективного образовательного климата [2]. Данные инструменты обучения позволяют преподавателям интегрировать несколько целей обучения в единый процесс, мотивируют студентов, развивают интерактивные и коммуникативные навыки, а также связывают знания и теорию с практическим применением [3].

В образовательной симуляции учителя облегчают деятельность учащихся – общение является интерактивным и ориентированным на учащихся, а мера эффективности определяется знаниями, навыками и умениями, которые учащиеся извлекают из своего опыта моделирования. Оценка этого обучения происходит не во время окончательного итогового экзамена,

основанного на содержании, а во время подведения итогов имитационного моделирования [4].

Технологические разработки, 3D-модели и симуляционные приложения используются как в вузовской подготовке, так и при повышении квалификации в таких областях, как медицина [5–7], политология [8–9], научно-техническая деятельность [10–11], педагогика [12–13], в том числе в условиях инклюзии [14]. В 2020 году пандемия COVID-19, которая распространилась по всему миру, привела к широкому применению цифровых платформ в обучении учителей.

Точка зрения о безусловных преимуществах симуляционного обучения, однако, подвергается сомнению. По крайней мере, есть основания полагать, что эти преимущества ограничены [14].

Зарубежная научная литература, посвященная симуляционному обучению, тематически делится на несколько категорий.

Одна из них – разработка теоретических основ симуляционного обучения. Значительная часть работ этого направления принадлежит Д. А. Колбу, американскому теоретику обучения взрослых [15–18].

Д. Колб признает основополагающий вклад Пиаже, Левина и Дьюи в ELT (Experiential learning theory), называя этих ученых выдающимися интеллектуальными предками теории экспериментального обучения. Хотя исследования Пиаже на протяжении всей жизни были сосредоточены на детях, Дэвид Колб опирается на описание Пиаже процессов когнитивного развития и их роли в обучении и образовании. Колб подчеркивает важность теории Пиаже, согласно которой интеллект не является врожденной внутренней характеристикой личности, а возникает как продукт взаимодействия человека со своим окружением, формируется под влиянием опыта. Пиаже характеризовал этот процесс как воздействие на структуру интеллекта со стороны физической среды и отмечал, что опыт объектов, физической реальности, очевидно, играет роль базового фактора в развитии когнитивной структуры. Аналогичным образом, конкретные знания о новых процедурах и подходах к взаимодействию профессионалов с клиентами и коллегами возникают в результате их опыта в симуляционных центрах.

Дэвид Колб характеризует симуляционное обучение (на примере подготовки педагогов к работе с детьми, имеющими особые образовательные потребности – ООП) как четырехэтапный цикл:

- 1-й этап. Студент участвует в «конкретном опыте», например моделируемой встрече с ребенком, имеющим ООП, а также компонентах этого опыта;
- 2-й этап. Тестирование выработанных концепций в новой ситуации;
- 3-й этап. Обсуждение результатов;
- 4-й этап. Формирование обобщений.

В результате первого этапа учащиеся разрабатывают свою внутреннюю операционную модель непосредственного взаимодействия с ребенком с ООП.

На последующих этапах учащиеся тестируют свою операционную модель в новой ситуации (еще одна симуляция или реальный практический эпизод), что приводит к получению дополнительного конкретного опыта, и цикл повторяется до тех пор, пока учащийся не достигнет мастерства.

Даже в своих самых ранних работах Д. Колб подчеркивал важность четырех основных качеств обучающегося, необходимых для достижения успеха в рамках цикла. К ним относятся стремление приобрести конкретный опыт, умение размышлять и наблюдать, способность к абстрактной концептуализации, вовлеченность во взаимодействие с окружением.

Технология обучения Д. Колба построена на шести положениях:

1. Обучение лучше всего рассматривать как процесс, а не как результат;
2. Любое обучение — это переобучение, поскольку убеждения и идеи исследуются, проверяются, затем интегрируются с новыми, более совершенными идеями;
3. Обучение требует чередования периодов размышлений, действий, чувств и размышлений;
4. Обучение — это целостный процесс, который включает интегрированное функционирование психики человека — мышления, чувств, восприятия и поведения;
5. Обучение является результатом взаимодействия между человеком и окружающей средой, усвоения нового опыта;
6. Обучение — это процесс создания знаний [18].

Другая проблема, рассматриваемая в публикациях, связана с разработкой сценариев для занятий. Основное требование, предъявляемое к этим разработкам — отражение в них целей обучения. В таблице 1 представлено соотношение некоторых целевых параметров и особенностей сценариев симуляционного обучения, рассмотренных в контексте обеспечения достижения целей.

Существует и доказывается также та точка зрения, что для обеспечения максимальной эффективности обучения учащиеся должны разрабатывать свои собственные симуляционные сценарии, а не только участвовать в них в качестве ролевых игроков. Образовательный эффект для обучающихся, не выполняющих ролевые задания, но выступающих в роли «дизайнеров», даже выше, чем для «ролевых» участников [1].

Соотношение целей обучения и возможностей симуляционных методов

Цели	Возможности
1. Развитие навыков	Моделирование обеспечивает реалистичные сценарии, которые позволяют учащимся развивать практические навыки в своей области, включая критическую оценку, решение проблем, коммуникацию, оценку и управление [19–20].
2. Приобретение знаний	Доказано, что моделирование улучшает понимание учащимися учебного материала в классе [21–22] и в клинических условиях [23]. Моделирование, которое направлено на расширение знаний учащихся, должно быть сосредоточено на подготовительном этапе обучения, чтобы создать основу для последующих этапов [19].
3. Вовлеченность студентов	Было показано, что симуляции увеличивают вовлеченность учащихся в учебный процесс [24]. Моделирование предоставляет студентам возможность взаимодействовать друг с другом, поскольку они погружаются в деятельность, которая способствует сотрудничеству. Эти взаимодействия развивают социальную сеть и систему поддержки сверстников в классе, обогащая командные компетенции студентов.
4. Обеспечение переноса и реального применения	Одним из преимуществ симуляционного обучения является возможность поставить студентов в ситуацию, с которой они могут столкнуться на карьерном пути в рамках своей области обучения. Например, использование моделирования пациентов для студентов, получающих медицинские профессии [25].

Предметом рассмотрения ученых, занимающихся проблематикой симуляционного обучения, являются также формы организации данного процесса. Предлагаются следующие варианты:

- моделирование коротких фрагментов деятельности (например, быстрые, аварийные сценарии), которые могут быть выполнены в рамках отдельных сеансов [26];
- формат «Иммерсивный персонаж /Ролевая игра» – для более длительных временных рамок (многодневного моделирования).

Ролевые симуляции позволяют студентам погружаться в фиктивный процесс или событие и представлять свою роль от первого лица. Эти симуляции часто требуют нескольких сеансов для создания полного погружения [1].

Различные жанры моделирования более подходят для разных размеров классов. Например, гораздо легче обеспечить материалами основанные на персонажах дискуссионные группы, дебаты и клиническую практику в небольших классах, в то время как более крупные классы могут справляться со сложными ролевыми действиями или виртуальными симуляциями, которые могут быть завершены на персональном компьютере (т. е. игры, научные лаборатории или любые загружаемые моделируемые симуляции) [27].

Уровень обучения – другая важная детерминанта выбора формата сценариев. В процессе моделирования, предназначенного для студентов университетов первого и второго курсов, предлагаются проблемы, отличные от тех, которые используются в старших или выпускных классах, где студенты имеют всесторонние исследовательские, письменные и аналитические навыки, которые помогают им, в процессе моделирования, полностью раскрыть свой потенциал. Вопрос выбора формата моделирования для студентов первого или второго курса требует рассмотрения, и для того, чтобы это моделирование было успешным, необходимо много фундаментальных знаний. Заслуживает внимания идея разработки простых по структуре моделей, работа с которыми требует небольшого объема знаний и небольших временных затрат [28].

Тенденции развития теории и практики симуляционного обучения

Одно из новых направлений зарубежных исследований связано с анализом результатов применения в практике симуляционного обучения различных вариантов виртуальной среды. Кроме того, ей уделяется всё большее внимание в связи с подготовкой педагогов к работе с детьми с особыми образовательными потребностями. Включение детей с инвалидностью в регулярные школы требует, чтобы преподаватели общего класса имели базовые навыки в воспитании учеников с различными потребностями и способностями. Симуляционному обучению принадлежит немалая роль в формировании соответствующих компетенций [23, 29].

Симуляционные методы обучения уже признаны устоявшимся компонентом подготовки будущих специалистов для инклюзии. Зарубежными исследователями было показано, что они недороги и экономически эффективны и связаны с убедительным улучшением результатов обучения студентов в случае подготовки к редко встречающимся неотложным дефектологическим ситуациям высокого риска у детей с расстройствами аутистического спектра (РАС), синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), тяжелыми и множественными нарушениями развития (ТМНР).

В исследовании, проведенном С. Rayner, А. Fluck [30], рассмотрена перспектива использования будущими учителями программного обеспечения simSchool. В рамках исследования были организованы двухчасовые

онлайн-сеансы, направленные на работу с разнообразным нозологическим составом детских коллективов и при различных образовательных потребностях учеников. Особое место занимают симуляционные сценарии с виртуальными обучающимися, имеющими расстройства аутистического спектра. Полученные данные свидетельствуют о том, что SimSchool обладает значительным потенциалом, и это особенно важно для сельских школ, которые сталкиваются с ограничениями в обучении детей с ООП и сохранением квалифицированных учителей и специального учебного персонала.

Программное обеспечение с использованием приложения simSchool и аналогичных компьютерных средств получило распространение при обучении педагогов и инклюзивных классов, и классов, включающих детей с «проблемным» поведением [31–32]. Так, D. Deale и R. Pastore [14] сосредоточились на изучении эффективности simSchool с использованием веб-симуляции, предназначенной для имитации реакций педагогов на различные ситуации, возникающие в инклюзивном классе. Согласно результатам исследования R. Christensen et al., студенты с помощью динамического симулятора simSchool приобрели ощущение инструкционной самоэффективности (уверенность в своей эффективности) в работе с учащимися, имеющими инвалидность [33]. Опыт виртуальной реальности улучшил скорость и эффективность реакции участников в управлении сложным поведением учеников с ООП [32].

Заключение

Таким образом, зарубежные публикации позволяют охарактеризовать симуляционное обучение как образовательную технологию, входящую в круг активных методов обучения, сочетающую положительный опыт ролевых и деловых игр, метода кейсов и возможностей современных цифровых платформ. За счет включения в сессии дебатов, дискуссий, рефлексивных элементов достигается высокая степень качественного разнообразия форм и вариантов. При наличии квалифицированного внешнего управления процессом обеспечивается системный эффект, оказывающий существенное влияние на качество обучения.

Ссылки

1. Druckman D., Ebner N. Games, claims, and new frames: Rethinking the use of simulation in negotiation education // *Negotiation Journal*. 2013. Vol. 29, No. 1. P. 61–92.
2. A mixed reality simulation offers strategic practice for pre-service teachers / T. Dalinger [et al.] // *Computers & Education*. 2020. Vol. 144. P. 103–696.
3. McGinn S. E. Review of *Using Simulations to Promote Learning in Higher Education: an Introduction*, by John P. Hertel and Barbara J. Millis. 2003. 182 p.
4. Lederman L. C. Debriefing: a critical reexamination of the postexperience analytic process with implications for its effective use // *Simulation & Games*. 1984. Vol. 15, No. 4. P. 415–431. DOI 10.1177/0037550084154002

5. An innovative model for teaching and learning clinical procedures / R. Kneebone [et al.] // *Medical education*. 2002. Vol. 36, No. 7. P. 628–634.
6. Lateef F. Simulation-based learning: Just like the real thing // *Journal of emergencies, trauma, and shock*. 2010. Vol. 3, No. 4. P. 348–352.
7. Reese C. E., Jeffries P. R., Engum S. A. Learning together: Using simulations to develop nursing and medical student collaboration // *Nursing education perspectives*. 2010. Vol. 31, No. 1. P. 33–37.
8. Asal V., Blake E. L. Creating simulations for political science education // *Journal of Political Science Education*. 2006. Vol. 2, No. 1. P. 1–18.
9. Weidenfeld M. C., Fernandez K. E. Does reacting to the past increase student engagement? An empirical evaluation of the use of historical simulations in teaching political theory // *Journal of Political Science Education*. 2017. Vol. 13, No. 1. P. 46–61.
10. Brigas C. J. Modeling and simulation in an educational context: Teaching and learning sciences // *Research in Social Sciences and Technology*. 2019. Vol. 4, No. 2. P. 1–12.
11. De Jong T., Linn M. C., Zacharia Z. C. Physical and virtual laboratories in science and engineering education // *Science*. 2013. 340(6130). P. 305–308. DOI 10.1126/science.1230579
12. Hopper S. The heuristic sandbox: Developing teacher know-how through play in simSchool // *Journal of Interactive Learning Research*. 2018. Vol. 29, No. 1. P. 77–112.
13. Yilmaz O., Hebecci M. T. The Use of Virtual Environments and Simulation in Teacher Training // *International Journal on Social and Education Sciences*. 2022. Vol. 4. P. 446–457.
14. Deale D., Pastore R. Evaluation of simSchool: An instructional simulation for pre-service teachers // *Computers in the Schools*. 2014. Vol. 31, No. 3. P. 197–219.
15. Kolb D. A. Management and the learning process // *California management review*. 1976. Vol. 18, No. 3. P. 21–31.
16. Kolb D. A., Boyatzis R. E., Mainemelis C. *Experiential learning theory: Previous research and new directions* // *Perspectives on thinking, learning, and cognitive styles*. Routledge, 2014. P. 227–247.
17. Kolb A. Y., Kolb D. A. Learning styles and learning spaces: Enhancing experiential learning in higher education // *Academy of management learning & education*. 2005. Vol. 4, No. 2. P. 193–212.
18. *The Kolb learning style inventory* / D. A. Kolb [et al.]. Boston, MA: Hay Resources Direct, 2007. 233 p.
19. Asal V., Blake E. L. Creating simulations for political science education // *Journal of Political Science Education*. 2006. Vol. 2, No. 1. P. 1–18.
20. Simulation-based training is superior to problem-based learning for the acquisition of critical assessment and management skills / R. H. Steadman [et al.] // *Critical care medicine*. 2006. Vol. 34, No. 1. P. 151–157.

21. Andonova L. B., Mendoza-Castro R. The next climate treaty? Pedagogical and policy lessons of classroom negotiations // *International Studies Perspectives*. 2008. Vol. 9, No. 3. P. 331–347.
22. Virtual transgenics: Using a molecular biology simulation to impact student academic achievement and attitudes / R. Shegog [et al.] // *Research in Science Education*. 2012. Vol. 42. P. 875–890.
23. What can we learn from simulation-based training to improve skills for end-of-life care? Insights from a national project in Israel / M. Brezis [et al.] // *Israel Journal of Health Policy Research*. 2017. Vol. 6. P. 1–9.
24. Weidenfeld M. C., Fernandez K. E. Does reacting to the past increase student engagement? An empirical evaluation of the use of historical simulations in teaching political theory // *Journal of Political Science Education*. 2017. Vol. 13, No. 1. P. 46–61.
25. Patient outcomes in simulation-based medical education: a systematic review / B. Zendejas [et al.] // *Journal of general internal medicine*. 2013. Vol. 28. P. 1078–1089.
26. Rutten N., Van Joolingen W. R., Van Der Veen J. T. The learning effects of computer simulations in science education // *Computers & education*. 2012. Vol. 58, No. 1. P. 136–153.
27. Simulation models in education / Stančić H. [et al.]. 2007. P. 469–481.
28. Baranowski M. Single session simulations: The effectiveness of short congressional simulations in introductory American government classes // *Journal of Political Science Education*. 2006. Vol. 2, No. 1. P. 33–49.
29. Adl-Amini K., Meßner M. T., Hardy I. A simulation game for placement decision-making: fostering reflection and belief change about inclusion in teacher education // *International Journal of Inclusive Education*. 2024. No. 1. P. 1–17.
30. Rayner C., Fluck A. Pre-service teachers' perceptions of simSchool as preparation for inclusive education: a pilot study // *Asia-Pacific Journal of Teacher Education*. 2014. Vol. 42, No. 3. P. 212–227.
31. Ciasullo A. Universal Design for Learning: the relationship between subjective simulation, virtual environments, and inclusive education // *Research on Education and Media*. 2018. Vol. 10, No. 1. P. 42–48.
32. Chen C. Y. Immersive virtual reality to train preservice teachers in managing students' challenging behaviours: A pilot study // *British Journal of Educational Technology*. 2022. Vol. 53, No. 4. P. 998–1024.
33. SimSchool: An online dynamic simulator for enhancing teacher preparation / R. Christensen [et al.] // *International Journal of Learning Technology*. 2011. Vol. 6, No. 2. P. 201–220.

Features of the structural organization of emotional intelligence of men and women – managers of public catering enterprises with different levels of severity of mental burnout

A. V. Chemakina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-484-495

Research article
Full text in Russian

The paper presents the problem of the relationship between emotional intelligence and mental burnout (based on the material of employees of catering enterprises – men and women). Based on the structural and psychological analysis, it was found that the differences in the structures of the studied qualities are differentiated by gender. A high level of systemic organization of indicators of emotional intelligence in men negates the devastating effects of mental burnout syndrome. The developed structure of indicators of emotional intelligence in the group of women exacerbates mental burnout.

Keywords: emotional intelligence; mental burnout; men and women – employees of public catering enterprises

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Chemyakina, Anna V. | E-mail: anyachemy@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Особенности структурной организации эмоционального интеллекта мужчин и женщин – сотрудников предприятий общественного питания с разным уровнем выраженности психического выгорания

А. В. Чемякина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-484-495
УДК 159.99

Научная статья
Полный текст на русском языке

В работе представлена проблема взаимосвязи эмоционального интеллекта и психического выгорания (на материале работников предприятий общественного питания – мужчин и женщин). На основе структурно-психологического анализа было обнаружено, что различия в структурах исследуемых качеств дифференцированы по признаку пола. Высокий уровень системной организации показателей эмоционального интеллекта у мужчин нивелирует разрушительное воздействие синдрома психического выгорания. Развитая структура показателей эмоционального интеллекта в группе женщин усугубляет психическое выгорание.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; психическое выгорание; мужчины и женщины – сотрудники предприятий общественного питания

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чемякина, Анна Вадимовна | E-mail: anyachemy@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Введение. Концепция эмоционального интеллекта – относительно молодое направление психологической науки. К настоящему времени в системе научного знания выделяется ряд концепций, рассматривающих проблему взаимодействия эмоций и интеллекта как конструктивную адаптивную систему личности. В работах В. Д. Шадрикова акцентируется внимание на двух взаимосвязанных функциях эмоций: функции эмоций как формирования сознания и функции эмоций как механизма формиро-

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

вания внутренней реальной человеческой жизни [1]. Следовательно, роль эмоций заключается в формировании всей внутренней психической жизни субъекта. Переживания входят в любой психический процесс. Ощущения, восприятия, представления мысли субъекта всегда несут в себе и компонент переживаний. Именно поэтому переживания могут стать основой для объединения всех психических процессов, всей внутренней психической жизни. Переживания выступают системным фактором внутренней психической жизни, основой для ее проявления в личностном «Я». При этом одни чувства могут усиливать другие, складываясь в нечто целостное, характеризующее эмоциональную сферу человека в конкретный момент времени. Будучи осознанными переживаниями, развивающимися на основе определенных физиологических механизмов, чувства могут отделяться от потребностей, их породивших, и жить самостоятельно. Таким образом, можно предположить, что эмоции входят в состав внутреннего мира человека наравне с интеллектом, который, согласно модели интеллекта В. Д. Шадрикова, развивается на протяжении всей человеческой жизни вместе с развитием самого внутреннего мира. «Действие ума, особенно в социальном поведении, мотивируется и контролируется моралью. Мораль и совесть взаимосвязаны с эмоциями. В этом случае эмоции по отношению к умственным действиям выступают как причина, а не как следствие. Эмоции могут порождать новые идеи. Есть определенные основания говорить и об эмоциональном мышлении» [1].

В последние годы в отечественной психологии появился ряд работ (Д. В. Люсин, Е. А. Сергиенко, Д. В. Ушаков, И. Н. Андреева, С. С. Белова и др.), направленность и содержание которых убедительно свидетельствуют о заметном росте научной актуальности и большой практической значимости исследований в данной области. Наибольшее количество зарубежных исследований посвящены вопросу взаимосвязи высокого уровня эмоционального интеллекта (далее – ЭИ) с успехом в жизнедеятельности человека, в частности в бизнесе и карьере. Исследования в области эффективности социального взаимодействия указывают на то, что люди с высоким уровнем развития ЭИ имеют тенденцию быть более социально ответственными, иметь лучшее качество отношений, также они более восприимчивы, чем те, чей уровень развития эмоционального интеллекта ниже [2–3]. Высокий уровень развития эмоционального интеллекта предсказывает лучшие социальные результаты, низкий уровень развития эмоционального интеллекта у человека с большей вероятностью прогнозирует межличностные конфликты и ситуации дезадаптации.

Также не снижается актуальность исследования проблемы психического выгорания личности. Следует отметить, что данный синдром является самой тяжелой формой профессиональной деструкции и относится к числу феноменов личностной деформации. Выгорание опасно тем, что оно представляет собой не эпизод, а конечный результат «сгорания дотла» [4]. Один

из ведущих специалистов Ярославской психологической школы В. Е. Орел, изучавший проблему психического выгорания в русле системного подхода, указывал, что психическое выгорание можно отнести в большей степени к случаям полного профессионального регресса, поскольку оно затрагивает личность в целом, разрушая её и оказывая негативное влияние на эффективность трудовой деятельности [5]. Следовательно, выгорание несет угрозу не только субъекту деятельности, «зараженному» синдромом, но и организации, а в более широком смысле – и обществу в целом.

В нашем исследовании в качестве респондентов была опрошена группа работников предприятий общественного питания (сети ресторанов «Вкусно – и точка»). Данный вид профессионального труда является уникальным, поскольку его затруднительно отнести к определенному субъект-объектному или субъект-субъектному классу деятельности. Дело в том, что предметом профессиональных воздействий работников данной сферы являются как неодушевленные материальные объекты (оборудование, продукты, собственно приготовление еды и т. д.), так и «одушевленные» субъекты – другие люди. Эта синтетичность, двойственность данного вида профессиональной деятельности, на наш взгляд, обладает большей стрессогенностью, повышенным напряжением, моральной и физической напряжённостью. В этой связи, по нашему мнению, актуальным является проведение исследования, направленного на выявление психического выгорания у работников, чья деятельность является высокострессогенной, нахождение уровня развитости показателей эмоционального интеллекта в указанной группе, определение взаимосвязей указанных параметров, а также дифференциация исследуемой группы специалистов по признаку пола.

Целью исследования стало раскрытие взаимосвязи эмоционального интеллекта и психического выгорания. В качестве **объекта исследования** обозначены эмоциональный интеллект и феномен психического выгорания. **Предметом исследования** является специфика взаимосвязи эмоционального интеллекта и психического выгорания у работников предприятий общественного питания. **Гипотеза** исследования состояла в предположении, согласно которому существует взаимосвязь между индивидуальной мерой выраженности эмоционального интеллекта и показателями психического выгорания у работников предприятий общественного питания. Общая гипотеза была конкретизирована в **частной**: существуют значимые различия во взаимосвязях эмоционального интеллекта и показателях психического выгорания у работников предприятий общественного питания, дифференцированных по признаку пола.

Методы исследования. При сборе данных в работе использовались общепсихологические методы проведения исследования: теоретический анализ проблемы, личностные психодиагностические методики. В качестве психодиагностического метода для определения индивидуальной меры выраженности эмоционального интеллекта была применена Методика опре-

деления индивидуальной меры выраженности эмоционального интеллекта (опросник Д. В. Люсина); для выявления синдрома психического выгорания использован Опросник психического выгорания для работников социальных профессий (В. Е. Орёл, И. Г. Сенин). Общая выборка испытуемых составила 180 человек. Респондентами стали работники сети ресторанов общественного питания «Вкусно – и точка»: мужчины (91 человек) и женщины (89 человек) г. Ярославля и г. Москвы. Средний возраст выборки – 22 года.

Интерпретация полученных результатов проводилась на аналитическом и структурном уровнях. При интерпретации на аналитическом уровне применен расчет среднеквадратического (стандартного) отклонения для каждой подгруппы (мужчины и женщины). При интерпретации на структурном уровне использован метод структурно-психологического анализа.

Основные результаты. На первом этапе исследования выборка была разделена на две группы: с высокими, средними и низкими показателями выгорания. Расчеты осуществлялись отдельно для каждой из подгрупп (мужчин и женщин).

В первую группу вошли те респонденты, чьи значения превышают среднюю величину не менее чем на $1/2$ стандартного отклонения, во вторую группу – те, чьи значения не менее чем на $1/2$ стандартного отклонения ниже средней величины. Таким образом, были образованы три группы мужчин и три группы женщин с высокими, средними и низкими показателями выгорания. Такая же процедура была проведена для разделения выборки по показателям эмоционального интеллекта. Были образованы три группы респондентов с высокими, средними и низкими показателями. В дальнейшем все, кто оказался в зоне средних величин, $M \pm 1/2\sigma$, выпадают из последующих сопоставлений.

При интерпретации данных на структурном уровне анализировались матрицы интеркорреляций и структурограммы (коррелограммы) личностных качеств. Процедура анализа матриц интеркорреляций и коррелограмм включала следующие этапы: подсчет индекса когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и общей организованности (ИОС) структуры. Используемая процедура обработки и анализа структур разработана А. В. Карповым и была неоднократно эмпирически апробирована. Индекс когерентности структур индивидуальных качеств (ИКС) определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и меры их значимости, индекс дивергентности (ИДС) – как функция числа и значимости отрицательных связей в структуре, индекс общей организованности (ИОС) – как функция общего количества связей и их значимости. При этом связям, значимым при $p \leq 0,001$, приписывается весовой коэффициент 3 балла; связям, значимым при $p \leq 0,01$ – весовой коэффициент 2 балла; связям, значимым при $p \leq 0,05$, – весовой коэффициент 1 балл.

Для определения взаимодействия изучаемых качеств (эмоционального интеллекта и показателей психического выгорания) были построены структурограммы показателей эмоционального интеллекта в группах «выгоревших» и «невыгоревших» респондентов (см. рис. 1–4).

При оценивании развитости структурных индексов было выявлено, что уровень системной организации эмоционального интеллекта мужчин с низким уровнем выгорания выше, чем у мужчин с высоким уровнем выгорания (см. табл. 1).

В структурограмме компонентов эмоционального интеллекта у мужчин с высокими показателями выгорания видно, что наибольшим структурным весом обладает шкала «Общий уровень эмоционального интеллекта», на втором месте по уровню значимости представлены шкалы «Понимание своих эмоций», «Межличностный эмоциональный интеллект», «Понимание эмоций», на третьем месте находится шкала «Управление эмоциями».

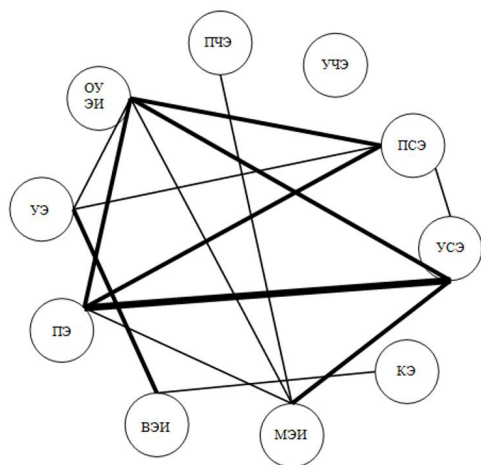

Рис. 1. Структурограмма компонентов эмоционального интеллекта в группе мужчин с высокими показателями выгорания

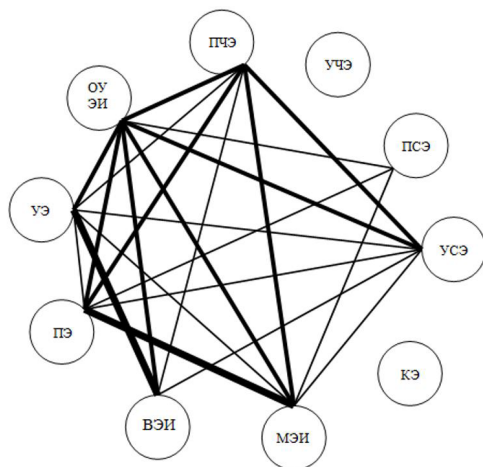

Рис. 2. Структурограмма компонентов эмоционального интеллекта в группе мужчин с низким уровнем выгорания

Обозначения: ПЧЭ – понимание чужих эмоций, УЧЭ – управление чужими эмоциями, ПСЭ – понимание своих эмоций, УСЭ – управление своими эмоциями, КЭ – контроль экспрессии, МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект, ВЭИ – внутриличностный эмоциональный интеллект, ПЭ – понимание эмоций, УЭ – управление эмоциями, ОУЭИ – общий уровень эмоционального интеллекта

———— - связи, значимые при $p \leq 0,001$; ———— - связи, значимые при $p \leq 0,01$; ———— - связи, значимые при $p \leq 0,05$

Шкала «Управление своими эмоциями» обладает наименьшим структурным весом. Синергия шкал: «Общий уровень эмоционального интеллекта», «Понимание своих эмоций», «Межличностный эмоциональный интеллект», «Понимание эмоций», «Управление эмоциями» – показывает, что респонденты данной группы понимают свои и чужие эмоции. На определенном уровне респонденты представленной группы, рефлексировав по поводу собственных эмоций и осознавая, какие эмоции испытывает другой человек, могут справиться с возникающими при межличностном взаимодействии ситуациями. Однако важно помнить, что в структуре данных качеств наименьшим структурным весом обладает шкала «Управление своими эмоциями». В связи с этим мы можем предположить, что представители исследуемой группы осознают свои и чужие эмоции, но контролировать себя при этом могут с трудом.

Таблица 1

**Значения индексов структурной организации
показателей эмоционального интеллекта
в группах мужчин с высокими и низкими показателями выгорания**

Индексы структурной организации	Показатели ЭИ в группах с высоким уровнем выгорания	Показатели ЭИ в группах с низким уровнем выгорания
ИКС	22	35
ИДС	0	0
ИОС	22	35

Анализируя структурограмму компонентов эмоционального интеллекта в группе мужчин с низким уровнем выгорания, мы наблюдаем более мощную структуру и Индекса когерентности, и Индекса общей организованности структуры. В данном случае наибольшим структурным весом обладает шкала «Общий уровень эмоционального интеллекта», на втором месте представлены шкалы «Понимание чужих эмоций», «Управление эмоциями», «Понимание эмоций», «Межличностный эмоциональный интеллект», «Управление своими эмоциями», на третьем месте находятся шкалы «Внутриличностный эмоциональный интеллект» и «Понимание своих эмоций». Выраженность в большей степени шкалы «Уровень эмоционального интеллекта», а также взаимоусиление шкал, относящихся как к пониманию и управлению своими эмоциями, так и к пониманию и управлению чужими эмоциями свидетельствуют о конструктивной роли эмоционального интеллекта, способствующего адаптации личности и снижению деструктивного воздействия психического выгорания на личность. Респонденты исследуемой группы, осознавая собственные эмоции и «считывая» эмоции других, обладают возможностью управлять собственным поведением и избегать сложных ситуаций, возникающих на рабочем месте, а также выстраивать

адаптивные и гибкие способы взаимодействия с клиентами, что позволяет им справляться со стрессовыми ситуациями на рабочем месте.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что уровень системной организации эмоционального интеллекта у мужчин с высоким уровнем выгорания ниже, чем у мужчин с низким уровнем выгорания. Этот результат указывает на адаптивную роль эмоционального интеллекта. Полученные данные свидетельствуют, что чем выше уровень системной организации показателей эмоционального интеллекта, тем в большей степени человек устойчив к разрушительному воздействию профессиональных деструкций – в данном случае синдрому психического выгорания. Действительно, анализируя и контролируя собственные эмоции и эмоции других людей, человек получает возможность не создавать при межличностном взаимодействии конфликтных ситуаций либо избегать их, вырабатывая конструктивные стили взаимодействия с клиентами. Полученные данные подтверждают гипотезу исследования, согласно которой существует взаимосвязь между индивидуальной мерой выраженности эмоционального интеллекта и показателями психического выгорания у работников общественного питания. В данном случае обнаружена взаимосвязь между указанными показателями. Группы с высокими и низким уровнем выраженности выгорания принципиально различаются между собой по показателям эмоционального интеллекта и синдрома психического выгорания.

Анализируя структурограмму компонентов эмоционального интеллекта в группе женщин с высоким уровнем выгорания, мы наблюдаем более мощную структуру Индекса когерентности и Индекса общей организованности по сравнению с показателями ЭИ у женщин с низким уровнем выгорания (см. табл. 2). В группе специальных шкал наибольшим структурным весом обладает шкала «Общий уровень эмоционального интеллекта», на втором по уровню значимости месте представлена шкала «Управление эмоциями», на третьем месте находятся шкалы «Понимание чужих эмоций» и «Внутриличностный эмоциональный интеллект». Шкала «Контроль экспрессии» обладает наименьшим структурным весом. Высокий структурный вес шкал: «Общий уровень эмоционального интеллекта», «Управление эмоциями», «Понимание чужих эмоций» и «Внутриличностный эмоциональный интеллект» – показывает, что структура компонентов эмоционального интеллекта является мощной, интегрированной.

Понимание своих эмоций, управление ими ведет не к конструктивной, а дезадаптивной реакции на внешнее окружение. Получен парадоксальный результат, согласно которому развитая структура показателей эмоционального интеллекта в группе женщин усугубляет психическое выгорание. Наименьшим структурным весом в исследуемой группе обладает шкала «Контроль экспрессии». Эти данные позволяют предположить, что респонденты испытывают затруднения в контроле над внешними про-

явлениями своих эмоций, что согласуется с концепцией выгорания, когда при выраженном синдроме работник испытывает эмоциональную пустоту, находится в депрессивном настроении, ему становится неприятно взаимодействовать с окружающими людьми.

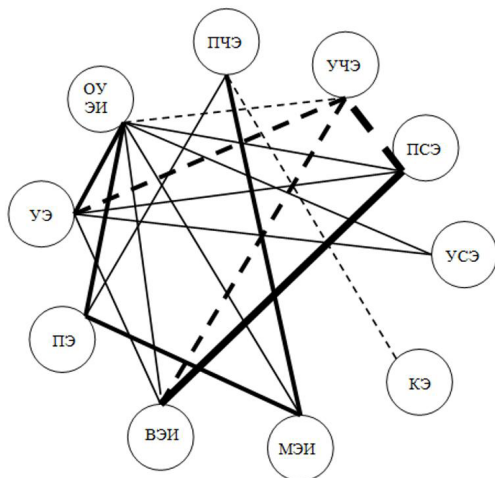

Рис. 3. Структурограмма компонентов эмоционального интеллекта в группе женщин с высоким уровнем выгорания

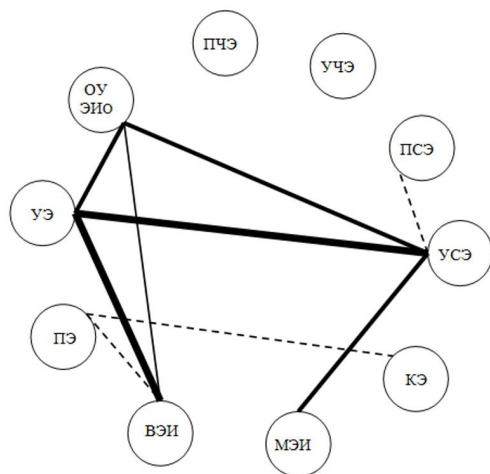

Рис. 4. Структурограмма компонентов эмоционального интеллекта в группе женщин с низким уровнем выгорания

Положительные корреляции: **—————** - связи, значимые при $p \leq 0,001$;
————— - связи, значимые при $p \leq 0,01$; **—————** - связи, значимые при $p \leq 0,05$
 Отрицательные корреляции: **-----** - связи, значимые при $p \leq 0,001$;
----- - связи, значимые при $p \leq 0,01$; **-----** - связи, значимые при $p \leq 0,05$

Это проявляется в нарастании чувства раздражительности и нетерпимости при общении с реципиентами и коллегами и их восприятии только с негативных позиций. Также важно обратить внимание на наличие отрицательных связей в структуре компонентов эмоционального интеллекта у женщин с высоким уровнем выгорания. Отрицательные связи на 1-процентном уровне значимости обнаружены по шкалам: управление эмоциями – управление чужими эмоциями, внутриличностный эмоциональный интеллект – управление чужими эмоциями; на 5-процентном уровне значимости это понимание чужих эмоций – контроль экспрессии. Самая мощная взаимосвязь факторов (при $p \leq 0,001$) обнаружена по шкалам управление чужими эмоциями – понимание своих эмоций, общий уровень эмоционального интеллекта – управление чужим эмоциями. В данном

случае мы можем предположить, что в исследуемой группе у работниц возникают затруднения при взаимодействии с посторонними, клиентами. Осознавая свои эмоции, отношение к реципиентам, работницы испытывают постоянное чувство дискомфорта.

Таблица 2

Значения индексов структурной организации показателей эмоционального интеллекта в группах женщин с высокими и низкими показателями выгорания

Индексы структурной организации	Показатели ЭИ в группах с высоким уровнем выгорания	Показатели ЭИ в группах с низким уровнем выгорания
ИКС	19	13
ИДС	9	3
ИОС	28	16

Чем лучше «выгоревшие» женщины понимают свои эмоции, тем сложнее им контролировать свое отношение к клиентам, и чем лучше представители исследуемой группы понимают чужие эмоции, тем хуже могут управлять собственными.

Анализируя структурограмму компонентов эмоционального интеллекта в группе женщин с низким уровнем выгорания, мы наблюдаем снижение интегрированности всех Индексов по сравнению с показателями эмоционального интеллекта у женщин с высоким уровнем выгорания. ИОС рассматриваемой группы ниже, чем в группе «выгоревших» работниц более чем в 9 раз. В целом структура компонентов эмоционального интеллекта является более «рыхлой», «размытой». Наибольшим структурным весом обладают шкалы «Общий уровень эмоционального интеллекта» и «Управление своими эмоциями», на втором месте представлена шкала «Внутриличностный эмоциональный интеллект», на третьем месте находится шкала «Понимание эмоций». Выраженность в большей степени шкал «Уровень эмоционального интеллекта», а также «Управление своими эмоциями» свидетельствует, что респонденты данной группы способны к удержанию нежелательных эмоций под контролем и поддержанию положительных эмоций. Однако остальные шкалы имеют минимальный структурный вес, что указывает на отсутствие синергии компонентов эмоционального интеллекта в рассматриваемой группе. Индекс дивергентности структуры представлен шкалами: внутриличностный эмоциональный интеллект – понимание эмоций; понимание эмоций – контроль экспрессии; понимание эмоций – управление своими эмоциями. Наличие описанных взаимосвязей с отрицательным значением указывает на дезадаптивное поведение работниц, что также является парадоксальным результатом, требующим дальнейшего осмысления в дополнительных исследованиях, поскольку

ку развитость общего уровня эмоционального интеллекта деструктивно сказывается на возможности управлять чужими эмоциями, осмысление эмоций не позволяет контролировать собственное поведение по отношению к другим и в целом регулировать собственное поведение. В данном случае эмоциональный интеллект не связан с выраженностью синдрома выгорания. Напротив, низкая интегрированность структуры компонентов эмоционального интеллекта позволяет работницам избежать развития данного вида профессиональной деструкции.

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что уровень системной организации эмоционального интеллекта у женщин с высоким уровнем выгорания выше, чем у женщин с низким уровнем выгорания. Данный результат указывает на дезадаптивную роль эмоционального интеллекта в группе женщин, поскольку показатели эмоционального интеллекта в группе «выгоревших» женщин представлены мощной интегрированной структурой. Этот парадоксальный результат указывает на то, что уровень развитости эмоционального интеллекта, осознание собственных и чужих эмоций способствует развитию психического выгорания в исследуемой группе. Полученные данные подтверждают частную гипотезу нашего исследования, согласно которой существуют значимые различия во взаимосвязях эмоционального интеллекта и показателях психического выгорания у работников общественного питания, дифференцированных по признаку пола. В группе мужчин и в группе женщин получены принципиально разные результаты.

Таким образом, полученные данные в рамках структурно-психологического анализа можно обобщить следующим образом:

Проведенный структурно-психологический анализ показал, что в группах мужчин – работников предприятий общественного питания – с низким уровнем выраженности синдрома психического выгорания уровень системной организации эмоционального интеллекта выше, чем у мужчин с высоким уровнем выгорания. Этот результат указывает на адаптивную роль эмоционального интеллекта.

В группе женщин – работниц предприятий общественного питания – уровень системной организации эмоционального интеллекта у женщин с высоким уровнем выгорания выше, чем у женщин с низким уровнем выгорания. Данный результат указывает на дезадаптивную роль эмоционального интеллекта в группе женщин, поскольку показатели эмоционального интеллекта в группе «выгоревших» женщин представлены мощной интегрированной структурой.

В группе мужчин и в группе женщин в рамках структурно-психологического анализа получены принципиально разные результаты. У мужчин взаимосвязь между индивидуальной мерой выраженности эмоционального интеллекта и показателями психического выгорания приводит к снижению деструктивного воздействия синдрома выгорания, у женщин инте-

группированная система показателей эмоционального интеллекта приводит к высокой развитости психического выгорания.

Полученные на структурном уровне данные показывают, что различия в структурах исследуемых качеств (показателей эмоционального интеллекта в группах с высокими и низкими показателями выгорания) дифференцированы по признаку пола.

Заключение. Подводя итоги проведенному исследованию, необходимо подчеркнуть, что в рамках проведенного исследования был обнаружен парадоксальный результат, требующий дальнейшего углубленного исследования взаимосвязей указанных качеств (выгорания и эмоционального интеллекта) и изучения влияния, которое они оказывают на эффективность деятельности. Показатели в рассматриваемых группах (мужчин и женщин) диаметрально противоположны. В группе мужчин с низким уровнем выгорания обнаружен синергетический эффект показателей эмоционального интеллекта. В группе женщин, напротив, показатели эмоционального интеллекта высоко развиты при выраженном состоянии психического выгорания. Данные результаты указывают на адаптивную роль эмоционального интеллекта в группе мужчин. Высокий уровень системной организации показателей эмоционального интеллекта нивелирует разрушительное воздействие синдрома психического выгорания. Напротив, в женской выборке эмоциональный интеллект не связан с выраженностью синдрома выгорания. Низкая интегрированность структуры компонентов эмоционального интеллекта позволяет работницам избежать развития данного вида профессиональной деструкции, а развитая структура показателей эмоционального интеллекта в группе женщин усугубляет психическое выгорание.

Итак, обобщая сказанное, можно подтвердить, что цель исследования, заключающаяся в установлении взаимосвязей между показателями эмоционального интеллекта и психического выгорания у работников предприятий общественного питания, достигнута.

Ссылки

1 Шадриков В. Д. Способности и интеллект человека: монография. М.: Изд-во Современ. гуманитар. ун-та, 2004. 188 с.

2 Карпов А. В., Петровская А. С. Психология эмоционального интеллекта: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2007. 325 с.

3 Сидорова Н. В. Специфика взаимосвязи эмоционального интеллекта и стилей принятия управленческих решений: дис. ... канд. психол. наук / Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2022. 222 с.

4 Орел В. Е. Синдром психического выгорания. Мифы и реальность. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 296 с.

5. Орел В. Е. Синдром психического выгорания личности. М.: Институт психологии РАН, 2005. 330 с.

The conditionality of the sovereignty of the psychological space of the individual by coping strategies and mechanisms of psychological protection for people from single-parent and large families

S. A. Trifonova¹, M. V. Galmak²

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

²ABC Behavioral Analysis Center, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-496-505

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of an empirical study of the relationship between the sovereignty of the psychological space of personality, coping strategies and mechanisms of psychological protection of personality. Respondents who grew up in families with different numbers of children demonstrate the specific features of their coping behaviors and mechanisms of psychological protection in relation to indicators of the sovereignty of the psychological space of the individual.

Keywords: psychological space of personality; sovereignty; mechanisms of psychological protection; coping behavior strategies

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Trifonova, Svetlana A. | E-mail: sv-trif@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Galmak, Maria V. | E-mail: masha_galmak@mail.ru
Graduate

Обусловленность суверенности психологического пространства личности копинг-стратегиями и механизмами психологических защит у выходцев из однодетных и многодетных семей

С. А. Трифонова¹, М. В. Гальмак²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

²Центр Поведенческого Анализа «АВС», Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-496-505
УДК 159.9.07

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи суверенности психологического пространства личности, стратегий совладающего поведения и механизмов психологической защиты личности. Респонденты, выросшие в семьях с разным количеством детей, демонстрируют специфические особенности сложившихся у них способов совладающего поведения и механизмов психологической защиты во взаимосвязи с показателями суверенности психологического пространства личности.

Ключевые слова: психологическое пространство личности; суверенность; механизмы психологической защиты; стратегии копинг-поведения

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трифопова, Светлана Алексеевна | E-mail: sv-trif@mail.ru
Кандидат психологических наук доцент кафедры социальной и политической психологии

Гальмак, Мария Васильевна | E-mail: masha_galmak@mail.ru
Магистр психологии

Введение

В связи с возросшей интенсивностью жизни в современном обществе необходимо обеспечить человеку его личную автономию и наличие своего личного жизненного пространства. Человек оказывается вовлеченным в круговорот разнообразных взаимосвязей, которые формируют определённые правила поведения и образ жизни в этом пространстве отношений. В таких условиях поддержание собственной суверенности возможно лишь при сохранении личностных границ и обретении собственных форм самовыражения и самопредъявления. Психологическое пространство, его из-

мерения, границы и их устойчивость к внешним воздействиям могут рассматриваться как характеристики основных аспектов функционирования человека в социуме, как компоненты структуры личности и как компоненты ее самосознания [1–2].

В каждый момент времени от человека требуется приспособление границ внутреннего психологического пространства под актуальную ситуацию, особенно это касается общения со значимыми другими в семье [3]. Каждая семья, являясь уникальной системой, создаёт возможность отдельному её члену находить в ней социальную поддержку, развиваться и реализовывать собственный потенциал. Количество детей как характеристика семейной системы определяет ее специфическое своеобразие, что влияет на ход личностного развития каждого ребенка. Поэтому вопросы организации психологического пространства, которое создавало бы для всех членов семьи условия, способствующие обретению психологического благополучия, имеют несомненную практическую значимость. Особенности взаимодействия в семье, взаимная отзывчивость, наличие теплых эмоциональных связей между всеми членами семьи, привязанность друг к другу оказывают влияние на суверенность психологического пространства личности в течение всей жизни человека, являясь для него своеобразным образцом построения отношений с другими людьми [4]. Соответственно, в психологическом консультировании семьи очевидна значимость изучения тех механизмов семейной системы, которые формируют психологическое пространство личности, а также создают возможности для развития способности контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство для всех ее членов. Семьи, количественно различные по составу детей, имеют своеобразные внутрисемейные отношения, которые влияют на способности совладания с трудностями. Целостность психологических границ – это один из немногочисленных, а значит, и важных резервов совладающего поведения.

Объект проведенного авторами и описанного в статье эмпирического исследования – психологическое пространство личности. Предмет – суверенность психологического пространства личности, обусловленная спецификой психологических защит и копинговых стратегий у лиц, выросших в однодетных и многодетных семьях. Цель нашего исследования – выявить специфику взаимосвязи между организацией психологического пространства личности и способами совладающего поведения у взрослых, которые были единственным ребенком в семье, и взрослых, выросших с сиблингами.

Выдвинутая нами общая гипотеза предполагает, что существуют различия во взаимосвязи между организацией психологического пространства личности и функционированием способов совладающего поведения у лиц, выросших в однодетных и многодетных семьях. При этом данная общая гипотеза конкретизируется в следующей частной гипотезе: разви-

тость психологических границ (то есть умеренная суверенность психологического пространства, свидетельствующая о сохранном суверенитете личности) положительно коррелирует с активно выраженным функционированием тех механизмов психологической защиты, которые обладают высокой степенью конструктивности (а именно: рационализацией, компенсацией, гиперкомпенсацией), и тех копинговых стратегий, которые рассматриваются как эффективные (а именно: стратегии самоконтроля, поиска социальной поддержки, принятия ответственности, планирования решения проблемы и положительной переоценки), причём такая взаимосвязь характерна для выходцев из семей с разным количеством детей.

Размер выборки исследования – 60 человек в возрасте от 17 до 23 лет; выборка включала равное количество лиц из семей с одним ребенком и многодетных семей (по 30 человек). Каждая из двух исследуемых групп респондентов включала 15 мужчин и 15 женщин.

Методическое обеспечение исследования

Методическое обеспечение исследования: тест-опросник «Суверенность психологического пространства – 2010» (психометрическая проверка С. К. Нартовой-Бочавер), тест-опросник «Индекс личностного стиля» в адаптации Е. С. Романовой, Л. Р. Гребенникова, «Опросник способов совладания» Р. Лазаруса и С. Фолкман (психометрическая адаптация Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой), методы математической статистики.

Результаты исследования. Мы проанализировали и сравнили данные респондентов из многодетных и однодетных семей в соответствии с выдвинутой гипотезой. Наиболее интересные результаты представлены в таблицах 1 и 2. Так, в таблицах 1 и 2 представлены взаимосвязи между умеренным уровнем сформированности суверенности психологического пространства личности, который продемонстрировали респонденты нашей выборки, и показателями отдельных механизмов психологической защиты, характеризующиеся (высокой степенью конструктивности (рационализация, компенсация, гиперкомпенсация).

Таблица 1

Взаимосвязи между показателями уровня выраженности суверенности психологического пространства личности и механизмов психологической защиты для респондентов – выходцев из многодетных семей¹

Параметры	Механизмы психологической защиты у выходцев из многодетных семей (N=30)		
	Проекция	Рационализация	Гиперкомпенсация
Суверенность психологического пространства личности	-0,45**	-0,452**	-0,406**

¹ коэффициент ранговой корреляции *r*-Спирмена, уровень значимости $p \leq 0,05(**)$

Взаимосвязи между показателями уровня выраженности суверенности психологического пространства личности и механизмов психологической защиты для респондентов – выходцев из многодетных семей²

Параметры	Механизмы психологической защиты у выходцев из многодетных семей (N=30)
Суверенность психологического пространства личности	Замещение
	-0,447**

В таблице 3 представлены результаты корреляционного анализа показателей суверенности психологического пространства личности и степени выраженности отдельных копинговых стратегий.

Взаимосвязь между показателями уровня выраженности суверенности психологического пространства личности и степени выраженности отдельных копинговых стратегий³

Параметры	Выходцы из многодетных семей	Выходцы из однодетных семей
Суверенность психологического пространства личности	Самоконтроль	Бегство – избегание
	-0,398**	-0,556***

Обсуждение результатов

Полученные данные не подтверждают эмпирическую гипотезу, которую мы выдвинули на проверку. Мы обнаружили наличие отрицательной взаимосвязи между уровнем выраженности суверенности психологического пространства личности и функционированием проекции как механизма психологической защиты. Проекция – достаточно распространенный механизм, заключающийся в отказе признавать что-то в своей психической реальности (особенности характера, убеждения, мотивы), но ошибочно приписывать это другому человеку. Данный механизм стирает границу между личным и неличным, делает затруднительным установление различий между самим собой и другим человеком [5]. Безусловно, это не способствует формированию умеренной суверенности психологического пространства, свидетельствующей о сохранном суверенитете личности. Неудивительно, что подобная взаимосвязь была продемонстрирована именно респондентами – выходцами из многодетных семей, поскольку считается, что дети из больших семейств не осознают своё «Я», но воспринимают себя как часть разновозрастного коллектива детей, существующего

² коэффициент ранговой корреляции *r*-Спирмена, уровень значимости $p \leq 0,05(**)$

³ коэффициент ранговой корреляции *r*-Спирмена, $p \leq 0,05(**)$, $p \leq 0,01(***)$

в рамках многодетных семей [6]. Объектом проекции очень часто становятся именно близкие люди [7].

Удивительно, однако, что для респондентов – выходцев из многодетных семей отрицательная связь существует также между уровнем выраженности суверенности психологического пространства личности и мерой использования таких механизмов психологической защиты, как рационализация и гиперкомпенсация, несмотря на их высокую степень конструктивности (в отличие от проекции).

Суверенность психологического пространства личности, характеризующаяся умеренным уровнем выраженности, отражает переживание субъектом своей причастности к ценностным основаниям собственной жизни [2]. Это не соотносится с защитным механизмом рационализации [8] (суть этой защиты – интеллектуальная целенаправленная обработка информации о событии, позволяющая интерпретировать произошедшее как нечто контролируемое). Для человека же, который обладает развитыми психологическими границами, нужды в подобной иллюзии нет. Доказано, что данный вариант защитного поведения формируется при неоднократном проживании в детстве и подростковом возрасте действия фрустраторов, ограничивающих поведение в ситуации конкуренции, что приводит к недостижению цели и проигрышу [9]. Такая ситуация актуальна как раз для лиц, выросших среди нескольких сиблингов. Поэтому степень активности функционирования защитного механизма рационализации у взрослых, выросших среди многочисленных сиблингов, в целом достоверно выше, чем у респондентов единственных детей в родительских семьях. Интерпретировать полученный результат можно с учетом известной психологической особенности многодетных семей, а именно – сконцентрированность таких семей на самих себе, их замкнутость, сосредоточенность на внутреннем психологическом пространстве [10]. Раскроем подробнее этот феномен: дети, растущие в больших семьях, в семьях, где есть отдельная детская подсистема, в силу того что детей много, не стремятся к тому, чтобы общаться со сверстниками вне семьи, потому что для них достаточно общения в границах семейной системы. Только при достижении определенного возраста (младший школьный или младший подростковый возраст) дети из многодетных семей начинают ориентироваться на отношения и коммуникацию со своими сверстниками вне семейной системы. Чаще всего именно в подростковом возрасте происходит выход во внешнюю среду, контактирование за рамками семьи, налаживание отношений не только с сиблингами, но и со сверстниками из других социальных систем (класс, двор, спортивная секция). У единственного ребенка в семье изначально фиксируется дефицит общения со сверстниками, поэтому такой ребенок для удовлетворения потребности в контакте с другими ищет их вне семьи. И это происходит задолго до начала установления подросткового возраста [11].

Компенсация как относительно конструктивная защита – это двух-ступенчатая процедура, заключающаяся в опознавании недостатка, утраты, неполноценности и субъективного исправления обнаруженного для сдерживания горевания. Данный механизм формируется в онтогенезе наиболее поздно [7]. Дети из многодетной семьи, воспринимающие себя как часть большого коллектива и от этого не осознающие ценности собственного «Я», с возрастом [6] могут начать самоутверждаться в попытках доказать свою уникальность или неповторимость, что соответствует как раз описанию действия компенсации. Радикально выраженный вариант компенсации носит название механизма гиперкомпенсации или компенсации на абсолютно идеальном уровне. В основе этого защитного механизма лежит принцип амбивалентности, при котором одна модель поведения, которая оценивается личностью как неприемлемая, заменяется полярной моделью, где личность делает все наоборот. Такая бессознательная подмена позволяет личности избавиться от неприемлемых чувств или мыслей [9]. При этом суверенное психологическое пространство личности с целостными границами, дающее его обладателю возможность поддерживать свою личностную автономию, позволяет индивиду активно взаимодействовать с миром, гибко приспосабливая себя к нему, не утрачивая при этом собственной личностной самобытности, однако осознавая её и принимая [1]. Следовательно, ярко выраженное в своей частоте использования функционирование в системе внутриличностной психологической защиты выходца из многодетной семьи такого защитного механизма, как гиперкомпенсация, не приводит к формированию у данного индивида умеренного уровня выраженности суверенности психологического пространства личности.

Такой механизм психологической защиты, как замещение, не обладает высокой степенью конструктивности [9]: он представляет собой разрядку подавленных эмоций (как правило, враждебных, например гнева) через перенаправление их с объектов, непосредственно вызвавших у индивида эти отрицательные чувства, на те объекты (одушевлённые/ неодушевлённые), которые являются более доступными и представляют меньшую опасность, для снятия с их помощью напряжения через вымещение его на них (или на самого себя). Иными словами, пользуясь замещением, субъект не позволяет себе проживать испытываемые им эмоции, он словно бы отрицает их, отказывается от них, хотя они являются частью его «Я», пытается снизить эмоциональное напряжение с помощью кого-то со стороны, что, очевидно, не способствует установлению индивидом у себя целостных личностных границ: у него не формируются внутренние сдерживающие силы перед соблазном внедрения в психологическое пространство посторонних ему людей. Тогда как человек с развитыми психологическими границами уважает и область личного контроля другого человека, осознавая таковую для себя [12].

Копинговая стратегия самоконтроля, во взаимосвязи с показателями суверенности личностного пространства у выросших в многодетных семьях, предполагает преодоление негативного состояния за счет целенаправленного и произвольного подавления чувств, нивелирования влияния эмоций на понимание происходящего и на выбор тактики поведения. Эта копинг-стратегия свойственна лицам с высоким уровнем контроля над собственным поведением, стремлением к самообладанию [13]. Самоконтроль у ребёнка из большого семейства преобладает над самовыражением [11]. Активное использование копинг-стратегии самоконтроля не способствует формированию у человека личностной суверенности. Это связано с тем, что психологическая суверенность проявляется в индивидуальной убежденности в том, что человек поступает согласно побуждениям и желаниям собственным, а не навязанным другими [2]. При чрезмерном же использовании индивидом самоконтроля наблюдаются трудности выражения своих переживаний и потребностей, их осознания: собственные побуждения игнорируются, не воспринимаются как важные, отставляются в сторону [14]. Личность, базово опирающаяся на стратегию самоконтроля, умеет удерживать и не проявлять свои переживания и намерения, связанные с проблемными ситуациями от окружающих. Хотя личностная суверенность является, наоборот, выражением и проявлением личной свободы человека.

У выходцев из однодетных семей была установлена статистически значимая отрицательная взаимосвязь между показателями уровня выраженности суверенности психологического пространства личности и такой копинг-стратегии, как бегство-избегание. Стратегия бегства-избегания большинством исследователей признаётся неадаптивной, т. к. она обладает низкой степенью конструктивности: полезной оказывается лишь в краткосрочной перспективе, поскольку позволяет быстро снизить эмоциональное напряжение, порождённое стрессом, однако это не способствует разрешению самой проблемы [15]. Её частое использование, краткосрочное в своём функционировании, не способствует развитию состоянию психологических границ субъекта. Как известно, умеренная суверенность психологического пространства, свидетельствующая о сохранном суверенитете личности, развивается на основе обобщённого опыта успешного разрешения личностью фрустрирующих её ситуаций [1]. Поэтому, если личность уклоняется от разрешения трудных жизненных ситуаций (что является как раз характерным для содержания именно такой копинг-стратегии), это в итоге не приводит к становлению психологической суверенности как отдельной черты личности: опыт успешного автономного поведения не успевает накапливаться, тогда как именно личностная суверенность – это возможность человека держать под контролем, оберегать, охранять и расширять своё психологическое пространство. Тот факт, что выявленная нами отрицательная связь между уровнем выраженности суверенности психологи-

ческого пространства личности и бегством-избеганием демонстрируется респондентами-единственными детьми в семье, но не наблюдается у респондентов-выходцев из многодетных семей, может отражать в том числе такую психологическую особенность детей из больших семейств, которая свидетельствует о том, что они воспринимают самих себя как часть коллектива, а потому с трудом могут осознавать своё «Я» [11]. Возможно, это связано с тем, что единственный ребёнок в семье при построении им, по ходу взросления, развития, личностного формирования, собственного психологического пространства взаимодействует в рамках семейной микросреды преимущественно только со своими родителями, а не с другими родственниками. И тогда для маленького ребёнка отвержение со стороны родителя будет нести в себе опасность, поэтому респонденты – выходцы из однодетных семей боятся вызвать неудовольствие у своих родителей и предпочитают избегать ситуаций конфликта. Ребёнок из многодетной семьи строит свои отношения не только с родителями, но и с сиблингами, что даёт эффект разновозрастного маленького коллектива детей [6].

Заключение

Деятельность психологических защит и копинговых стратегий, нацеленная на сохранение границ «Я», можно рассматривать в рамках изучения суверенности психологического пространства личности и развитости психологических границ, их целостности, сохранности, в контексте «ресурсного подхода» к совладающему поведению. В соответствии с ним сохранённые границы психологического пространства личности также можно рассматривать как один из имеющихся у человека возможных ресурсов совладающего поведения. Чтобы защитное поведение личности оказывалось эффективным и способствовало успешной адаптации, человеку важно развиваться в условиях дружественной домашней среды, которая бы способствовала использованию при столкновении с трудностями такие способы защитного поведения, которые обладают высокой степенью конструктивности. Семейная система, в которой растёт и воспитывается человек, оказывает своё влияние не только на суверенность психологического пространства личности, но и на структуру способов совладающего (защитного) поведения. В своем исследовании мы показали, что взрослые, детство которых прошло или в контакте только со старшими членами семьи, или во взаимодействии и со старшими, и с другими детьми, обладают специфическими особенностями системы способов совладающего поведения и механизмов психологической защиты во взаимосвязи с показателями суверенности психологического пространства личности.

Ссылки

1. Нартова-Бочавер С. К. Психологическое пространство личности: монография. М.: Прометей, 2005. 312 с.

2. Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
3. Водинчар Е. А., Орлик Л. А. Взаимосвязь суверенности психологического пространства человека и специфики его межличностных отношений // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 48–56. EDN WYBSQD
4. Скорова Л. В., Герасимчук Т. А. К вопросу о психологической дистанции в разнотипных семьях // Вестник КемГУ. 2015. № 3-3. С. 248–251. EDN ULXBKT
5. Шамшикова Е. О. Адаптация зарубежной методики «Границы я» Н. Браун (N. Brown) // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4. С. 167-173. EDN KZPCRF
6. Бойко В. В. Многодетная семья. М.: Мысль, 2008. 237 с.
7. Субботина Л. Ю. Психология защитных механизмов личности: Учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 164 с.
8. Субботина Л. Ю. Психологическая защита и стресс. М.: Гуманитарный центр, 2013. 300 с.
9. Долгова В. И., Кондратьева О. А. Психологическая защита: монография. М.: Перо, 2014. 160 с.
10. Бойко В. В. Структура и особенности многодетной семьи. М.: Класс, 2011. 118 с.
11. Силина Е. А., Баландина Л. Л. Какие они, дети из многодетных семей? (Психологический очерк индивидуальности детей из многодетных семей): монография. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2005. 161 с.
12. Нартова-Бочавер С. К. Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017. 200 с.
13. Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Исаева Е. Р. и др. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями / Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, Е. Р. Исаева [и др.]. СПб: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2009. 38 с.
14. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения. Кострома: Авантитул, 2004. 344 с.
15. Крюкова Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Изд. 2-е, испр. и доп. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 61 с.

The concept of the psyche in Russian pre-revolutionary psychology

N. A. Vlasov¹

¹Russian state social university, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-506-513

Research article
Full text in Russian

The article examines the concept of the psyche in Russian pre-revolutionary psychology. In the course of the study, the main meanings of the concept of «psyche» («soul») were studied from the point of view of three directions in pre-revolutionary psychology (empirical, philosophical and natural science) using comparative historical and bibliographic methods, categorical analysis; The source base of the study consisted of monographs, textbooks and articles by leading Russian psychologists from 1900 to 1917 inclusive. As a result of the study, it was found that in Russian pre-revolutionary psychology there was no unified interpretation of the concept of the psyche, as it would be later, starting in the mid-1930s in Soviet psychology; It was also found that this interpretation depended on the methodological orientation of representatives of three trends in Russian psychology of the specified period: the rejection of the direct use of the concept of the psyche in empirical psychology, the understanding of the soul as the inner world of man in philosophical psychology, understanding of the psyche as an adaptation, having subjective and objective sides, in natural science psychology.

Keywords: history psychology; history of concepts; conceptual history; psyche; soul

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vlasov, Nikita A. | E-mail: VlasovNA@rgsu.net

Понятие психики в отечественной дореволюционной психологии

Н. А. Власов¹

¹Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-506-513
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается понятие психики в отечественной дореволюционной психологии. В ходе исследования были изучены основные значения концепта «психика» («душа») с точки зрения трех направлений в дореволюционной психологии (эмпирического, философского и естественнонаучного) при помощи сравнительно-исторического и библиографического методов, категориального анализа. Источниковую базу исследования составили монографии, учебники и статьи ведущих российских психологов с 1900 по 1917 год включительно. В результате исследования было установлено, что в отечественной дореволюционной психологии отсутствовала единая трактовка понятия психики, как это будет позже, начиная с середины 1930-х годов в советской психологии; также было обнаружено, что эта трактовка зависела от методологической ориентации представителей трех направлений в российской психологии указанного периода: отказа от непосредственного использования понятия психики в эмпирической психологии, понимания души как внутреннего мира человека в философской психологии, понимания психики как адаптивного приспособления, имеющего субъективную и объективную стороны, в естественнонаучной психологии.

Ключевые слова: история психологии; история понятий; концептуальная история; психика; душа

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Власов, Никита Анатольевич	E-mail: VlasovNA@rgsu.net Доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики

Введение

Многие из ныне живущих российских психологов с институтских времен помнят тезис о том, что предметом отечественной психологии является психика, понимаемая как свойство высокоорганизованной материи, заключающееся в субъективном отражении объективной реальности. Психика является одним из центральных понятий российской психологии.

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Такое ее понимание, унаследованное с советских времен, транслируется и в практику подготовки современных студентов. Однако так было не всегда – такая трактовка психики была введена в психологическую науку в нашей стране во второй половине 1930-х годов, и ведущую роль в этом процессе сыграл С. Л. Рубинштейн, предложивший адекватную (и с научной, и с идеологической точек зрения) модель построения марксистской психологии, завершив тем самым более чем десятилетние методологические поиски основ этой науки в послереволюционных реалиях [1–2].

Понятие психики стало краеугольным камнем отечественной психологии на многие десятилетия. Как предмет психологии оно оказалось весьма удачным, в нем были интегрированы внешнее и внутреннее, биологическое и социальное; трактуясь как свойство высокоорганизованной материи, оно укладывалось в русло диалектического материализма, а ее рефлекторная сущность соответствовала ленинской теории отражения. Одним словом, сложно переоценить роль конструкта психики в истории советской психологии. Следует отметить, что само это понятие существовало в отечественной психологии и ранее, но имело другие значения.

В ряде наших недавних публикаций [3–5] показано, что история понятий (концептуальная история) имеет хорошие перспективы не только в областях исторической и политической наук, но и в сфере психологии. С этой точки зрения изучение трансформации значения понятия «психика» («душа»), с учетом его роли в советской психологии, выглядит многообещающим. Однако для того, чтобы понять, каким образом этот концепт занял то центральное место в отечественной науке, о котором говорилось выше, необходимо рассмотреть его значение, как минимум, на трех временных промежутках: в дореволюционной психологии, в психологии периода «поведенческого поворота» 1920-х годов, в психологии этапа завершения ее марксистской перестройки (1930-е годы). В данной работе мы остановились на первом из этих трех периодов.

Согласно сложившейся в отечественной истории психологии традиции [6–7] мы анализировали значения понятия «психика» («душа») с точки зрения трех направлений в дореволюционной психологической науке – эмпирического, философского и естественнонаучного. В ходе исследования были применены сравнительно-исторический и библиографический методы, категориальный анализ; источниковую базу исследования составили монографии, учебники и статьи ведущих российских психологов с 1900 по 1917 год включительно.

Понятие психики в эмпирической психологии

Эмпирическое направление в отечественной психологии возникло в последней четверти XIX века под влиянием позитивизма, эмпиризма и вундтовского интроспекционизма. Предметом такой психологии являлись феномены сознания, а основным методом служило самонаблюдение. К началу

XX века, после смерти М. И. Владиславлева, М. М. Троицкого и Н. Я. Грота, ведущими представителями этого подхода стали Г. И. Челпанов и А. П. Нечаев.

Сторонники эмпирической психологии заявляли об отказе от изучения природы, сущности души человека. Так, Г. И. Челпанов писал: «Философское рассмотрение души, поэтому, для психологии, как науки о душевных явлениях, оказывается совершенно излишним. Мало того, природу психических явлений можно изучать и в том случае, если мы совсем не признаем существования души. Таким образом, возникает пресловутая психология без души, то есть психология без допущения гипотезы души» [8, с. 73]. Он же написал в 1913 году: «Психология слово греческое и обозначает “учение о душе”. Так как существования души неочевидно, новейшие психологи определяют психологию, как науку о душевных явлениях или о законах душевной жизни» [9, с. 3]. Примерно в том же духе высказывался и А. П. Нечаев: «С этой точки зрения, и предметом психологии, как науки, должно служить изучение законов душевных явлений, а не решение вопроса о сущности душевного мира или внутренней природы души» [10, с. 22].

Почему, говоря о душевных (психических) явлениях как о предмете психологии, представители эмпирического направления не говорят о том, что такое душа (психика)? Это связано, на наш взгляд, с тем, что с их точки зрения изучать природу души означало бы для психологии «регресс» к философии. Именно став опытной эмпирической наукой, оперирующей интроспекцией и экспериментом, психология смогла сепарироваться от философии; ее уникальный предмет, душевные явления сознания, также отличал ее от философии.

Понятие психики в философской психологии

В течение тысяч лет философия обладала монопольным правом на изучении природы души человека, однако к концу XIX века ее позиции в этом вопросе сильно пошатнулись, что было вызвано возникновением эмпирического и естественнонаучного направлений в психологии. Философская психология имела своим предметом душу человека (термин «психика» употреблялся ее сторонниками реже, нежели представителями «конкурирующих» подходов), используя для ее изучения умозрительный метод. В дореволюционный период ведущими философами-психологами этого направления были Н. О. Лосский, Л. М. Лопатин, С. Л. Франк.

Наиболее четко и экспрессивно выраженной была позиция С. Л. Франка. В 1917 году в монографии «Душа человека: Опыт введения в философскую психологию» он писал: «Мы не стоим перед фактом смены одних учений о душе другими (по содержанию и характеру), а перед фактом совершенного устранения учений о душе и замены их учениями о закономерностях так называемых “душевных явлений”, оторванных от их внутренней почвы и рассматриваемых как явления внешнего предметного мира.

Нынешняя психология сама себя признает естествознанием. Если мы избавимся от гипноза ходячего, искаженного значения слов и вернемся к их истинному, внутреннему смыслу, то мы легко поймем, что это значит: это значит, что современная так называемая психология есть вообще не психология, а физиология. Она есть не учение о душе как сфере некоей внутренней реальности, которая – как бы ее ни понимать – непосредственно, в самом опытном своем содержании, отделяется от чувственно-предметного мира природы и противостоит ему, а именно учение о природе, о внешних, чувственно-предметных условиях и закономерностях сосуществования и смены душевных явлений» [11, с. 422–423].

Понятно, кому были адресованы эти слова, – представителям эмпирического и естественнонаучного направлений в российской дореволюционной психологии. Более того, С. Л. Франк обвинил их в воровстве целой науки (или, как минимум, термина «психология»). Что же предлагал С. Л. Франк в этой ситуации? Он предлагал восстановить в правах психологию в ее первичном значении – как науку о душе: «И под учением о душе или философской психологией – так мы можем и будем называть намечающуюся здесь науку, чтобы хоть косвенно восстановить истинное значение названия “психологии” и вернуть его законному владельцу после упомянутого его похищения, непосредственно уже неустранимого, – мы должны разуместь именно общее учение о природе душевной жизни и об отношении этой области к другим областям бытия, в отличие от так называемой “эмпирической психологии”, имеющей своей задачей изучение того, что называется “закономерностью душевных явлений”» [11, с. 437].

Теперь, когда видно, что С. Л. Франк предлагал вернуть душу (психику) в качестве предмета психологии, необходимо понять, как он ее определял. Он писал: «Одно лишь несомненно: живой, целостный внутренний мир человека, человеческая личность, то, что мы вне всяких теорий называем нашей “душой”, нашим “духовным миром”, в них [современных психологических учениях] совершенно отсутствует» [11, с. 423]. Как можно увидеть, понятия «душа» и «внутренний мир человека» трактуются им как синонимичные. Душа (душевная жизнь, внутренний мир человека) обладает такими качествами, как непротяженность (как антитеза материальным объектам, то есть не занимает какого-либо пространства), невременность (душевные переживания, субъективные по своей природе, находятся вне временных рамок, так как время является понятием объективным), единство (внутренний мир человека отличается от мира внешнего своей целостностью, неделимостью на составляющие элементы) и неограниченность (в отличие от объектов физического мира, имеющих определенный объем, душа не может считаться имеющей границы) [7]. Как можно видеть из приведенных выше особенностей внутреннего мира человека, С. Л. Франк стремился четко развести понятие души (психики) как явления нематериального,

субъективного по своей природе, и понятие материи, всего физического, того, что можно изучать объективно.

Понятие психики в естественнонаучной психологии

Естественнонаучное направление в отечественной психологии возникло в последней трети XIX века на основе работ И. М. Сеченова. Оказавшись под еще большим влиянием позитивизма, чем сторонники эмпирического подхода, его представители (В. М. Бехтерев, А. Ф. Лазурский, Н. Н. Ланге и др.) заметно дистанцировались от философии, так как с точки зрения позитивизма наука является философией сама для себя и никакая другая философия ей не нужна. Ведущим методом в данном направлении выступал эксперимент, а предметом – внешние по отношению к внутреннему миру субъекта проявления психического. Термин «психика» в работах представителей данного направления встречается достаточно часто.

В. М. Бехтерев в своем проекте объективной психологии, позже названной рефлексологией, предлагает такой предмет для ее изучения: «Научную же дисциплину, которая имеет своим предметом изучение соотношения внешних воздействий с внешними же проявлениями невропсихики, мы называем объективной психологией» [12, с. 8]. Ученый вводит в дореволюционную психологию понятие «невропсихика»: «Таким образом, и в последующем изложении, если мы будем пользоваться словом “психический”, мы будем придавать этому значению необычный смысл и не будем понимать под ним только субъективное, но всегда и те объективные или материальные процессы в мозгу, которым всегда и везде сопутствуют психические процессы, иначе говоря, невропсихику» [12, с. 8]. Из такого определения следует, что невропсихика В. М. Бехтерева имеет как бы две стороны – субъективную и объективную.

Однако и от устоявшегося термина «психика» он не спешил отказываться: «Термины “психический” и “психика” до такой степени укоренились в умах людей, что, с нашей точки зрения, было бы бесплодно исключать их из области объективного знания, тем более что сущность дела заключается вовсе не в названии, а в соответственном понимании предмета. По всем вышеуказанным основаниям мы полагаем, что нет достаточного основания устранять из научного обихода термины “психический” и “психика”, желательнее лишь в видах ясного указания, что эти явления сопровождаются чисто материальными процессами, заменять их в объективной психологии терминами “нервно-психический” и “невропсихика”» [12, с. 21].

Среди представителей естественнонаучного направления в дореволюционной психологии в рамках заявленной темы следует также упомянуть Н. Н. Ланге. В своей работе «Психический мир» («Психология») 1914 года он указывает, что «самый предмет ее [психологии] – психическая жизнь – есть нечто весьма равно понимаемое и определяемое...» [13, с. 36]. Из контекста следует, что понятие психической жизни у него выступает синонимичным

понятию психики, которое он трактует в эволюционном ключе: «Психическая жизнь должна быть рассмотрена как особое, своеобразное жизненное приспособление организма, развившееся в нем ввиду его биологической полезности, для сохранения индивида и рода. Она вносит в деятельность организма такие выгодные для него особенности, которые способны охранять лучше его существование и потому подлежат естественному, а впоследствии, у человека, и социальному отбору, – особенности и преимущества, которые без психической жизни не достижимы. Эта биологическая целесообразность психики есть основной объяснительный принцип для психологии, для понимания психического развития» [13, с. 41]. В такой трактовке психики явно прослеживается влияние функционализма.

Однако Н. Н. Ланге в своем понимании психики не сходит на позиции биологизаторства: «Первоначально его [человека] психика имела ту же организацию, как и у высших животных, то есть сводилась к личному опыту и памяти этого опыта. Но общественный быт и исторический прогресс внесли в нее столь грандиозное усложнение, что психолог должен выделять ее в особую степень... У исторического же и общественного человека выступает совсем новый фактор преемственности – традиция в широком смысле слова, то есть передача от одного поколения к другому всей совокупности достигнутой уже культуры через подражание, обучение и т. п.» [13]. Здесь ученый акцентирует влияние на психику не только биологических, но и социально-культурных факторов.

Заключение

В результате проведенного исследования были установлены основные значения понятия психики (души) в отечественной дореволюционной психологии в период с 1900 по 1917 год.

В эмпирической психологии понятие психики использовалось в основном в связи с понятием явлений – психические явления, душевные явления. Стремясь дистанцироваться от философии, сторонники этого направления не использовали данный концепт в самостоятельном качестве, избегая, по-видимому, отождествления с философской психологией.

В философской психологии, наоборот, стремились сохранить понятие души (психики) и ревностно оценивали попытки других направлений в этой науке придать ей какое-то иное предметное содержание. Душа трактовалась в рамках данного подхода как внутренний мир человека.

В естественнонаучной психологии психика понималась как эволюционно приобретенное и способствующее адаптации к окружающей среде свойство организма, имеющее как субъективную, так и объективную сторону.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать два основных вывода: (1) в отечественной дореволюционной психологии отсутствовала единая трактовка понятия психики, как это будет позже, начиная с середины 1930-х годов, в советской психологии и (2) эта трак-

товка зависела от методологической ориентации представителей трех направлений в российской психологии указанного периода: отказа от непосредственного использования понятия психики в эмпирической психологии, понимания души как внутреннего мира человека в философской психологии, понимания психики как адаптивного приспособления, имеющего как субъективную, так и объективную стороны в естественнонаучной психологии.

Ссылки

1. Рубинштейн С. Л. Основы психологии: пособие для высших педагог. учеб. заведений. М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во, 1935. 496 с.
2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940. 596 с.
3. Власов Н. А. Понятие как объект исследования истории психологии. Анальевские чтения – 2023 // Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития: материалы международной научной конференции, 17–20 октября 2023 года, Санкт-Петербург. М.: Союзкниг; Кириллица, 2023. С. 135.
4. Власов Н. А., Мазиллов В. А. История понятий как перспективное направление историко-психологических исследований // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4. С. 93–103. DOI 10.20323/1813-145X_2023_4_133_93
5. Мазиллов В. А., Власов Н. А. М. С. Роговин и исследование понятий психологической науки // Сибирский психологический журнал. 2024. № 91. С. 6–21.
6. Петровский А. В. История советской психологии: Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967. 367 с.
7. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А. В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 1997. 576 с.
8. Челпанов Г. И. Психология и школа. М.: Ленанд, 2022. 214 с.
9. Челпанов Г. И. Краткий повторительный курс психологии: для сред. учеб. заведений. М.: «Сотрудник школ» А. Залесской, 1913. 214 с.
10. Нечаев А. П. Очерки психологии для воспитателей и учителей. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1911. 352 с.
11. Франк С. Л. Предмет знания об основах и пределах отвлеченного знания; Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. СПб.: Наука, 1995. 655 с.
12. Бехтерев В. М. Объективная психология / редкол. А. В. Брушлинский [и др.]; изд. подгот. В. А. Кольцова; отв. ред. тома Е. А. Будилова, Е. И. Степанова. М.: Наука, 1991. 475 с.
13. Ланге Н. Н. Психический мир / под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 368 с.

Structural aspects of cognitive decline syndrome

A. V. Karpov¹, M. V. Bashkin¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-514-528

Research article

Full text in Russian

The article presents the results of a study of the impact of digitalization on the formation and development of one of the main subsystems of the psyche that is cognitive subsystem. The determinative influence of digitalization on its formation, significant in degree and complex in nature, has been revealed. It is shown that it is carried out at two main and mutually complementary levels: analytical and structural. The essence of the analytical level of determination is that, in general, there is a significant decrease in the degree of formation of individual components of the cognitive subsystem: basic cognitive processes and their corresponding qualities. The specificity of the structural level of determination is that similarly - also significant and essential transformations are carried out in terms of general organization - structuring and integration of these components into integrity. On the basis of this, the position is justified, according to which the previously established syndrome of cognitive decline includes not only the reduction of individual parameters of the cognitive subsystem, but also the transformation of their overall structure. At the same time, an important specific pattern of structural transformations of the cognitive subsystem under the influence of digitalization factors is that it develops mainly in terms of changing the degree (measure) of its organization and integration, and not in terms of its qualitative restructuring. On the contrary, it remains quite invariant and resistant to the determinative influence of digitalization factors.

Keywords: digitalization; cognitive subsystem; cognitive processes; personality development; structural transformations; cognitive decline syndrome

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Anatoly V. | E-mail: anvikar56@yandex.ru
D. Sc. (Psychology), Professor, Corresponding Member
of RAO

Bashkin, Mikhail V. | E-mail: 280784@list.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Funding: Russian Science Foundation (grant 24-18-00675, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00675/>).

Структурные аспекты синдрома снижения когнитивности

А. В. Карпов¹, М. В. Башкин¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-3-514-528
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Представлены результаты исследования влияния цифровизации на формирование и развитие одной из основных подсистем психики – когнитивной. Выявлено существенное по степени и комплексное по характеру детерминационное влияние цифровизации на ее формирование. Показано, что оно осуществляется на двух основных и взаимодополняющих друг друга уровнях – аналитическом и структурном. Сущность аналитического уровня детерминации состоит в том, что в целом имеет место значимое снижение степени сформированности отдельных компонентов когнитивной подсистемы – базовых когнитивных процессов и соответствующих им качеств. Специфика структурного уровня детерминации состоит в том, что аналогично также значимые и существенные трансформации осуществляются и в плане общей организации – структурированности и интегрированности этих компонентов в целостность. На базе этого обосновано положение, согласно которому установленный ранее синдром снижения когнитивности включает в себя не только редукцию отдельных параметров когнитивной подсистемы, но и трансформацию их общей структуры. Вместе с тем важной специфической закономерностью структурных трансформаций когнитивной подсистемы под влиянием факторов цифровизации является то, что она разворачивается в основном в плане изменения степени – меры ее организованности и интегрированности, а не в плане ее качественных перестроек. Она, напротив, остается достаточно инвариантной и резистентной по отношению к детерминационному влиянию факторов цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация; когнитивная подсистема; когнитивные процессы; развитие личности; структурные трансформации; синдром снижения когнитивности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Анатолий Викторович | E-mail: anvikar56@yandex.ru
Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Башкин, Михаил Валерьевич | E-mail: 280784@list.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Финансирование: Российский научный фонд (грант № 21-18-00039, <https://rscf.ru/project/24-18-00675/>).

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Постановка проблемы исследования

Одним из наиболее значимых и комплексных направлений исследований в современной киберпсихологии, а также в смежных с ней областях является изучение тех последствий, которые имеют место по отношению к психике в результате повсеместной цифровизации практически всех основных сфер социума, в том числе – профессиональной и образовательной. По некоторым данным более 40 % всех исследований, проводимых в киберпсихологии, посвящены именно этой комплексной и многоаспектной и к тому же весьма сложной и внутренне противоречивой проблеме [1–2]. Действительно, как показывают исследования, психологические последствия цифровизации и компьютеризации не только чрезвычайно широки, но и внутренне противоречивы, разнонаправленны, сочетают в себе как неоспоримые позитивные моменты, так и не менее явные тенденции негативного плана [1–10]. Показательно и то, что именно последние привлекают в настоящее время основное внимание исследователей, что, впрочем, вполне объяснимо и обусловлено необходимостью раскрытия прежде всего именно негативных аспектов такого влияния как необходимого средства профилактики и коррекции отрицательных последствий цифровизации. К настоящему времени выявлены многочисленные факты, эксплицирующие такого рода негативное влияние, причем по отношению практически ко всем когнитивным процессам (см. обзор в [11]). Показательно и то, что они охватывают все уровни когнитивной иерархии в целом, начиная с ощущения и заканчивая мышлением, а также получая свое интегративное проявление в трансформациях интеллекта в целом [12–13]. Все эти факты широко известны, а общая совокупность когнитивных трансформаций подобного рода объединяется в синдром, обозначаемый понятием снижения когнитивности [13–14]. Его сущность заключается в том, что под влиянием цифровизации в целом и очень широким распространением средств компьютерной техники в особенности имеет место дефицитарное развитие базовых когнитивных процессов и качеств личности.

Установление данного синдрома является важным результатом и даже определенным этапом развития исследований, имеющим не только теоретическое, но и практическое значение. Вместе с тем, как и любое крупное достижение, его установление не только позволяет дать ответ на те или иные вопросы, но и приводит к постановке новых, еще более сложных вопросов, к формулировке новых проблем и направлений исследований. Важность исследования данного синдрома обусловлена еще и тем, что именно когнитивная подсистема является не только основной, но и базовой для иных процессуальных образований и их подсистем – регулятивной, коммуникативной, метакогнитивной и др. Следовательно, ее исследование может в значительной степени содействовать раскрытию тех закономерностей, которым они подчиняются. Более того, и само состояние, которое характер-

но сегодня для данного вопроса, также имеет ряд особенностей, требующих продолжения и углубления исследований в данной области.

Действительно, как показывает анализ современного состояния исследований данного вопроса, для него характерен отчетливо представленный эмпиризм и феноменологизм – явный крен в сторону обобщения данных подчеркнута эмпирического плана или даже просто наблюдений за фактами и проявлениями данного феномена в профессиональной деятельности и во внепрофессиональной сфере. Далее, этому состоянию присущ и отчетливый эклектизм – смешение данных очень разнопланового характера и практически полное отсутствие какой-либо систематизации имеющихся фактов. Третья особенность этого состояния заключается в том, что фиксация различных сторон данного синдрома в основном имеет качественный характер, не сопровождается в большинстве случаев какими-либо количественными данными. Это характерно, например, для экспликации тех трансформаций, которые имеют место в наиболее сложном когнитивном процессе – мышлении. Они раскрываются, как правило, в аспекте его качественных изменений – содержательной стороны, но не в плане более имплицитных характеристик, в особенности тех, которые индицируют трансформации количественных параметров его потенциала – в частности, уровня развития. Еще одна особенность состоит в том, что при исследовании данного вопроса доминируют внеэкспериментальные подходы и схемы изучения, что также индуцирует переходный развивающийся и пока недостаточно развитый уровень этих исследований. Наряду с этим, в исследованиях данного синдрома представлены очень разные по их уровневому статусу сущности. С одной стороны, это характеристик базовых когнитивных процессов, а с другой – их сугубо феноменологические проявления и эмпирические референты. Наконец, еще одна, быть может, наиболее характерная особенность состоит в том, что исследованиям в данной области присуща отчетливо выраженная аналитичность. Она имеет два основных проявления. Первое заключается в том, что получаемые относительно тех или иных аспектов данного синдрома факты остаются слабо увязанными друг с другом, недостаточно синтезированы в целостную систему, в которой они могли бы приобрести и новое звучание, и дополнительный смысл. Второе состоит в том, что сам этот синдром исследуется пока отнюдь не как таковой – в его прямом и непосредственном смысле, а как аддитивная совокупность тех или иных частных проявлений. Действительно, в самой этимологии понятия синдрома заключена атрибутивная организованность – системность; синдром – это комплекс органически связанных между собой признаков, объединенных единым механизмом возникновения и развития.

Все эти особенности убедительно свидетельствуют о том, что данная проблема находится пока на той стадии своего развития, которую принято обозначать как аналитическая. Однако констатация именно этого обстоятельства не только позволяет, но и предписывает необходимость сде-

лать еще один шаг в развитии данной проблемы – предпринять усилия, направленные на ее перевод в следующую стадию развития – системную, основной целью которой является раскрытие закономерностей организации отдельных симптомов в целостность, то есть именно в синдром. Это, в свою очередь, предполагает необходимость существенного изменения общей стратегии его изучения, а именно перехода от исследования его отдельных сторон и проявлений к раскрытию и объяснению закономерностей его структурной организации – взаимосвязи и взаимообусловленности тех частных проявлений и особенностей трансформационного плана, которые его составляют. Другими словами, возникает объективная необходимость перехода с аналитического уровня разработки данной проблемы на более глубокий и обладающий большей разрешающей способностью уровень исследования – структурный. Именно это и явилось основной целью представленного ниже исследования.

Методы и организация процедуры исследования

При реализации данной цели необходимо прежде всего учитывать следующее обстоятельство принципиального плана. Дело в том, что она непосредственно сопряжена с одним из наиболее общих трудных в теоретическом отношении вопросов – с вопросом о тех закономерностях, которые лежат в основе структурной организации когнитивной подсистемы психики в целом. Кроме того, с учетом того, что именно психические процессы, в особенности когнитивные, вообще являются базовыми компонентами психики, этот вопрос приобретает еще более общий характер и во многом раскрывает проблему структурной организации психики. Понятно, что он выходит далеко за пределы задач данной работы, однако и не учитывать его совсем также недопустимо. В силу этого, представляется не только целесообразным, но и необходимым избрать в качестве средства экспликации совокупности параметров когнитивной подсистемы такой подход, который уже учитывает их структурную организацию, воплощает в себе (хотя, конечно, и далеко не в полной мере) особенности их структурирования. Исходя из этого, в качестве базовой методики для проведения исследования был взят широко известный тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра [15]. Его характеристика подробно представлена во многих литературных источниках, что освобождает от необходимости ее развернутого представления. Вместе с тем, по нашему мнению, следует подчеркнуть две особенности теста, которые наиболее важны с точки зрения рассматриваемых здесь задач. Во-первых, в его основу положен наиболее обоснованный в теоретическом плане подход к разработке такого рода методик – априорный (а не апостериорный). Он состоит в том, что в основу диагностического конструкта кладутся определенные теоретические представления о нем как об организованной целостности, подчиняющейся определенным принципам и закономерностям, а его дифференциация на структур-

ные составляющие производится именно на основе этих представлений. В результате они эксплицируются как теоретически обоснованные, а само целое получает не только адекватную, но и достаточно полную репрезентацию. В частности, в данной методике полно представлена не только основная дифференциация интеллекта на базовые когнитивные процессы, но и такие фундаментальные аспекты его организации, как включенность в него вербальных и невербальных составляющих, а также дифференциация содержательных и пространственных операционных составляющих. Во-вторых, как показала длительная практика его использования, то множество субтестов, которые составляют данную методику, достаточно полно и непосредственно репрезентирует и базовые мыслительные операции, то есть операционный состав основного когнитивного процесса – мышления. Так, субтест «определение закономерностей» конгруэнтен наиболее общим мыслительным операциям – анализу и синтезу; субтест «определение общего» непосредственно соотносится с операциями абстрагирования и обобщения; субтест «определение общих черт» соотносится с операцией абстрагирования и т. д. Тем самым в этой методике в существенной мере эксплицируется не тот или иной, хотя и важный, но все же частный аспект организации когнитивной подсистемы в целом и мышления как его главной составляющей в частности, а их определяющий, базовый аспект. Он связан с тем, что и образует качественную определенность когниции, – с системой основных мыслительных операций.

Дизайн исследования был основан на методе сравнительного анализа двух массивов данных. Первый из них составляет те результаты, которые были получены в ряде выполненных нами ранее исследований и которые эксплицируют степень развития базовых когнитивных параметров у студентов 2013 года. Второй массив составляют аналогичные данные, но полученные при обследовании студентов 2023 года.

Далее результаты психодиагностического обследования подвергались обработке в соответствии с двумя основными способами, точнее, на двух основных, разных по глубине и, соответственно, по разрешающей способности, уровнях обработки – *аналитическом* и *структурном*. На первом сравнительному рассмотрению подвергались отдельные когнитивные параметры в аспекте их выраженности в двух группах испытуемых. Основным средством реализации второго выступает метод вычисления матриц интеркорреляций. По отношению к структурограммам, найденным для каждой из групп, был реализован также метод определения *обобщенных индексов* структурной организации (в нашем исследовании – диагностированных когнитивных параметров). К этим индексам относятся индекс *когерентности* структуры (ИКС), индекс *дивергентности* (дифференцированности) структуры (ИДС) и индекс *организованности* структуры (ИОС). Индекс когерентности структуры параметров определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и степе-

ни их значимости; индекс дивергентности структуры – как функция числа и значимости отрицательных связей в структуре; индекс организованности структуры – как функция соотношения общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимости [16–17]. Связям, значимым при $p < 0,99$, приписывается «весовой» коэффициент 3 балла; связям, значимым при $p < 0,95$, – «весовой» коэффициент 2 балла. Полученные по всей структуре «веса» суммируются, что позволяет получить значения указанных индексов. Этот метод позволяет выявить и охарактеризовать закономерности именно структурной организации изучаемого явления. Сами матрицы позволяют выявить взаимосвязанный комплекс тех или иных параметров и связей между ними (то есть их структуру) – в нашем случае между параметрами когнитивной подсистемы.

Кроме того, использовался также метод χ^2 для определения степени гомогенности – гетерогенности матриц интеркорреляций и соответствующих им структурограмм; он направлен на решение наиболее частой и типичной задачи, заключающейся в определении того, являются ли какие-либо матрицы (и, соответственно, структурограммы) однородными – гомогенными или же они разнородны – гетерогенны.

Наконец, при организации исследования необходимо учитывать достаточно острый и даже «неудобный» вопрос, состоящий в том, что возможные трансформации когнитивной подсистемы обусловлены, разумеется, не только факторами цифровизации, но и всем обширным комплексом других также важных факторов, сопряженных с качественными трансформациями социума в целом и его основных сфер. В частности, на развитие когнитивной подсистемы личности оказывают значимое влияние и те трансформации, которые претерпевает, скажем, сфера образовательной деятельности. Значимое воздействие оказывают и трансформации другой, так сказать, противоположной сферы – рекреационной, досуговой, связанной с внепрофессиональной и внеучебной активностью личности. Вообще говоря, трудно найти какую-либо значимую сферу социума, которая не претерпела бы в настоящее время изменений и сами эти изменения не влияли бы в той или иной степени на формирование личности в целом и основных подсистем психики в частности. В связи с этим и возникает вопрос, что именно в трансформациях регулятивной подсистем сопряжено с факторами цифровизации, а что – с иными, в том числе и отмеченными выше, трансформациями социума. Однако следует учитывать, что более общие трансформации основных сфер социума во многом как раз и являются следствиями цифровизации. Поэтому в них и *через* них проявляется и детерминационное влияние именно цифровизации на формирование личности и ее психики в целом, равно как ее базовых подсистем – прежде всего когнитивной.

Выборку исследования составили две группы испытуемых. В первую вошли студенты гуманитарных и естественных специальностей ярос-

лавских вузов, всего – 88 человек, из них 45 – женского и 43 – мужского пола, в возрасте от 17 до 24 лет. Во вторую группу вошли также студенты этих вузов, но обучающиеся уже в настоящее время, – всего 83 человека, из них 43 – женского и 40 – мужского пола, в возрасте от 18 до 26 лет.

Результаты исследования

Как отмечалось в предыдущем разделе, процедура исследования включала два основных этапа, на первом из которых был реализован *аналитический* способ, точнее, уровень рассмотрения изучаемой проблемы. Так, были определены показатели, индицирующие индивидуальную меру развития диагностированных когнитивных параметров *в отдельности*. Они представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты диагностики компонентов когнитивной подсистемы в двух группах испытуемых

Компоненты когнитивной подсистемы (субтесты методики Амтхауэра)	1-я группа (2013 г.)	2-я группа (2023 г.)	Р
Логический отбор (LS)	14,18	12,10	$p < 0,80$
Определение общих черт (GE)	17,11	15,19	$p < 0,80$
Аналогии (AN)	14,77	13,87	незначимо
Определение общего (ОО)	25,19	22,40	$p < 0,80$
Определение закономерностей (ОЗ)	15,12	13,55	$p < 0,80$
Арифметический (АР)	12,99	14,00	$p < 0,80$
Геометрическое сложение (ГС)	15,11	16,67	$p < 0,80$
Пространственное воображение (ПВ)	12,97	11,40	незначимо
Запоминание (З)	15,85	13,81	$p < 0,80$
Общий балл	142,29	133,99	незначимо

На основе этих данных можно провести попарное сравнение значений каждого из изучаемых параметров в группах и тем самым выявить и проинтерпретировать различия между ними. Наиболее общим итогом реализации такого метода (и, соответственно, уровня исследования) – аналитического – явилось установление трех основных фактов.

Во-первых, по заметному большинству параметров имеет место снижение степени их выраженности во второй группе испытуемых – оно констатируется по 5 субтестам из 9. По двум субтестам (Аналогии – AN, Пространственное воображение – ПВ) различия не эксплицируются, а еще по двум (Арифметический – АР, Геометрическое сложение – ГС) имеет место увеличение его значений во второй группе. Следовательно, в целом имеет ме-

сто определенная тенденция к снижению меры сформированности диагностированных компонентов когнитивной подсистемы во второй группе.

Во-вторых, очень характерно и то, что существует именно тенденция такой динамики, но не оформленная и четкая закономерность такого плана. Дело в том, что различия между данными в двух группах практически по всем субтестам представлены на том уровне значимости, который обозначается в статистике как «значимость на уровне тенденции», то есть при $p < 0,80$.

В-третьих, сопоставляя эти результаты с полученными ранее данными, эксплицирующими факты снижения уровня развития метакогнитивных и регулятивных процессов, можно видеть, что они весьма сходны в количественном отношении и представлены, как правило, вокруг значения в 15 % [18–19]. Разумеется, сопоставляя эти данные друг с другом, недопустимо видеть прямую связь между ними и тем более непосредственные детерминационные отношения. По-видимому, такая детерминация является существенно более сложной и комплексной, а главное – опосредствованно рядом иных существенных факторов. Вместе с тем она существует, а явная соразмерность имеющих место количественных трансформаций, по-видимому, не может считаться артефактом. За всем этим, по всей вероятности, стоят глубинные связи и межуровневые взаимодействия двух базовых подсистем психики – когнитивной и регулятивной, а также метакогнитивной сферы личности.

Таким образом, эти факты, взятые в их совокупности, действительно свидетельствуют об определенных трансформациях базовых когнитивных параметров, имеющих в основном негативную направленность. Вместе с тем следует констатировать, что они имеют достаточно умеренную степень выраженности – представлены на уровне тенденции. Кроме того, следует учитывать, что такого рода трансформации, по-видимому, не сводятся только к тем изменениям, которые имеют место по отношению к отдельным параметрам аддитивной совокупности, а представлены и в иных планах, в частности в плане их общей организации. В связи с этим возникает необходимость перехода именно на более мощный и адекватный природе изучаемого предмета уровень их исследования, то есть на собственно *структурный* уровень.

При его реализации были найдены матрицы интеркорреляций исследованных параметров отдельно для каждой из групп. Затем на их основе были построены *структурограммы* значимо коррелирующих друг с другом параметров (коррелограммы). Они представлены на рис. 1.

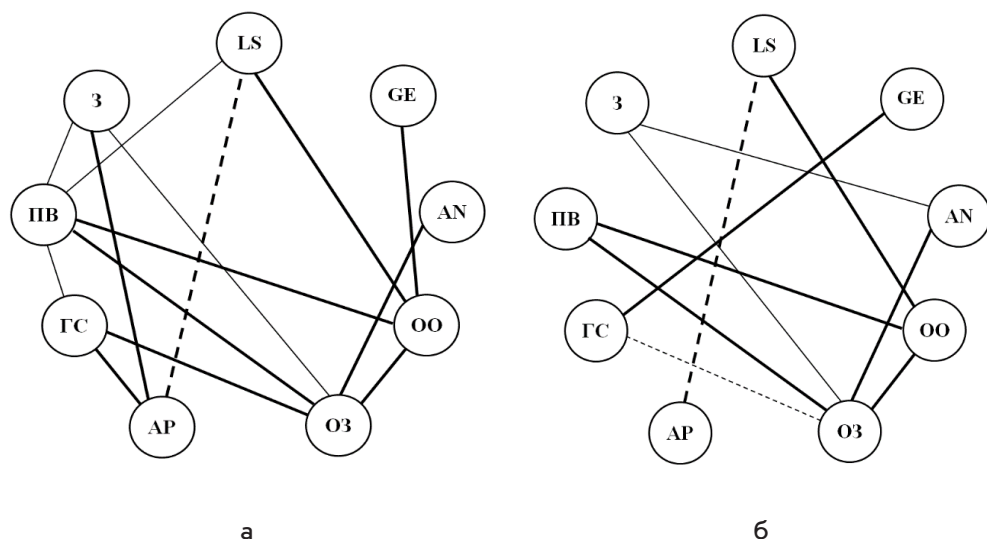

Рис. 1. Структурограммы когнитивных параметров в двух группах испытуемых. Обозначения те же, что и в табл.1; а – данные по группе студентов 2013 г., б – данные по группе студентов 2023 г.; жирная линия – связи, значимые при $p < 0,99$, тонкая линия – связи, значимые при $p < 0,95$, пунктирная линия – отрицательные связи.

Далее по отношению к ним был реализован метод определения обобщенных структурных индексов, охарактеризованный выше. Он предполагает определение индекса когерентности, показывающего степень интегрированности, синтезированнойности параметров в целостность; индекса дивергентности, показывающего степень ее дифференцированности, дезинтегрированности; индекса общей организованности, выступающего как суперпозиция двух первых индексов и индицирующего именно общую их организованность, понимаемую как мера преобладания интегративных тенденций над дезинтегративными («дезорганизационными»). Полученные значения индексов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Значения структурных индексов в двух группах

Структурные индексы	1-я группа	2-я группа
ИКС	35	22
ИДС	3	5
ИОС	32	17

Обсуждение результатов

Анализ всей совокупности представленных выше данных позволяет констатировать следующие основные результаты и эксплицировать те особенности и закономерности, которые их обуславливают.

Во-первых, следует еще раз подчеркнуть, что все эксплицированные в них различия – снижение меры сформированности диагностированных когнитивных параметров во второй группе – носят достаточно умеренный характер, то есть представлены на уровне тенденции ($p < 0,80$). К объяснению данного обстоятельство мы возвратимся ниже, а пока лишь зафиксируем его как существенное и общее для полученных результатов.

Во-вторых, по отношению к двум группам испытуемых имеет место и определенная, существенно более выраженная, чем к отдельным параметрам, динамика структурных индексов, эксплицирующих степень их организованности. Отметим, что она наиболее представлена по отношению к индексу когерентности структуры когнитивных параметров. Так, в первой группе ИКС равен 35 баллам, а во второй – только 22 баллам. Это означает, что доминирующей тенденцией таких трансформаций является определенное снижение общей степени их когерентности – целостности. Поэтому снижение структурированности всей *совокупности* когнитивных параметров как раз и составляет доминирующий «вектор» этих трансформаций.

В-третьих, динамика другого индекса – дивергентности (ИДС) представлена в весьма умеренном виде и менее значительна в абсолютных величинах (соответственно 3 и 5). Это имеет вполне естественное объяснение, корнящееся в специфике организации когнитивной подсистемы и ее интегрального проявления – интеллекта. Суть этой специфики, как известно, состоит в том, что в их общей структурной организации в существенной степени доминируют именно средства и механизмы синтетического, структурообразующего типа. Они в целом значимо более выражены по сравнению с аналогичными средствами и механизмами дифференцирующего типа.

В-четвертых, в своем наиболее обобщенном виде доминирование интегративных тенденций (и, соответственно, лежащих в ее основе средств и механизмов) находит свое итоговое и наиболее явное выражение в динамике индекса *организованности* – он составляет соответственно 32 и 17 баллов. Кроме того, поскольку эта динамика в основном обусловлена изменениями индекса когерентности, а динамика индекса дивергентности существенно менее представлена, то она в значительной степени подобна ей.

Итак, общий смысл всех этих результатов состоит в том, что они эксплицируют определенное снижение когнитивного потенциала личности во второй группе испытуемых. Оно имеет место по отношению как к отдельным индивидуальным качествам, то есть на аналитическом уровне, так и по отношению к их общей организации, то есть на структурном уровне. Причем и во втором случае эти трансформации также носят преимущественно негативный характер, поскольку уменьшение степени структури-

рованности – организованности, как известно из теории, является значимой детерминантой и даже механизмом снижения функционального ресурса систем – в данном случае когнитивного.

Наиболее общий и принципиальный вывод, который следует из анализа представленных результатов, состоит в том, что по отношению к двум обследованным группам имеет место *снижение* степени организованности (структурированности, интегрированности) ряда значимых параметров когнитивной подсистемы. При этом различия в значениях наиболее важного структурного индекса – общей организованности – в двух группах достаточно существенны и измеряются *кратно*: он выше в 1,8 раз в первой группе. По всей вероятности, такого рода различия не могут быть артефактом, но, напротив, свидетельствуют о перестройках достаточно глубокого характера.

Таким образом, можно констатировать *новое* явление, дополняющее и углубляющее существующие представления о синдроме снижения когнитивности. Оно состоит в том, что данный синдром существует и проявляется не только в целом и не только на аналитическом уровне его представленности, но и на ином более глубинном уровне (структурном). Это означает, что в его составе имеют место и значимые перестройки общей структуры базовых когнитивных параметров – меры их организованности в целом и интегрированности в особенности. Они обусловлены прежде всего качественными трансформациями социума в целом под влиянием факторов тотальной цифровизации. Данное явление, являясь тесно сопряженным с уже установленными ранее феноменами – синдромами снижения когнитивности, регулятивности и метакогнитивности, позволяет еще полнее охарактеризовать истинные масштабы происходящих в социуме трансформаций, комплексность и многоаспектность их влияния на психику и личность в целом. Более того, следует учитывать, что все эти синдромы действуют так сказать не «по отдельности», а совместно, точнее, в синергии друг с другом, что повышает меру их детерминационного воздействия на личность.

Вместе с тем, по нашему мнению, констатируя эти, действительно негативные синдромы, в целом недопустимо преувеличивать их выраженность, а тем самым гипертрофированно драматизировать складывающуюся ситуацию. Очень показательно, что именно об этом также свидетельствуют полученные результаты, но при еще более детальном и углубленном их рассмотрении. Дело в том, что сопоставление матриц интеркорреляций параметров когнитивной подсистемы и, соответственно, выявленных на этой основе структур по критерию ² показало их статистически достоверную гомогенность (при $p < 0,95$). Дополнительным и также важным свидетельством этого является еще один факт. В методологии структурно-психологического анализа сформулированы представления о *базовых* компонентах эксплицируемых структур, в частности – о базовых параметрах когнитивной подсистемы. Ими являются те компоненты, которые имеют наиболь-

ший структурный вес, то есть характеризуются наибольшим числом и значимостью структурных связей с другими компонентами. Показано также, что близость или совпадение базовых параметров в двух структурах является важным свидетельством их однородности [6]. Именно это и присуще двум сравниваемым структурам: их базовые компоненты действительно совпадают – в обеих структурах ими являются ОО («определение общего») и ОЗ («определение закономерностей»). Кроме того, интересно отметить, что они же соотносятся с такими мыслительными операциями, которые являются основными. Первый – с операциями абстрагирования и обобщения, а второй – с операциями анализа и синтеза. Это свидетельствует о принципиальном подобии структур не только в целом, но и в плане тех их компонентов, которые играют в них определяющую структурообразующую роль. Однако это же является и проявлением того, что данную роль в обеих структурах играют именно основные мыслительные операции – анализ, синтез, обобщение и абстрагирование.

Следовательно, между выявленными структурами существуют только *количественные* различия в плане меры, степени их организованности, а не *качественные* различия. Данный результат, казалось бы, не вполне соответствует тем предположениям, которые можно было бы сформулировать, исходя из очень сильного влияния факторов цифровизации на личность. Более того, по-видимому, было бы гораздо «интереснее и красивее» в теоретическом отношении, если бы эти качественные различия все же имели место. Тогда можно было бы, например, сделать броский вывод о том, что цифровизация детерминирует качественные перестройки когнитивной подсистемы. Однако в действительности этого не наблюдается, что является причиной и для сохранения оптимизма в плане прогноза дальнейших тенденций трансформаций когнитивной подсистемы. Причем аналогичная ситуация была констатирована и в отношении второй основной подсистемы психики – регулятивной [10]. По-видимому, когнитивные и регулятивные процессы именно как фундаментальные и основополагающие операционные средства обладают все же достаточной толерантностью к внешним воздействиям, в том числе и таким мощным, как факторы цифровизации. Вся их система, реагируя на эти факторы, тем не менее сохраняет свои наиболее глубинные и имплицитные закономерности, которые соотносятся не с их количественными экспликациями, а с базовыми структурными принципами и закономерностями, то есть с их организацией. Именно они, как следует из полученных результатов, остаются достаточно стабильными, инвариантными.

Заключение

Обобщая представленные выше результаты, можно сформулировать следующие итоговые заключения относительно основных целей данной работы. В наиболее общем плане они свидетельствуют о том, что цифровиза-

ция, охватывающая, по существу, все основные сферы общества, а также профессиональной и образовательной деятельности, действительно оказывает существенное влияние на когнитивную подсистему психики. Специфика этого влияния состоит в том, что оно не только имеет позитивные последствия, но и характеризуется целым рядом тенденций негативного плана. В свою очередь, это означает, что сама когнитивная подсистема и ее основные компоненты являются достаточно сензитивными по отношению к детерминационному влиянию на них факторов цифровизации.

Следует заключить, что это детерминационное влияние характеризуется комплексным характером, состоящим в том, что оно осуществляется в двух основных планах, точнее, на двух уровнях – аналитическом и структурном, причем второй из них имеет приоритетное и наиболее выраженное влияние на трансформации регулятивной подсистемы. При этом сущность первого, аналитического, уровня детерминации состоит в том, что имеет место определенное снижение степени сформированности отдельных компонентов когнитивной подсистемы. Специфика второго, структурного, уровня детерминации состоит в том, что аналогичные трансформации осуществляются и в плане общей организации – структурированности и интегрированности этих компонентов в целостность – в когнитивную подсистему и ее результативный эффект – интеллект.

В результате второго направления трансформаций синдром снижения когнитивности эксплицируется новой и более имплицитной гранью: он предстает как обусловленный структурными перестройками общей организации когнитивной подсистемы. За счет этого обнаруживается и сходство общего смысла и направленности данного синдрома с установленными ранее синдромами снижения регулятивности и метакогнитивности.

Наряду с этим, очень значимо и то, что отличительной закономерностью выявленных структурных трансформаций когнитивной подсистемы под влиянием факторов цифровизации является их развертывание в основном в плане изменения степени – меры ее организованности, интегрированности, то есть в аспекте количественных характеристик структуры этой подсистемы, а не в плане ее качественных перестроек. Она, напротив, остается достаточно инвариантной, что проявляется в статистически достоверной гомогенности структур когнитивных параметров в двух исследованных выборках. Данный факт выступает следствием и одновременно индикатором высокой толерантности когнитивной подсистемы к воздействиям факторов цифровизации и наличием у нее существенных компенсаторных возможностей.

Ссылки

1. Alison A. Cyberpsychology. Palgrave Macmillan, 2015. 304 p.
2. An Introduction to Cyberpsychology / ed. by Kirwan G., Connolly I., Barton H., Palmer M. Routledge, 2016. 348 p. DOI 10.4324/9781315741895

3. Бондаренко Т. А. Трансформации личности в условиях виртуальной реальности. Ростов-на-Дону : Издательский центр ДГТУ, 2006. 50 с. EDN QWNZDP.
4. Газзали А., Розен Л. Д. Рассеянный ум. Как нашему древнему мозгу выжить в мире новейших цифровых технологий. Москва : Бомбора™, 2019. 414 с.
5. Глазкова Ю. А., Трофимов Е. Н. Негативное влияние использования информационных технологий в образовательной деятельности // Наука, техника и образование. 2015. № 7. С. 5-7. EDN UGWAND
6. Карпов А. В., Карпов А. А., Калачева А. И. Цифровизация как фактор социально-психологической адаптации // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2024. № 3.
7. Клинберг Т. Перегруженный мозг. Информационный поток и пределы рабочей памяти. М.: Ломоносовъ, 2010. 208 с.
8. Петрова М. А. Влияние девайсов на формирование субъектности младших школьников // Дискуссия. 2016. № 9. С. 88–93. EDN WXOULT
9. Bell V., Bishop D. V., Przybylski A. K. The debate over digital technology and young people // British Medical Journal. 2015. Vol. 351. Art. no. h3064. DOI 10.1136/bmj.h3064.
10. Karpov A. V., Karpov A. A., Volchenkova A. A. Transformation Patterns of the regulatory subsystem of the Psyche in the Context of Digitalization of the Society // Changing society and personality. 2024. No. 3.
11. Карпов А. В. Методологические основы психологии информационной деятельности. Ярославль: Филигрань, 2021. 616 с.
12. Карпов А. В., Башкин М. В., Карпова Е. В., Чемякина А. В. Цифровизация как детерминанта трансформаций когнитивной подсистемы психики // Перспективы развития науки и образования. 2024. № 3.
13. Карр Н. Пустышка: Что Интернет делает с нашими мозгами. СПб.: Best BusinessBooks, 2012. 253 с.
14. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 781 с.
15. Тест умственных способностей / И. Г. Сенин, О. В. Сорокина, В. И. Чирков. Ярославль: Психодиагностика, 1996. 47 с.
16. Карпов А. В. Психология деятельности: в 5 т. М.: РАО, 2015.
17. Карпов А. В. Методологические основы психологии информационной деятельности. М.: РАО, 2021. 750 с.
18. Карпов А. В. Методологические аспекты влияния цифровизации на когнитивное развитие личности // Человек. Субъект. Личность. М.: ИП РАН, 2023. С. 171–176. EDN TRHWCQ